

Т.И. Вендина

Введение В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

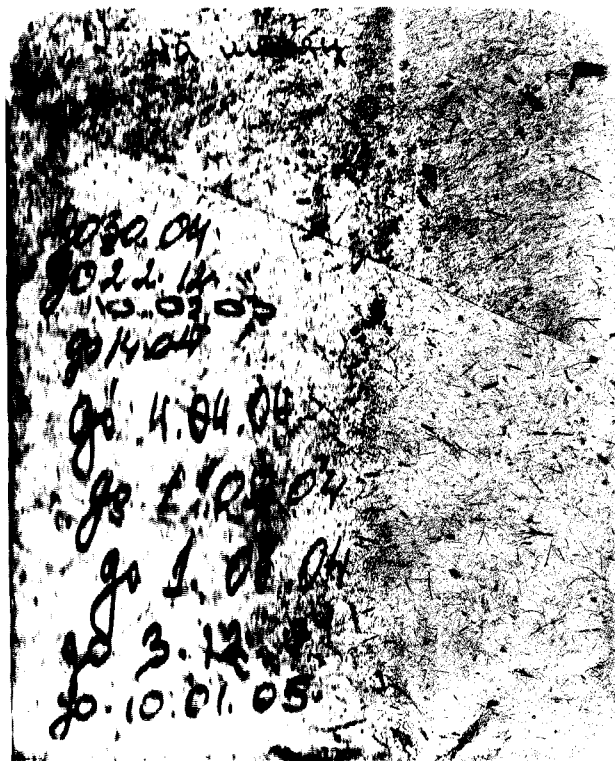
Рекомендовано УМО Российской Федерации
по педагогическому образованию
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических вузов

1001795

Южно-Уральский
гос. университет
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Москва
«Высшая школа»
2001

УДК 800
ББК 81
В 29

Рецензенты:

кафедра истории русского литературного языка
и общего языкознания Московского педагогического университета;
кафедра общего и славянского языкознания
Российского православного университета св. Иоанна Богослова

Вендина Т. И.

В 29 Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогических вузов. — М., Высш. шк., 2001. — 288 с.

ISBN 5-06-003700-2

В пособии изложены важнейшие проблемы языкознания в пределах программы учебного курса «Введение в языкознание», изучаемого студентами филологических факультетов университетов и педагогических институтов. В простой и доступной форме излагается теория общего языкознания, показывается, чем сегодня живет и что исследует эта наука. Пособие содержит сведения, отражающие современное состояние науки о языке и позволяющие овладеть основами теоретических знаний по лингвистике.

УДК 800
ББК 81

Учебное издание

Вендина Татьяна Ивановна

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Редактор Смирнов И. В.

Художественный редактор Иванова Ю. Э.

Корректор Середина Г. Н.

ЛР № 010146 от 25.12.96. Изд. № РЯ-433. Подп. в печать 02.10.2000.
Формат 60×88¹/₁₆. Бум. гезетн. Гарнитурa «Таймс». Печать офсетн.
Объем 17,64 усл. печ. л. 18,14 усл. кр.-отг. 16,34 уч.-изд. л.
Тираж 8000 экз. Заказ № 162

ГУП Издательство «Высшая школа» 101430, Москва, ГСП-4,
ул. Неглянная 29/14.

Факс: 200-03-01, 200-06-87

E-mail: V-Shkola@23.relcom.ru http://www.v-shkola.ru

Отпечатано в ОАО «Оригинал» 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

ISBN 5-06-003700-2

© ГУП Издательство «Высшая школа», 2001

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещено.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебное пособие предназначено для студентов I курса филологических факультетов университетов и педагогических вузов, изучающих языкознание. Оно построено в соответствии с программой лекционного курса «Введение в языкознание». Материалы пособия имеют прежде всего методическую направленность. Они должны помочь студенту, приступающему к изучению языковедческих дисциплин, войти в круг лингвистических проблем и овладеть основами теоретических знаний по языкознанию.

Изучение языкознания первокурсниками связано с определенными трудностями, среди которых главные – большой объем материала и сравнительно небольшой объем лекционных часов (особенно семинарских занятий), обилие новых терминов и сложных понятий, понимание и усвоение которых требует развития абстрактного мышления.

Пособие не претендует на исчерпывающее изложение всех вопросов этого лекционного курса. Поэтому после каждого раздела в нем приводится список рекомендуемой литературы, которая позволит студенту осмыслить материал и глубже проникнуть в изучаемую проблематику. Учебно-методическими целями пособия продиктовано и введение в него различных контрольных вопросов, цель которых помочь учащимся усвоить материал, развить у них навыки лингвистического мышления.

Автор

Введение

ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК НАУКА

Языкознание — это наука о языке, его происхождении, свойствах и функциях, а также об общих законах строения и развития всех языков мира. В мире существует от 2,5 до 5 тысяч языков (хотя народов по данным на 1983 г. около 1 тыс).¹ При всех огромных различиях между языками они имеют и много общего. К таким признакам, объединяющим все языки мира, относятся, например, следующие:

1) каждый язык является достоянием отдельного коллектива (народа, нации), в связи с чем любой язык (даже самый необработанный) выполняет в жизни этого коллектива разные функции, среди которых важнейшими являются две — быть средством познания и человеческого общения;

2) каждый язык состоит из звуков, произносимых человеком, с помощью которых формируются слова и выражаются мысли, поэтому любой язык имеет по крайней мере два коррелятивных класса образований — слово и предложение;

3) любое высказывание в том или ином языке членится на элементы, повторяющиеся в составе других высказываний;

4) каждый язык обладает набором таких повторяющихся элементов и правилами их соединения в высказывания.

Предметом языкознания являются такие сложные вопросы, как сущность языка, его происхождение и основные функции, соотношение языка и мышления, языка и объективной действительности, типы языков, организация их языковых уровней, функционирование и историческое развитие, классификация языков и др.

Внутри языкознания условно можно выделить общее языкознание и частное. Предметом изучения общего языкознания являются общие законы организации, развития и функционирования языков. В рамках общего языкознания находится типологическое языкознание, изучающее языки в сопоставительном аспекте с целью выявления общих закономерностей их развития и функционирования. Типологическое языкознание устанавливает языковые

универсалии, т.е. положения, которые действительны для всех языков мира (т.н. абсолютные универсалии) или для их значительного большинства (т.н. статистические универсалии).

К абсолютным универсалиям относятся, например, следующие: 1) во всех языках мира существуют гласные и смычные согласные (хотя соотношение их может быть разным); 2) в каждом языке речевой поток членится на слоги, среди которых обязательно встретится структура «согласный + гласный»; 3) во всех языках мира есть имена собственные и местоимения; 4) в грамматической системе любого языка различаются имя и глагол; 5) в каждом языке есть слова, передающие эмоции или команды человека; 6) если в языке есть категория падежа или рода, то в нем есть и категория числа; 7) если в языке есть противопоставление по роду у существительных, то оно есть и у местоимений; 8) на всех языках мира люди говорят предложениями и т.д.

Из числа статистических универсалий можно привести, например, такие: 1) в большинстве языков мира существует не менее двух различающихся гласных (исключение составляет лишь язык аранта в Австралии, имеющий только один гласный); 2) в большинстве языков мира система местоимений имеет не менее двух чисел (исключением является один из австронезийских языков — яванский, в котором в местоимениях ед.ч. и мн.ч. не различаются).

Частное языкознание обращено к изучению отдельных языков (например, русского, английского, китайского и др.) или группы родственных языков (например, славянских, романских и др.). Частное языкознание может быть описательным (синхронным < др.-греч. *syn* 'вместе' и *chronos* 'время', т.е. относящийся к одному времени), описывающим факты языка в какой-либо момент его истории (причем не только современный, но и взятый в каком-либо ином временном отрезке) или историческим (диахронным < др.-греч. *dia* 'через, сквозь' и *chronos* 'время', т.е. относящийся к движению во времени), прослеживающим развитие языка на протяжении большего или меньшего отрезка времени (например, древнерусского языка на протяжении XII–XIII вв.). К диахроническому языкознанию относится и сравнительно-историческое языкознание, обращенное к изучению исторического прошлого языков.

Языкознание как наука включает множество дисциплин, среди которых:

1) дисциплины, связанные с изучением внутренней организации языка, устройства его уровней (например, лексикология, грамматика);

¹ Эта диспропорция между количеством языков и количеством народов, на них говорящих, постепенно увеличивается, кроме того, расхождение между общим числом языков вызвано трудностями разграничения языка и диалекта, в особенности когда речь идет о бесписьменных языках. Общее же количество языков и диалектов на Земле достигает 30 тыс.

2) дисциплины, связанные с изучением исторического развития языка, с формированием его уровней (например, историческая фонетика, историческая грамматика, историческая лексикология);

3) дисциплины, описывающие функционирование языка в обществе (социолингвистика, диалектология, лингвогеография), изучающие широкий комплекс проблем, отражающих социальную природу языка, его общественные функции, роль в жизни общества и т.д.

4) дисциплины, занимающиеся комплексными проблемами, возникающими на стыке наук (психолингвистика, математическая и инженерная лингвистика);

5) прикладные лингвистические дисциплины (экспериментальная фонетика, лексикография, палеография, дешифровка неизвестной письменности и т.д.).

Языкознание изучает явления, принадлежащие различным языковым уровням. Уровни языка – это ярусы общей языковой системы. Обычно выделяют следующие языковые уровни: фонемный (или фонологический), морфемный (или морфологический), синтаксический и лексический (или лексико-семантический).

Фонемный уровень языка представляют следующие лингвистические науки:

фонетика – наука о звуковом уровне языка. Предметом ее изучения являются звуки речи во всем их многообразии, описание их артикуляционных и акустических характеристик и правил употребления в языке;

фонология – раздел языкознания, изучающий звуковую сторону языка, но с функциональной и системной точек зрения. Предметом изучения является фонема, ее фонологические признаки и функции;

морфонология – раздел языкознания, изучающий фонему как элемент построения морфемы. Предметом морфонологии является фонемная структура морфем, поведение фонем в тождественных морфемах (их варьирование, правила сочетаемости на стыках морфем и др. вопросы).

Фонетике, фонологии, морфонологии, описывающим звуковую сторону языка, противостоят семантически ориентированные разделы языкознания, изучающие значение как отдельного слова, так и целого класса слов, объединенных общностью грамматического или словообразовательного значения.

С лексическим уровнем языка связаны следующие науки:

лексикология – раздел языкознания, изучающий словарный состав языка и слово как его основную единицу, структуру лекси-

ческого состава языка, пути его пополнения и развития, характер системных отношений внутри или между группами лексики;

семасиология, исследующая лексическую семантику, соотносительность слова с выражаемым им понятием и обозначаемым предметом действительности;

ономасиология, изучающая вопросы, связанные с техникой называния в языке, с членением мира в ходе познания его человеком.

Морфологический уровень языка описывают следующие науки:

морфология, изучающая структуру слова, его морфемный состав и формы словоизменения (классификацию систем форм словоизменения), части речи и принципы их выделения;

словообразование, описывающее строение слова, средства и способы его образования, условия появления и функционирования в языке.

Синтаксический уровень языка представляет синтаксис – раздел языкознания, описывающий процессы порождения речи: способы соединения слов (и форм слов) в словосочетания и предложения, типы синтаксических связей слов и предложений, т.е. те механизмы языка, которые способствуют формированию речи.

МЕСТО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ НАУК

1. Связь языкознания с гуманитарными науками.

Будучи наукой о человеческом языке, языкознание тесно связано с социальными научными дисциплинами, которые направлены на изучение человека и человеческого общества, а именно:

с историей, которая исследует процессы, связанные с изменением социальных структур общества и их воздействием на развитие языка, культуры, литературы, искусства;

с философией, связанной с языкознанием проблемами «сущность языка», «язык и общество», «язык и сознание», «язык и культура», «соотношение понятия и значения в слове» и др.;

с антропологией через проблему происхождения человека и ранних этапов развития его языка;

с этнографией, среди проблем которой проблема функционирования языка в обществах разного типа;

с археологией при изучении вымерших языков и определении локализации и миграции их носителей;

с социологией, связанной с языкознанием такими вопросами, как социальная природа языка, его общественные функции, механизмы воздействия социальных факторов на язык, роль языка в жизни общества и др.;

с грамматологией, наукой, занимающейся изучением письменности (греч. *gramma* 'письменный знак, черта') через проблему происхождения письма и алфавитов, основных этапов их развития;

с герменевтикой, наукой, занимающейся изучением текстов, в частности, вопросами их построения и толкования (греч. *germēneutikē* 'истолковательное искусство') через проблему расшифровки и чтения текстов (по большей части древних);

с лингвистической поэтикой, исследующей языковые законы построения художественных текстов, звуковую, синтаксическую, стилистическую организацию поэтической речи;

с психологией через проблему «психология речи», связанную с механизмом речеобразования и восприятия речи, с психофизиологической речевой организацией человека;

с логикой, исследующей среди прочих вопрос соотношения языка и мышления.

2. Связь языкознания с естественными науками.

Языкознание связано не только с гуманитарными науками, но и естественными, а именно:

с математикой, позволяющей разрабатывать статистическую теорию языка, вычислять статистические характеристики речи методами математической теории информации;

с физикой, которая дает возможность решать технические задачи экспериментальной фонетики;

с биологией через проблему эволюции, реконструкции древнейших феноменов и их классификации, особенно сравнительно-историческое языкознание, поскольку методы реконструкции праиндоевропейского языка и его праформ и определения времени его распада в языкознании оказались аналогичны сходным процедурам в молекулярной теории эволюции;

с медициной, которая на основании лингвистических данных изучает зоны и функции центральной нервной системы;

с психиатрией при анализе бессознательных речевых ошибок, патопсихолингвистических речевых нарушений, связанных с умственной отсталостью, или речевых отклонений, связанных с нарушением сенсорных систем (у глухих или глухонемых) и др. вопросов.

Глава 1

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Языкознание как наука о языке зародилось в глубокой древности (предположительно на Древнем Востоке, в Индии, Китае, Египте). Сознательное изучение языка началось с изобретения письменности и появления особых языков, отличных от разговорных.

Первоначально наука о языке развивалась в рамках частного языкознания, что было вызвано необходимостью обучения письменному языку. Первым теоретическим опытом описания языка была грамматика санскрита индийского ученого Панини (V–IV вв. до н.э.), которая называлась «Восьмикнижие». В ней устанавливались нормы санскрита и давалось точное описание языка священных текстов (Вед). Это было наиболее полное, хотя и предельно сжатое (чаще всего в виде таблиц), описание фонетики, морфологии, морфонологии, словообразования и элементов синтаксиса санскрита. Грамматику Панини можно назвать порождающей грамматикой, т.к. она в известном смысле учила порождению речи. Давая в качестве исходного материала список в 43 слога, ученый излагал систему правил, позволяющих строить из этих слогов слова, из слов – предложения (высказывания). Грамматика Панини до сих пор считается одним из самых строгих и полных описаний санскрита. Сочинение Панини оказало существенное влияние на развитие языкознания в Китае, Тибете, Японии (в китайском языкознании долгое время основным направлением была фонетика).

Прикладной характер древнего языкознания проявился и в интересе к толкованию значений слов. Первый толковый словарь «Эр я», над которым работало несколько поколений ученых, появился в Китае (III–II вв. до н.э.). В этом словаре давалось систематизированное толкование слов, встречающихся в памятниках древней письменности. В Китае же в начале нашей эры появился и первый диалектный словарь.

Европейская лингвистическая, а точнее грамматическая, традиция зародилась в Древней Греции. Уже в IV в. до н.э. Платон, описывая грамматику греческого языка, вводит термин *technē grammatikē* (буквально 'искусство письма'), определяющий основные разделы современной лингвистики (отсюда происходит и современный термин «грамматика»).

Грамматическое и лексикографическое направление частного языкознания было ведущим в науке о языке в античной языковедческой традиции, в средневековой Европе и особенно на Востоке. Так, в частности, в IV в. в Риме появляется «Грамматическое руководство» Элия Доната, прослужившее учебником латинского языка более тысячи лет. В VIII в. арабский филолог Сибавейхи создает первую дошедшую до нас классическую грамматику арабского языка.

На Востоке же к X в. формируется понятийный аппарат и терминология лексикологии, которая выделяется в самостоятельную научную дисциплину. Об этом свидетельствуют работы арабского ученого Ибн Фариса («Книга о лексических нормах», «Краткий очерк о лексике»), в которых впервые поднимается вопрос об объеме словарного состава арабского языка, дается классификация его лексик с точки зрения ее происхождения и употребления, разрабатывается теория слова (проблема многозначности слова, прямого и переносного значений, омонимии и синонимии).

Арабское языкознание оказало влияние на становление еврейского языкознания, развитие которого также шло в основном в двух направлениях — грамматическом и лексикографическом. Первая грамматика древнееврейского языка появляется в начале X в. Автор ее Саадия Гаон. Однако собственно научное изучение древнееврейского языка начинается с работ Давида Хайюджа, который в двух «Книгах о глаголах» выделил основные категории морфологии глагола и впервые ввел понятие корневого морфемы. Это понятие прочно утвердилось в еврейском языкознании, о чем свидетельствует фундаментальный словарь корневых морфем Самуила Нагида (XI в.) «Книга, избавляющая от нужды обращаться к другим книгам», куда вошли все слова и словоформы, встречающиеся в Ветхом Завете. На рубеже XII–XIII вв. появляются грамматики древнееврейского языка братьев Кимхидов, ставшие на долгое время классическими учебниками древнееврейского и арамейского языков во многих христианских университетах Западной Европы.

Грамматическое и лексикографическое направление частного языкознания, развивая и углубляя свой научный аппарат, становится ведущим в науке о развитии и функционировании отдельных языков. Однако собственно теоретическое изучение языка, становление особой научной дисциплины — языкознания происходит в рамках общего языкознания.

Философское осмысление языка, изучение его как средства познания мира начинается в Древней Греции, где постижение зако-

нов языка происходило в рамках философии и логики. Лингвистический интерес античных философов был сосредоточен на таких сложнейших проблемах, как происхождение языка, язык и мышление, соотношение слова, вещи и мысли и т.д. Язык рассматривался как средство формирования и выражения мысли. Разум и речь понимались как единый *logos*. Поэтому учение о слове (логосе) явилось основой древнегреческого языкознания. Согласно этому учению, из слов складываются предложения (ср. в индийской языковой концепции: целостное предложение разлагается на элементы лишь в грамматическом описании), поэтому слово рассматривается и как часть речи, и как член предложения.

Наиболее ярким представителем античной языковедческой традиции является Аристотель. В своих сочинениях («Категории», «Поэтика», «Об истолковании» и др.) он изложил логико-грамматическую концепцию языка, для которой было характерно нерасчлененное восприятие синтаксических и формально-морфологических характеристик единой речи. Аристотель был одним из первых античных философов, кто развил учение о частях речи и синтаксисе простого предложения. Дальнейшая разработка этих проблем велась учеными Древней Стои, крупнейшего философского и лингвистического центра Греции (т.н. стоиками)¹, которые усовершенствовали его классификацию частей речи и заложили основы теории семантического синтаксиса, активно развивающейся в настоящее время.

Своей вершины философское изучение языка достигает в трудах западноевропейских ученых XVI–XVII вв. Ф. Бэкона, Р. Декарта и В. Лейбница, выдвинувших идею создания единого для всего человечества языка в качестве совершенного средства общения и выражения человеческих знаний. Развитие языкознания в XVII в. проходило под знаменем создания философской грамматики языка, что было продиктовано самим временем, нуждами и трудностями межкультурного общения и обучения. Так, в частности, Ф. Бэкон выступил с идеей создания своеобразной сравнительной грамматики всех языков (или по крайней мере индоевропейских). Это, по его мнению, позволило бы выявить сходства и различия между языками, а впоследствии создать на основе выявленных сходств

¹ Основателем школы считается Зенон из Китиона на Кипре (ок. 336–264 гг. до н.э.). Не удовлетворенный учениями древнегреческих философских школ (в частности, платоновской Академии), Зенон основал свою собственную школу в «узорчатом портике» (греч. *stoa* 'портик'), от которого она и получила свое название.

единый для всего человечества язык, т.е., по сути дела, речь шла о создании языка типа эсперанто как совершенного средства общения. Со сходной идеей создания единого философского языка выступил и Р. Декарт. Этот язык, по мнению Р. Декарта, должен обладать определенной суммой понятий, которые позволяли бы путем различных формальных операций получать абсолютные знания, поскольку система человеческих понятий может быть сведена к сравнительно небольшому числу элементарных единиц. Такой язык должен иметь только один способ спряжения, склонения и словообразования, т.е. и здесь речь шла о создании всеобщего искусственного языка. Эта же идея лежала в основе концепции В. Лейбница, предложившего проект создания универсального символического языка. В. Лейбниц полагал, что все сложные понятия состоят из простых «атомов смысла» (так же, как все делимые числа являются произведением неделимых). Комбинация этих «атомов смысла» позволит выражать сложнейшие абстрактные материи. Рассуждения поэтому он предлагал заменить вычислениями, используя для этих целей формализованный язык. Первые девять согласных он предлагал обозначить цифрами с 1 по 9 (например, $b=1$, $c=2$, $d=3$ и т.д.), а комбинациями цифр – другие согласные. Гласные же он предлагал передавать десятичными разрядами (например, $a=10$, $e=100$, $i=1000$ и т.д.). Идеи В. Лейбница и сам проект формализованного языка дали толчок развитию символической логики и в дальнейшем оказались полезными в кибернетике (в частности, в конструировании языков машин).

Логический подход к языку как способ познания его универсальных свойств получил продолжение в рационалистических концепциях языка, лежащих в основе грамматики Пор-Рояля, названной по имени одноименного аббатства. Опираясь на логические формы языка, выявленные Аристотелем (понятие, суждение, сущность и т.д.), авторы «Всеобщей рациональной грамматики» (последователи Р. Декарта – логик А. Арно и филолог К. Лансло) доказывали их универсальность для многих языков мира. Грамматика, основанная на категориях логики, должна быть, по их мнению, универсальной, как универсальна сама логика. Привлекая материалы латинского, древнееврейского, греческого, французского, итальянского, испанского, английского, немецкого языков, они исследовали природу слов (характер их значений, способы образования, отношения с другими словами), выявили принципы структурной организации этих языков, определили номенклатуру общих грамматических категорий, дав описание каждой из них, установили

соотношение категорий языка и логики. Эта грамматика положила начало общему языкознанию как специальной научной дисциплине и заложила основы сравнительно-исторического языкознания. Грамматика реально доказала, что языки можно классифицировать самыми различными способами – и с точки зрения их материального сходства и различия (т.е. сходства и различия в материальном выражении значащих элементов языка), и с точки зрения их семантического сходства и различия. Однако рассматривая язык как выражение «неизменных логических категорий», авторы этой грамматики абсолютизировали принцип неизменности языка и оставили без внимания принцип языковой эволюции.

В рамках общей теории языка формируется и сравнительно-историческое языкознание. Корни его уходят в глубокую древность: первые наблюдения над родством языков, в частности, древнееврейского и арабского, встречаются в еврейском языкознании в сочинении Исаака Баруна «Книга сравнения еврейского языка с арабским» (XII в.). В основе сравнительно-исторического изучения языков лежали следующие принципы:

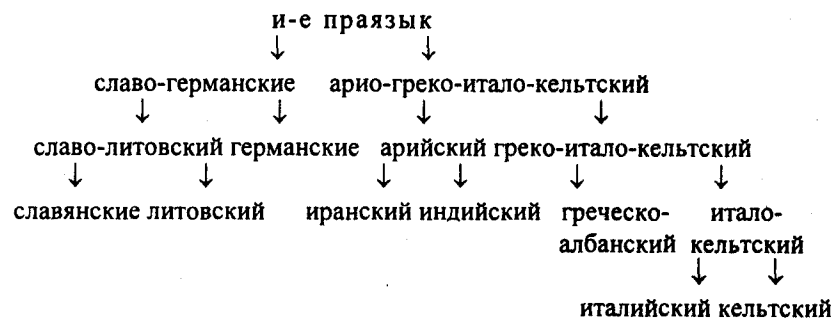
- 1) каждый язык имеет свои отличительные признаки, выделяющие и противопоставляющие его другим языкам;
- 2) выявить эти признаки можно путем сравнительного изучения языков;
- 3) сравнительный анализ обнаруживает не только различия, но и родство языков;
- 4) родственные языки формируют языковую семью;
- 5) различия родственных языков – результат их исторических изменений;
- 6) фонетическая система языка изменяется быстрее других языковых систем; фонетические преобразования в рамках одной языковой семьи осуществляются со строгой последовательностью, не знающей исключений.

У истоков сравнительно-исторического изучения языков стояли немецкие ученые Ф. Бопп, Я. Гримм, датский К. Раск и русский А.Х. Востоков, разработавшие принципы и методы сравнительно-исторического изучения как живых, так и мертвых языков. В работах, созданных ими («Система спряжения в санскрите в сравнении с греческим, латинским, персидским и германскими языками» Ф. Боппа, «Исследование происхождения древнесеверного или исландского языка» Р. Раска, четырехтомная «Немецкая грамматика» Я. Гримма, «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оногo пись-

менным памятникам» А.Х. Востокова), обосновывалась необходимость изучения исторического прошлого языков, доказывалась их изменчивость во времени, устанавливались законы их исторического развития, выдвигались критерии определения языкового родства. По мнению Р. Раска, язык является средством познания происхождения народов и их родственных связей в далекой древности. Причем основным критерием родства языков является грамматическое соответствие как наиболее устойчивое, что касается лексических соответствий, то они, считает Р. Раск, являются в высшей степени ненадежными, так как слова часто переходят из одного языка в другой независимо от характера происхождения этих языков. Грамматический же строй языка является более консервативным. Язык, даже смешиваясь с другим языком, практически никогда не заимствует у него формы спряжения или склонения, а наоборот, скорее сам теряет свои собственные формы (английский язык, например, не воспринял форм склонения или спряжения французского языка или скандинавских, но, наоборот, вследствие их влияния сам утратил многие древние англосаксонские флексии). Отсюда он делает вывод: язык, имеющий наиболее богатую формами грамматику, является наиболее древним и близким к первоисточнику.

Сравнительно-исторический подход к изучению языков способствовал разработке их генеалогических классификаций. Первым лингвистом, предложившим такую классификацию, был немецкий ученый А. Шлейхер. Отвергая возможность существования единого праязыка для всех языков мира, он выдвинул идею исторического родства родственных языков. Языки, происходящие из одного языка-основы, образуют языковой род (или «языковое древо»), который делится на языковые семьи. Эти языковые семьи дифференцируются на языки. Отдельные языки распадаются далее на диалекты, которые с течением времени могут обособляться и превращаться в самостоятельные языки. При этом Шлейхер полностью исключает возможность перекрестного скрещивания языков и диалектов. Задача лингвиста, — считает он, — заключается в том, чтобы на основе поздних форм существования языка реконструировать формы языка-основы. Таким языком-основой для многих европейских языков был «общеиндоевропейский праязык», прародина которого, по мнению А. Шлейхера, находилась в Средней Азии. Ближе всего (и территориально, и в языковом отношении) к индоевропейскому языку, согласно А. Шлейхеру, стояли санскрит и авестийский язык. Индоевропейцы, двинувшиеся на юг, положили начало греческому, латинскому и кельтскому языкам. Индоевропейцы,

ушедшие с прародины северным путем, дали начало славянским языкам и литовскому. Ушедшие дальше всех на запад предки германцев положили начало германским языкам. Иллюстрируя процесс распада индоевропейского праязыка, он предложил следующую схему родословного древа индоевропейских языков:

На основе теории «родословного древа» А. Шлейхер делает следующие выводы: 1) языки, относящиеся к одной и той же ветви родословного древа, ближе друг к другу в языковом отношении, чем к языкам других ветвей; 2) чем восточнее живет индоевропейский народ, тем более древним является его язык, чем западнее — тем больше в языке новообразований и тем меньше у него сохранилось старых индоевропейских форм (примером может служить английский язык, который утратил древние индоевропейские флексии и саму систему склонения). Оба вывода, однако, не выдерживали критики с точки зрения реальных фактов индоевропейских языков: одинаковые фонетические процессы могли охватывать языки, принадлежащие к разным ветвям родословного древа; даже в санскрите, признанном эталоне древнего языка, имеется немало новообразований; кроме того, индоевропейские языки уже в глубокой древности вступали между собой в контакты, а не были обособлены друг от друга, как пытался доказать А. Шлейхер, отрицая возможность скрещивания языков и диалектов.

Неприятие шлейхеровской теории вызвало появление новых гипотез происхождения языков. Одной из таких гипотез была «теория волн» ученика А. Шлейхера И. Шмидта. В своей книге «Отношения родства между индоевропейскими языками» он доказывает, что все индоевропейские языки связаны между собой цепью взаимных переходов. Шлейхеровской теории последовательного дробления индоевропейского праязыка Шмидт противопоставил теорию по-

степенных, незаметных переходов между не имеющими четких границ диалектами праязыка. Эти переходы распространяются концентрическими кругами, «волнами», становясь все более и более слабыми по мере удаления от центра возникновения новообразований. Однако эта теория также имела свои недостатки, в частности, она оставляла без внимания вопрос о диалектном своеобразии языков, входящих в индоевропейскую языковую общность.

Параллельно со сравнительно-историческими исследованиями продолжает развиваться общее и теоретическое языкознание, происходит формирование новых направлений в изучении языка. Так, в частности, в недрах сравнительно-исторического языкознания зарождается психологическое направление, основателями которого явились немецкие ученые В. Гумбольдт, Г. Штейнталь, российский философ-лингвист А.А. Потебня. Лингвистическая концепция В. Гумбольдта основывалась на антропологическом подходе к языку, в соответствии с которым изучение языка должно вестись в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его духовно-практической деятельностью. Язык, по Гумбольдту, живая деятельность человеческого духа, это энергия народа, исходящая из его глубин. В своей работе «О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества» он выдвигает идею взаимосвязи языка, мышления и духа народа. Язык является средством развития внутренних сил человека, его чувств и мировоззрения, он посредник в процессе «превращения внешнего мира в мысли людей», так как способствует их самовыражению и взаимопониманию. В трактовке В. Гумбольдта, в языке осуществляются акты интерпретации мира человеком, поэтому разные языки являются различными мировидениями («Слово – это отпечаток не самого предмета, а его чувственного образа в нашей душе»). Каждый язык, обозначая явления и предметы внешнего мира, формирует для говорящего на нем народа собственную картину мира. Отсюда его утверждение «язык народа есть его дух, а дух народа есть его язык». Языкознание поэтому должно стремиться к «тщательному исследованию разных путей, какими бесчисленные народы решают всечеловеческую задачу постижения объективной истины путем языков»¹. Развивая идеи В. Гумбольдта, представители психологического направления рассматривали язык как феномен пси-

¹ Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт Избранные труды по языкознанию. М., 1984, с. 68-69.

хологического состояния и деятельности человека. Язык, по мнению А.А.Потебни, это средство выявления индивидуальной психологии говорящего, отсюда стремление изучать язык в его реальном употреблении, опираясь прежде всего на социальную психологию, фольклор, мифологию, обычаи народа, находящие свое выражение в различных речевых формах (поговорах, пословицах, загадках).

Осознание слабых сторон психологического направления (и прежде всего излишнего преувеличения роли психологических факторов в языке, сведения сути языка к речи, к выражению индивидуальных состояний души человека) способствовало развитию новых подходов к изучению языка. В 80-ых г. XIX в. оформляется течение младограмматизма, сторонники которого выступали с резкой критикой старшего поколения лингвистов. Именно за эту критику зачинателей нового направления – молодых немецких ученых Ф. Царнке, К. Бругмана, Г. Пауля, А. Лескина, И. Шмидта и др. – назвали младограмматиками, а отстаиваемое ими течение – младограмматическим. Они отказались прежде всего от философской концепции изучения языка, полагая, что языкознание вступило в исторический период развития. Единственно научным принципом лингвистического анализа провозглашался исторический. Разделяя идеи о психологической природе языка, представители этого направления отвергали этнопсихологию как научную фикцию, признавая единственно реальной речь индивида. Отсюда их призыв изучать не абстрактный язык, а говорящего человека. Пристальное внимание младограмматиков к фактам речевой деятельности способствовало развитию интереса к народным говорам и диалектной речи. Исследуя физиологию и акустику звуков речи, младограмматики выделили фонетику в особый раздел языкознания. Это в значительной степени помогло осмыслить орфографию древнейших памятников, соотнести написание с реальным звуковым значением. Не отрицая динамику языкового развития, младограмматики сводили его в сущности к двум явлениям – регулярным звуковым изменениям (или фонетическим законам) и к изменениям по аналогии. Утверждение действия этих законов в эволюции грамматического строя языка способствовало детальной разработке ими вопросов реконструкции морфологии: они уточнили понятие корневой морфемы, доказав, что состав ее в процессе развития языка может меняться, показали роль флексии, особенно в процессе выравнивания основ по аналогии. Скрупулезное изучение фонетики корня и флексии позволило сделать более достоверной лингвистическую реконструкцию праязыка. Благодаря лингвистическим ре-

конструкциям младограмматиков в науке сформировалось четкое представление о звуковом составе и морфологической структуре и-е праязыка. Сравнительно-историческое языкознание поднялось на новую ступень развития. Однако поверхностный характер историзма младограмматиков, отсутствие серьезных разработок в области теории аналогии, абсолютизация непреложности действия фонетических законов, субъективно-психологическое понимание природы языка, представление о его системе как о море атомарных фактов привели к кризису младограмматизма.

На смену ему приходят новые направления, самое значительное из которых – лингвистический структурализм. У истоков его стояли Ф. де Соссюр, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатов, Р.О. Якобсон и др. ученые. Для структурной лингвистики было характерно стремление разработать такой же строгий подход синхронного описания языков, каким был сравнительно-исторический метод для диахронного описания. Отсюда повышенный интерес к структуре плана выражения, к описанию различных отношений между элементами системы (особенно до 50-х годов XX в.), позднее – к структуре плана содержания, к динамическим моделям языка. В основе этого направления лежало понимание языка как системы, объединяющей строго согласованное множество разнородных элементов, внимание к изучению связей между этими элементами, четкое разграничение явлений синхронии и диахронии в языке, использование структурного анализа, моделирования, формализации лингвистических процедур. Все это позволило структуралистам перейти от «атомистического» описания фактов языка к их системному представлению и доказать, что хотя язык непрерывно развивается, однако на каждом синхронном срезе своей истории он представляет собой целостную систему взаимосвязанных элементов. В рамках лингвистического структурализма формируются различные школы (пражская, копенгагенская, лондонская, американская), в которых структурное направление развивается своими путями. К 70-ым годам XX в. основные понятия и принципы структурной лингвистики как особой системы научных воззрений на язык оказались размытыми, став составной частью общей теории языка.

В современном языкознании прослеживается тенденция к синтезированию различных идей и методов лингвистического анализа, разработанных в философии языка и исследовательской практике различных лингвистических школ и течений, что оказывает влияние на общий уровень науки о языке, стимулируя ее развитие. Особенно бурно сегодня развивается сравнительно-историческое язы-

кознание, критически освоившее опыт диахронической лингвистики XVIII–XIX вв. Создание таких крупномасштабных научных проектов, как «Этимологический словарь славянских языков» (под ред. О.Н. Трубачева), «Словарь праславянского языка» («Słownik prasłowiański») под ред. Ф. Славского, Европейский и Общеславянский лингвистические атласы свидетельствует о расцвете этой области исторического языкознания.

К числу новейших лингвистических направлений можно отнести этнолингвистику, психоллингвистику, ареальную лингвистику.

Этнолингвистика изучает язык в его отношении к культуре народа, она исследует взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. С помощью лингвистических методов она описывает «план содержания» культуры, народной психологии, мифологии независимо от способа их формального выражения (слово, обряд, предмет и т.д.). На передний план выдвигаются вопросы, связанные с изучением речевого поведения «этнической личности» в рамках культурной деятельности как отражения этнической языковой картины мира. Предметом этнолингвистики является содержательный и формальный анализ устного народного творчества в рамках материальной и духовной культуры, а также описание языковой картины (а точнее языковой модели) мира того или иного этноса. В рамках этнолингвистики существуют разные течения и направления (немецкое – Э. Кассирер, И. Трир, Л. Вейсгербер, русское – А.А. Потебня, школа Н.И. Толстого, американское – Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорфа), которые различаются не только предметом исследования, но и исходными теоретическими позициями. Если представители немецкой и русской этнолингвистических школ разрабатывают философско-лингвистические идеи Ф. Шлегеля и В. Гумбольдта, то американская школа опирается прежде всего на учение Э. Сепира, выдвинувшего идею детерминации мышления народа структурой языка (структура языка, – гласит гипотеза Э. Сепира и его ученика Б. Уорфа, – определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира, т.е. реальный мир в значительной степени бессознательно строится человеком на основе языковых данных, поэтому познание и членение мира, по Э. Сепиру, зависит от языка, на котором говорит и мыслит тот или иной народ), язык, таким образом, рассматривается как самодовлеющая сила, творящая мир. Однако антропоцентричность науки конца XX в., и в частности многочисленные работы по семантике, заставляют предположить обратную картину: первичны ментальные представления, которые

обусловлены самой действительностью и культурно-историческим опытом народа, а язык лишь их отражает, т.е. стрелки в указанной двойной корреляции должны быть переориентированы. Вместе с тем нельзя не признать, что в развитии мышления каждого отдельного человека роль языка огромна: язык (его словарный состав и грамматика) не только хранит информацию о мире (являя собой своеобразную «библиотеку значений»), но и передает ее в виде созданных на нем устных или письменных текстов (являя собой «библиотеку текстов»).

Психолингвистика изучает процессы речеобразования, а также восприятия речи в их соотношении с системой языка. Она разрабатывает модели речевой деятельности человека, его психофизиологической речевой организации: психологические и лингвистические закономерности образования речи из языковых элементов, распознавание ее языковой структуры. Восприняв идеи психологического направления в языкознании (и прежде всего интерес к человеку как носителю языка), психолингвистика стремится интерпретировать язык как динамическую систему речевой деятельности человека. В рамках психолингвистики наиболее заметными являются следующие лингвистические школы: Московская – Институт языкознания и Институт русского языка РАН, Ленинградская, основателем которой был Л.В. Щерба, Институт лингвистических исследований, группа психолингвистов под руководством Л.Р. Зиндера, и американская – Ч. Осгуд, Дж. Миллер.

Ареальная лингвистика занимается изучением распространения языковых явлений в пространстве (< лат. *area* 'площадь, пространство') в межъязыковом и междиалектном взаимодействии. Задача ареальной лингвистики – охарактеризовать и интерпретировать ареал того или иного языкового явления с целью изучения истории языка, процесса его формирования и развития (сравнивая, например, территорию распространения картографируемых языковых фактов, можно установить, какой из них является более древним, каким образом один из них пришел на смену другому, т.е. определить архаизмы и инновации). Термин «ареальная лингвистика» был введен итальянским ученым М. Бартоли. Теория ареальной лингвистики разрабатывается на материале различных языков – индоевропейских (Э.А. Макаев), славянских (Р.И. Аванесов, С.Б. Бернштейн, Н.И. Толстой, П. Ивич), германских (В.М. Жирмунский), романских (М.А. Бородина), тюркских (Н.З. Гаджиева), балканских (П. Ивич, А.В. Десницкая) и др.

Современное языкознание, совершенствуя различные методы исследования, продолжает традиции науки о языке, уходящей своими корнями в глубокую древность.

Контрольные вопросы

1. Что такое языкознание? Когда и где зародилось языкознание?
2. Место языкознания в системе гуманитарных и естественных наук? Что изучает общее и частное языкознание?
3. Что такое языковой уровень? Какие языковые уровни вы знаете?
4. Как развивалось частное языкознание? Какие древние грамматики вы знаете? Что такое лексикографическое направление? Какие самые древние словари вы знаете?
5. Как развивалось общее языкознание? Что такое философское направление в языкознании? Что такое логический подход к языку? Какая грамматика является самой яркой иллюстрацией рационалистической концепции языка?
6. Что такое сравнительно-историческое языкознание? Каковы его основные принципы?
7. Что такое психологическое направление в языкознании?
8. Что такое течение младограмматизма?
9. В чем сущность лингвистического структурализма?
10. Современные лингвистические направления.

Рекомендуемая литература

1. *Амирова Т.А., Ольховников Б.А., Рождественский Ю.В.* Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
2. *Березин Ф.М.* История лингвистических учений. М., 1984.
3. *Головин Б.Н.* Введение в языкознание. М., 1983, гл.16.
4. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., 1998, гл. I.
5. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1967, гл. I.
6. *Рождественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию. М., 1990, ч.2.
7. *Шайкевич А.Я.* Введение в лингвистику. М., 1995.

Глава 2

СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА

История науки о языке свидетельствует о том, что вопрос о сущности языка является одним из сложнейших в языкознании. Не случайно он имеет несколько взаимоисключающих решений:

– язык есть явление биологическое, природное, не зависящее от человека («Языки, эти образованные в звуковой материи природные организмы..., проявляют свои свойства природного организма не только в том, что они классифицируются на роды, виды, подвиды и т.д., но и в том, что их рост происходит по определенным законам, – писал А. Шлейхер в работе «Немецкий язык». – Жизнь языка не отличается существенно от жизни всех других живых организмов – растений и животных. Как и эти последние он имеет период роста от простейших структур к более сложным формам и период старения»¹);

– язык есть явление психическое, возникающее вследствие действия индивидуального духа – человеческого или божественного («Язык, – писал В. Гумбольдт, – представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли»²);

– язык есть явление психосоциальное, имеющее, по словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «коллективно-индивидуальное» или «собираательно-психическое» существование, при котором индивидуальное является одновременно и общим, общечеловеческим;

– язык есть явление социальное, возникающее и развивающееся только в коллективе («Язык есть социальный элемент речевой деятельности, – говорил Ф. де Соссюр, – внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать язык, ни его изменять»³).

Нетрудно заметить, что в этих разных определениях язык понимается то как явление биологическое (или природное), то как явление психическое (индивидуальное), то как явление социальное (общественное). Если признать язык явлением биологическим, то его следует рассматривать тогда в одном ряду с такими способностями

человека, как есть, пить, спать, ходить и т.д., и считать, что язык наследуется человеком, так как заложен в самой его природе. Однако это противоречит фактам, так как язык не передается по наследству. Он усваивается ребенком под влиянием говорящих (ср. ситуацию с детьми, находившимися в длительной изоляции и воспитывавшимися в среде животных: говорить они не умели¹). Вряд ли правомерно считать язык явлением психическим, возникающим в результате действия индивидуального духа – человеческого или божественного. В этом случае человечество имело бы огромное множество индивидуальных языков, что привело бы к ситуации вавилонского смешения языков, непониманию друг друга, даже членами одного коллектива. Несомненно, что язык – явление социальное: он возникает и развивается только в коллективе благодаря потребности общения людей друг с другом.

Разное понимание сущности языка рождало и разные подходы к его определению, ср.: язык есть мышление, выраженное звуками (А. Шлейхер); язык есть система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа (Ф. де Соссюр); язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание (К. Маркс, Ф. Энгельс); язык есть важнейшее средство человеческого общения (В.И. Ленин); язык есть стихийно возникающая в человеческом обществе и развивающаяся система членораздельных звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире (Н.Д. Арутюнова).

В каждом из этих определений (а число их можно увеличивать до бесконечности) акцентируются разные моменты: отношение языка к мышлению, структурная организация языка, важнейшие

¹ Ср. пример, который приводит К.К. Платонов в своей книге «Занимательная психология» (М., 1986): В 1920 г. в Индии доктор Синг обнаружил в волчьем логове вместе с волчатами двух девочек. Одной из них было лет семь-восемь, другой – года два. Младшая вскоре умерла, а старшая, ее назвали Камалой, прожила около десяти лет. Все это время Синг вел подробный дневник наблюдения за ней. Камала ходила на четвереньках, опираясь на руки и колени, а бегала опираясь на руки и ступни. Пила она лакая, а мясо ела только с пола, из рук не брала. Когда во время еды к ней подходили, девочка рычала. По ночам она выла... Через два года Камала научилась, и то плохо, стоять, а через шесть лет – ходить, но бегала по-прежнему на четвереньках. В течение четырех лет она выучила только шесть слов, а через семь лет – сорок пять. К этому времени она полюбила общество людей... и научилась есть руками и пить из стакана. К семнадцати годам ее умственное развитие было как у четырехлетнего ребенка.

¹ Schleicher A. Die deutsche Sprache. Stuttgart. 1869, с. 37.

² Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков... с. 70.

³ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М. 1977. с. 110.

функции и т.д., что еще раз свидетельствует о том, что язык – это сложнейшая знаковая система, работающая в единстве и взаимодействии с сознанием и мышлением человека.

Будучи явлением социальным, язык обладает свойствами социальной предназначенности, т.е. определенными функциями. Среди его функций важнейшими являются:

1) коммуникативная (быть средством человеческого общения) с ее производными: контактоустанавливающая функция (ср. формулы приветствия или прощания, которые имеются во всех языках); апеллятивная функция (т.е. функция призыва, побуждения к действию); конативная функция (т.е. функция усвоения информации адресатом, связанная с сопереживанием, ср. магическую силу заклинаний или проклятий в архаическом обществе или тексты реклам – в современном); волюнтаривная функция (т.е. функция воздействия, связанная с волеизъявлением говорящего); эпистемическая функция (т.е. функция хранения и передачи знаний о действительности, традиций культуры, истории народа, национального самосознания); эта функция языка связывает его с действительностью (фрагменты действительности, выделенные и обработанные сознанием человека, закрепляются в единицах языка);

2) когнитивная функция (т.е. гносеологическая, познавательная функция быть средством получения новых знаний о действительности), эта функция языка связывает его с мыслительной деятельностью человека, в единицах языка материализуется структура и динамика мысли; производные этой функции: аксиологическая функция (т.е. функция оценки); номинативная функция (т.е. функция называния); с этой функцией тесно связана функция обобщения, которая позволяет нам с помощью языка выражать сложнейшие понятия. Обобщая и выделяя индивидуальное, неповторимое, слово обладает способностью «замещать» предметы и явления внешнего мира. Познавая действительность, человек по-разному ее конструирует, что находит свое выражение в языке (ср. в языке эскимосов существует более двадцати названий для льда, а в языке арабов – множество наименований для верблюдов, в которых актуализируются самые разные признаки); предикативная функция (т.е. функция соотнесения информации с действительностью) и др.

Кроме этих основных функций языка, иногда выделяют эмоциональную или экспрессивную функцию (быть средством выражения чувств и эмоций человека), эстетическую, поэтическую, метаязыковую (металингвистическую, быть средством исследования и описания языка в терминах самого языка) и некоторые другие.

ЯЗЫК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Как явление социальное язык является достоянием всех людей, принадлежащих к одному коллективу. Язык создается и развивается обществом. На эту связь языка и общества обратил внимание Ф. Энгельс, писавший в «Диалектике природы»: «Формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу».¹

Вопрос о связи языка и общества имеет разные решения. Согласно одной точке зрения, связь языка и общества отсутствует, т.к. язык развивается и функционирует по своим законам (польский ученый Е. Курилович), согласно другой – эта связь является односторонней, т.к. развитие и существование языка полностью определяется уровнем развития общества (французский ученый Ж. Марузо) или наоборот – язык сам обуславливает специфику духовной культуры общества (американские ученые Э. Сепир, Б. Уорф). Однако наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой связь языка и общества является двусторонней.

О влиянии языка на развитие общественных отношений свидетельствует прежде всего тот факт, что язык – один из консолидирующих факторов образования нации. Он является, с одной стороны, предпосылкой и условием ее возникновения, а с другой – результатом этого процесса. Кроме того, об этом свидетельствует и роль языка в воспитательной и образовательной деятельности общества, т.к. язык является орудием и средством передачи от поколения к поколению знаний, культурно-исторических и иных традиций.

Влияние общества на язык является опосредованным (например, в и-е языке имелось прилагательное *pǝtrjo-s (лат. *patrius*) ‘отцовский’, но не было прилагательного со значением ‘материнский’, т.к. в древнем патриархальном обществе владеть чем-либо мог только отец). Одной из форм такого влияния является социальная дифференциация языка, обусловленная социальной неоднородностью общества. Яркой иллюстрацией такой социальной дифференциации языка являются изменения, которые произошли в русском языке после Октябрьской революции, когда в язык хлынуло огромное количество новых, социально окрашенных слов, произошло изменение традиций усвоения литературного языка, в частности, норм произношения. Известный русский ученый Л.П. Якубинский писал после Октябрьской революции в своих «Очерках по языку»:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 20, с. 489.

«Пролетариат как класс противопоставляет себя буржуазии... в способе использования общенационального языкового материала, в обращении с этим материалом, в способе отбора из него нужных для конкретной цели фактов». Другой пример, из современной действительности: изменение политической обстановки в стране вызвало к жизни такое слово, как *перестройка*, имевшее ранее совершенно иное значение. Влияние общества на язык проявляется и в дифференциации многих языков на территориальные и социальные диалекты (язык деревни противопоставляется языку города, языку рабочих, а также литературному языку). В языкознании различают следующие основные социальные формы существования языка:

идиолект – совокупность особенностей, характеризующих язык отдельного индивидуума;

говор – совокупность идиолектов, однородных в языковом отношении, характерных для небольшой территориально ограниченной группы людей;

диалект – совокупность говоров, объединенных значительным внутривидовым языковым единством (признак территориальной непрерывности не является обязательным);

язык (народности или нации) – совокупность диалектов, языковые различия между которыми могут определяться как собственно лингвистическими, так и социальными факторами;

литературный язык – высшая (наддиалектная) форма существования языка, характеризующаяся нормированностью, а также наличием широкого диапазона функциональных стилей.

О связи языка с обществом свидетельствует и факт стилистической дифференциации языка, зависимость использования языковых средств от социальной принадлежности носителей языка (их профессии, уровня образованности, возраста) и от потребности общества в целом (ср. наличие различных функциональных стилей, представляющих язык науки, делопроизводства, массовой информации и т.д.).

Связь языка с обществом является объективной, не зависящей от воли отдельных индивидуумов. Однако возможно и целенаправленное влияние общества (и в частности, государства) на язык, когда проводится определенная языковая политика, т.е. сознательное, целенаправленное воздействие государства на язык, призванное способствовать его эффективному функционированию в различных сферах (чаще всего это выражается в создании алфавитов или письменности для бесписьменных народов, в разработке или усовершенствовании правил орфографии, специальной терминологии, ко-

дификации и др. видах деятельности, хотя иногда языковая политика государства может и тормозить развитие национального литературного языка, как было, например, в России в XIX в., когда царское правительство запрещало печатание книг на украинском языке и преподавание в школах Украины велось на русском языке).

ЯЗЫК И РЕЧЬ

Как свидетельствует история языкознания, понятия язык и речь часто не различались: либо язык сводился к речевой деятельности индивидуума, либо речь и ее влияние на язык полностью игнорировалась. Между тем язык и речь, образуя единый феномен человеческого языка, не тождественны друг другу.

О необходимости разграничивать эти понятия говорил еще В. Гумбольдт («Язык как совокупность его продуктов отличается от отдельных актов речевой деятельности»¹). Однако теоретическое обоснование этого положения дали Ф. де Соссюр и Л.В. Щерба. Швейцарский ученый, в частности, предложил различать язык (*langue*) и речь (*parole*). Хотя в своем существовании они взаимосвязаны («Язык необходим, чтобы речь была понятна, речь необходима, чтобы установился язык»²), однако все же не сводимы друг к другу и не могут рассматриваться в одной плоскости. «Это две вещи совершенно различные», – говорит Ф. де Соссюр. Язык противопоставит речи как явление социальное явлению индивидуальному («Речь – это индивидуальный акт воли и понимания»). Поэтому он призывал разграничивать лингвистику языка (объектом которой является собственно язык) и лингвистику речи (изучающую особенности индивидуальной речи). Творческое развитие основных положений теории Ф. де Соссюра содержится в статье Л.В. Щербы «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». Щерба предложил различать не два, а три аспекта языка: речевую деятельность (т.е. процесс говорения и понимания), языковую систему (т.е. грамматику языка и его словарь) и языковой материал (т.е. совокупность всего говоримого и понимаемого в акте общения, или, говоря языком современной лингвистики, – тексты).

¹ Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков..., с. 81.

² Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 42.

Несмотря на то, что язык и речь образуют единый феномен человеческого языка, каждый из них имеет свои характеристики:

1) язык – это средство общения, речь – это производимый этим средством вид общения, т.е. речь – это воплощение и реализация языка, который через речь выполняет свою коммуникативную функцию;

2) язык абстрактен, формален, тогда как речь материальна, в ней конкретизируется все, что есть в языке, она состоит из артикулируемых звуков, воспринимаемых слухом;

3) язык стабилен, пассивен и статичен, речь же активна и динамична, для нее характерна высокая вариативность;

4) язык является достоянием общества, в нем отражается «картина мира» говорящего на нем народа, тогда как речь индивидуальна, она отражает лишь опыт индивидуума;

5) язык и речь имеют разную организацию: для языка характерна уровневая организация, для речи – линейная, речь представляет собой последовательность слов, связанных в потоке, язык же вносит в эту последовательность иерархические отношения;

6) язык независим от ситуации и обстановки общения, речь же контекстно и ситуативно обусловлена, в речи (особенно поэтической) единицы языка могут приобретать ситуативные значения, которых в языке у них нет (ср. есенинские стихи: «Отговорила роща золотая березовым веселым языком»).

Понятия язык и речь соотносятся, таким образом, как общее и частное: общее (язык) выражается в частном (речи), частное же (речь) есть форма воплощения и реализации общего (языка). Если язык – это средство общения «в покое», то речь – это то же средство общения, но «в действии».

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Проблема язык и мышление – одна из самых сложных и дискуссионных в теории языкознания. В разные периоды истории науки о языке она решалась по-разному: представители логического направления, например, отождествляли эти понятия (логическим категориям как вневременным и всеобщим должны соответствовать, по их мнению, и универсальные языковые категории); сторонники психологического направления пытались решить этот вопрос в иерархической плоскости, обосновывая примат то мышления по отношению к языку, то языка по отношению к мышле-

нию; представители американского структурализма полагали, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира.

Несмотря на разное решение этой проблемы, все исследователи сходились в том, что связь между языком и мышлением существует, расхождения начинались тогда, когда вставал вопрос о природе и качестве этой связи. Одни ученые полагают, что механизм мышления не связан с вербальным кодом и осуществляется независимо от языка на универсальном предметном коде (коде смысла), другие считают, что механизм мышления тесно связан с языком, и без языка не может быть мышления, наконец, третьи полагают, что мышление может быть как вербальным, так и невербальным (чувственно-образным).

Подлинно научное решение вопроса о соотношении языка и мышления дает материалистическая теория отражения, рассматривающая язык и мышление в диалектическом единстве. «Мышление – это высшая форма активного отражения объективной реальности, состоящая в целенаправленном, опосредствованном и обобщенном познании существенных связей и отношений предметов и явлений. Оно осуществляется в различных формах и структурах (понятиях, категориях, теориях), в которых закреплен и обобщен познавательный и социально-исторический опыт человечества».¹

Орудием мышления является язык, а также другие знаковые системы (абстрактные, как например, математические или химические, где используется язык формул, или конкретно-образные в искусстве). Язык как знаковая система является материальной опорой мышления, он материализует мысли и обеспечивает обмен информацией. Если мышление отражает действительность, то язык ее выражает. Мышление идеально, а язык – материален (все его единицы облечены в звуки). Мысль же не имеет свойств материи (массы, протяженности, плотности и т.д.). Связь языка с мышлением позволяет осуществлять ему коммуникативную и когнитивную функции: язык не только передает суждения или сообщения о предметах и явлениях внешнего мира, но и определенным образом организует наши знания об этом мире, расчленив и закрепляя их в сознании. Таким образом, язык, с одной стороны, является средством выражения мысли, а с другой – орудием ее формирования.

Последние работы в области психологии и психолингвистики доказали, однако, что мышление может осуществляться не только с

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 391.

помощью языка, но и без слов, с помощью лишь наглядно-чувственных образов (ср. наглядно-образное мышление композитора, скульптора, художника или мышление животных, позволяющее им правильно ориентироваться в пространстве). Но наличие этих несловесных форм мышления не опровергает, как представляется, языковую концепцию мышления, так как предметно-чувственные образы мышления выполняют по сути ту же функцию, что и язык.

В ходе исторического развития языка и мышления характер их взаимодействия не оставался неизменным: развитие письменности, например, усиливало воздействие языка на мышление, увеличивались и сами возможности языка как средства оформления мысли. Однако и развитие мышления оказывало воздействие на язык, расширяя значения слов, способствуя увеличению лексического и фразеологического состава языка.

Мышление тесно связано с познанием. Согласно теории отражения, первой ступенью познания является чувственное восприятие действительности. Внешний мир, воздействуя на органы чувств, вызывает в человеке определенные ощущения. Эти ощущения от предметов и явлений внешнего мира и являются материалом для мышления: у человека возникает представление о предмете и на его основе образуется понятие. На второй ступени познания в процессе отвлечения от чувственного восприятия конкретного предмета, когда во внимание принимаются наиболее существенные и общие его свойства, понятие облекается в форму, а именно в слово, поэтому «всякое слово уже обобщает».¹ А поскольку на разных этапах развития человечества уровень его знаний о мире был разным, то даже в развитых языках можно найти немало слов, которые иллюстрируют «примитивное» мышление народа (ср., например, этнокультурную мотивировку названий человека в индоевропейских языках названием земли (большинство их соотнесено с и-е корнем *ghem-/*ghom-, ср. лат. *homo* 'человек', которое восходит к *ghem > *humus* 'земля'), т.е. является выражением древних мифологических представлений «земля (люди) – небо (боги)»; или же выражение «Солнце село», отражающее первоначальное представление о том, что солнце вращается вокруг земли).

Теория отражения согласуется с учением И.П. Павлова о двух сигнальных системах. В соответствии с этой теорией, человек в своем познании мира использует две сигнальные системы. Первая сигнальная система дает сознанию только ощущения, она включа-

ется на первой ступени познания, когда предметы и явления внешнего мира оказывают воздействие на наши органы чувств, вызывая у нас определенные ощущения (зрительные, слуховые, вкусовые и др.), этой сигнальной системой обладают и животные, вторая сигнальная система включается на второй ступени познания, она и становится базой формирования понятий, суждений, умозаключений, когда восприятие внешнего мира происходит через воздействие слов, т.е. «на основе впечатлений от действительности, на основе этих первых сигналов ее, – писал И. П. Павлов, – у человека развились вторые сигналы в виде слов». Таким образом, именно вторая сигнальная система лежит в основе языкового общения. Вторая сигнальная система развилась в процессе труда человека, поэтому ею обладает только человек как существо разумное, нуждающееся в средстве общения, т.е. в языке. Именно вторая сигнальная система обеспечивает переход от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике, т.е. к формированию понятий, суждений, умозаключений, получающих свое выражение в слове. Слово позволяет обозначить не один только данный конкретный предмет, а целый ряд однородных предметов, т.е. оно объединяет предметы на основе общего признака или функции в классы, разряды, группы, что способствует формированию у человека понятий о вещах и явлениях внешнего мира.

Контрольные вопросы

1. Какие существуют точки зрения на язык и его сущность?
2. Какие важнейшие функции языка вы знаете?
3. Существует ли связь языка с обществом? В чем проявляется влияние общества на язык и языка на общество? Что такое языковая политика?
4. Что такое социальная дифференциация языка?
5. Как соотносятся такие понятия, как язык и речь?

Рекомендуемая литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык // Энциклопедия «Русский язык». М., 1997.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Изд.2, т.3.
3. Маслов Ю.С. Введение в языковедение. М., 1998.
4. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967.
6. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языковедению. М., 1990.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1950.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 29, с. 246.

Глава 3

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА

Вопрос о происхождении языка является одним из наиболее сложных и до конца не решенных в языкознании. Языки, существующие сегодня на земле (даже самых примитивных по своей культуре народов), находятся уже на достаточно высоком уровне развития. Тогда как происхождение языка относится к эпохе с архаичными формами взаимоотношения людей. Возникновение первого языка отделяют от самой «глубинной» реконструкции значительно более протяженные периоды (сегодня лингвистические методы позволяют проникнуть в глубину веков не более, чем на 10 тысяч лет). Поэтому все теории происхождения языка (как философские, так и филологические) в известном смысле гипотетичны.

В существующих теориях происхождения языка условно можно выделить два подхода к решению этой проблемы: 1) язык появился естественным путем; 2) язык был создан искусственно некоей активной созидательной силой. Вторая точка зрения долгое время была преобладающей, расхождения наблюдались лишь в вопросе о том, кто создал язык и из какого материала. В античном языкознании этот вопрос формулировался следующим образом: создан ли язык «по установлению» (теория «тесей») или «по природе вещей» (теория «фюсей»? Если язык создан по установлению, то кто его установил (Бог, человек или общество)? Если язык создавался по природе, то как соответствуют друг другу слова и свойства вещей, в том числе и свойства самого человека?

Наибольшее число гипотез породил первый вопрос – кто создал язык, какова природа тех сил и причин, которые вызвали к жизни язык? Вопрос же о материале, из которого строился язык, особых разногласий не вызывал: это звуки, рождаемые природой или людьми. В переходе от них к членораздельной речи участвовали жест и мимика.

На ранних этапах развития цивилизации существовала логическая теория (< лат. многозначного слова *logos* 'слово', 'язык') происхождения языка. В соответствии с этой теорией в основе зарождения мира лежало духовное начало, которое обозначалось разными словами «Бог», «Логос», «Дух», «Слово». Дух, воздействуя на материю, находящуюся в хаотическом состоянии, творил мир. Конечным актом этого творения явился человек. Духовное начало или «Логос» существовало, таким образом, до человека, управляя инер-

тной материей. В библейской традиции носителем слова был Бог (каждый день творение мира освящалось словом Бога). Эту божественную теорию происхождения языка разделяли такие крупнейшие мыслители, как Платон (IV в. до н.э.), немецкие просветители XVIII в. И. Гердер, Г. Лессинг и др. Слово, согласно этой теории, имело, однако, не только божественное, но и человеческое происхождение, поскольку человек, созданный по образу и подобию Божию, получил от Бога и дар слова. «И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым», – говорится в Библии (Ветхий завет, ст. 3, 6). Но доверия к человеку и его разуму все же не было. Слово, созданное им, было несовершенно, поэтому оно должно было пройти через «суд старейшин». Более того, слово человека господствовало над ним, подрывало силу его духа и разума.

Развитие науки (и прежде всего астрономии, физики, биологии) способствовало утверждению новых знаний о земле, ее биологических, физических и социальных законах. «Творящая функция» божественного слова – логоса не соответствовала новым воззрениям на человека. С точки зрения этики новой философии человек как существо мыслящее сам творил и преобразовывал мир. Язык в этом контексте рассматривался как продукт его деятельности. Ярче всего эти взгляды выразились в доктрине общественного договора. Эта доктрина объединяла разные теории, по-своему объясняющие происхождение языка, – звукоподражательную, междоментную, теорию трудовых команд. В соответствии со звукоподражательной теорией (которую отстаивали, в частности, древнегреческий философ-материалист Демокрит, немецкий философ и ученый Г. Лейбниц, американский лингвист У. Уитни и др.) первые слова языка были подражанием звукам природы и крикам животных. Конечно, в любом языке есть некоторое количество звукоподражательных слов (например, *ку-ку*, *гав-гав*) и производные от них (ср. *куковать*, *гавкать*), но этих слов очень немного, и с помощью их невозможно объяснить появление «безгласных» названий предметов (ср. *река*, *даль*, *берег*).

Междоментная теория (которую развивали немецкие ученые Я. Гримм, Г. Штейнталь, французский философ и просветитель Ж.-Ж. Руссо и др.) объясняла появление первых слов из произвольных выкриков (междоментий), провоцируемых чувственным восприятием мира. Первоисточником слов были чувства, внутренние ощущения, которые побудили человека использовать свои языковые способности, т.е. сторонники этой теории главную причину возникновения слов видели в чувственном восприятии мира, оди-

наковом у всех людей, что само по себе является дискуссионным. Конечно, междометия и их производные входят в словарный состав любого языка, но этих слов очень немного, а как быть со словами, лишенными экспрессивно-эмоциональной окраски? Кроме того, ни один ребенок не заговорит до тех пор, пока он не окажется в среде говорящих людей.

Вариантом междометной теории была теория трудовых команд и трудовых выкриков (немецкие ученые – историки Л. Нуаре и К. Бюхер). Согласно этой теории, междометный выкрик стимулировался не чувствами, а мускульными усилиями человека и совместной трудовой деятельностью.

Все три теории, таким образом, исходили из представлений о единстве человеческой психики, разума и рационального знания, что влекло за собой предположение о возникновении одной и той же первоначальной звуковой формы у всех членов общества в одинаковой ситуации. Поэтому первыми, наиболее простыми с точки зрения информативности были звукоподражательные слова, междометия и трудовые выкрики. Позднее, по общественному договору эти первые звуки-слова были закреплены за предметами и явлениями, которые не воспринимались слухом.

Прогрессивная роль доктрины общественного договора состояла в том, что она провозглашала материальный, человеческий источник происхождения языка, разрушая построения логосической теории. Однако в целом эта теория не объясняла происхождения языка, поскольку для того, чтобы звукоподражать, надо в совершенстве управлять речевым аппаратом, а у первобытного человека гортань была практически не развита. Кроме того, междометная теория не могла объяснить и появление слов, лишенных экспрессивности, являвшихся нейтральными обозначениями предметов и явлений внешнего мира. Наконец, эта теория не объясняла и факта договоренности о языке при отсутствии самого языка. Она предполагала наличие сознательности у первобытного человека до становления этой сознательности, развивающейся вместе с языком.

Критическое отношение к доктрине общественного договора вызвало к жизни новые теории, среди которых наиболее заметной была эволюционная теория происхождения языка. Представители этой теории (немецкие ученые В. Гумбольдт, А. Шлейхер, В. Вундт) зарождение языка связывали с развитием мышления первобытного человека, с потребностью конкретизации выражения его мысли: благодаря мышлению человек начал говорить, благодаря языку он научился мыслить. Появление языка, таким образом, про-

изошло в результате развития чувств и разума человека. Наиболее яркое выражение эта точка зрения нашла в трудах В. Гумбольдта. Согласно его теории, рождение языка было обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык не только средство общения людей, он заложен в самой их природе и необходим для духовного развития человека. «Народ создает свой язык как орудие человеческой деятельности, – пишет В. Гумбольдт, – поэтому язык следует рассматривать не как мертвый продукт, а как созидающий процесс, как непрерывную деятельность духа».¹ Происхождение и развитие языка, по Гумбольдту, предопределяется, таким образом, необходимостью развития общественных отношений и духовного потенциала человека. Рассматривая язык как нечто непосредственно заложенное в человеке, как своеобразный дар человечеству от его внутренней природы, эта теория, однако, не отвечала на вопрос о внутренних механизмах перехода от доязыкового к языковому состоянию людей, хотя некоторые ее положения получили развитие в социальной или трудовой теории происхождения языка.

Концепция социальной теории происхождения языка была изложена Ф. Энгельсом в его труде «Диалектика природы» в главе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Возникновение языка Энгельс связывал с развитием общества. Язык входит в социальный опыт человечества. Он возникает и развивается только в человеческом обществе и усваивается каждым отдельным человеком благодаря его общению с другими людьми. Главная идея его теории – неразрывная внутренняя связь между развитием трудовой деятельности первобытного человеческого коллектива, развитием сознания формирующегося человека и развитием форм и способов общения. Он разработал следующую теоретическую модель соотношения языка и общества: 1) общественное производство, базирующееся на разделении труда; 2) воспроизводство этноса как основы общественного производства; 3) становление членораздельной речи из нечленораздельных сигналов; 4) возникновение общественного сознания на базе индивидуального мышления; 5) формирование культуры как отбора и передачи из поколения в поколение важных для жизнедеятельности общества умений, навыков, материальных предметов. Говоря о происхождении языка, Энгельс пишет: «... подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми. Формировавшиеся люди пришли к тому, что у

¹ Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков..., с. 69.

них появилась потребность что-то сказать друг другу... Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляций, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим». ¹ Появлению языка, таким образом, предшествовал этап длительной эволюции, сначала биологической, а затем биологическо-социальной. Основными биологическими предпосылками были следующие: освобождение передних конечностей для труда, выпрямление походки, появление первых звуковых сигналов. Биологическая эволюция затрагивала прежде всего легкие и гортань. Она требовала выпрямления тела, хождения на двух конечностях, высвобождения рук для выполнения трудовых функций. В процессе трудовой деятельности происходило дальнейшее развитие человеческого мозга и органов артикуляции: непосредственный образ предмета замещался его звуковым символом (словом). «Сначала труд, – пишет Энгельс, – а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг. Развитие мозга и подчиненных ему чувств все более и более проясняющегося сознания, способность к абстракции и умозаключению оказывали обратное действие на труд и на язык, давая обоим все новые и новые толчки к дальнейшему развитию». ² Возникновение языка, по Энгельсу, было, таким образом, связано и с процессом познания внешнего мира, и с процессом развития сознания под влиянием трудовой деятельности человека. Потребность в разумном общении (в котором осуществлялась коммуникативная и когнитивная функции языка, без которых язык не может быть языком) и вызвала его появление.

Этот первый человеческий язык еще не был языком в полном смысле слова: общение, по-видимому, больше проходило на уровне жестов и нечленораздельных выкриков с целью регулирования совместной трудовой деятельности (в основном это был призыв к действию и указание на орудие или продукт труда). И лишь со временем труд, общение и сознание, формирование новых, более сложных общественных отношений способствовали становлению языка. В своем развитии он претерпел многочисленные перестройки, важнейшими среди которых были следующие: 1) человек усвоил линейный принцип речи: он научился располагать слова одно за дру-

гим и понимать их во взаимосвязи; 2) овладев принципом последовательного расположения слов, человек распространил его и на организацию звуков в слове: слово стало «собираться» из отдельных звуков и слогов, речь стала членораздельной; 3) усложнилась фонетика; 4) расширился лексический запас; 5) из последовательности слов возникли сначала простейшие, а затем и более сложные синтаксические конструкции.

Кроме коммуникативной и когнитивной, у языка возникла новая функция – магическая, связанная со способностью слова воздействовать на человека, явления природы или общества (эта функция сохраняется и сегодня в некоторых архаических обществах Австралии и Новой Зеландии, где человек, обладающий необыкновенной физической выносливостью, узнав, что он околдован, погибает через сутки).

Контрольные вопросы

1. Почему вопрос о происхождении языка является одним из наиболее сложных и до конца не решенных в языкознании?
2. Какие теории происхождения языка вы знаете?
3. В чем сущность логосической теории происхождения языка?
4. Что такое доктрина общественного договора и в чем несостоятельность этой доктрины?
5. В чем сущность эволюционной теории происхождения языка?
6. Изложите основные положения социальной (или трудовой) теории происхождения языка.

Рекомендуемая литература

1. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1983, гл. 12.
2. Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск, 1984.
3. Леонтьев А.А. Происхождение языка //Энциклопедия «Русский язык» М., 1997.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд., т.3.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967, гл. УП.
6. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975, гл.1.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. Соч. К. Маркс, Ф. Энгельс 2 изд. т. 20.
8. Якушкин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 20, с. 489.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 20, с. 490.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Будучи средством общения, язык возникает и развивается в обществе. Он не может существовать вне общества, поскольку социально обусловлен как по происхождению, так и по назначению. Как явление социальное язык находится в зависимости от уровня развития общества, условий его существования.

Взгляд на язык как явление социальное прочно утверждается в языкознании начиная с работ Я. Гримма и В. Гумбольдта. «Язык всегда развивается в обществе, – писал В. Гумбольдт, – и человек понимает себя постольку, поскольку опытом установлено, что его слова понятны также и другим».¹ Проблема социальной обусловленности языка получила свое дальнейшее развитие в научном наследии Ф. Энгельса. Так, в частности, в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», он обосновывает биологические и общественные предпосылки формирования языка, а в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» прослеживает связь эволюции языка с историей общества.

Эта связь отчетливо проявляется в формах существования языка, которые находятся в прямой зависимости от характера этнических коллективов, обслуживаемых языком: для родо-племенного строя были характерны племенные языки, которые с разрастанием и территориальным распространением племен распадались на группы родственных диалектов; с развитием частнособственнических отношений и появлением классов на смену племенным языкам и диалектам пришли языки и диалекты народности; ликвидация феодальной раздробленности и утверждение капиталистических отношений усиливают процессы интеграции в обществе, развитие народности укрепляет внутреннее экономическое и государственное единство, что влечет за собой потребность в едином для всего общества языке. На смену языкам народности приходят национальные языки, которые со временем приобретают книжно-литературную форму. Постепенно этим общенациональным языкам подчиняются диалекты.

Общественная, социальная природа языка обнаруживается не только во внешних условиях его существования, но и в самой системе языка, в его фонетике, лексике, морфологии, стилистических и

синтаксических конструкциях. Интересный пример такой связи языка и общества, в частности фонетического явления второго передвижения согласных в германских языках с вызвавшими его социальными причинами, приводит Ф. Энгельс в работе «Франкский диалект». Процессы фонетических изменений в языке он считает проявлением не слепой необходимости природы (как полагали младограмматики), а следствием исторического развития языка и общества. Так, в частности, фонетический процесс второго передвижения согласных был обусловлен, по его мнению, не только развитием языка, но и конкретными особенностями общественной жизни, на что указывает факт распространения этого процесса в словах, связанных с торговлей, а также сама его локализация (прирейнские диалекты), поскольку именно по Рейну проходил тогда основной торговый путь Западной Европы.

Будучи непосредственным продуктом человеческого общества, язык отражает все изменения, происходящие в среде его развития. Иллюстрацией этого положения может служить книга П. Лафарга «Французский язык до и после революции», в которой он показывает, как под влиянием политических и социальных событий происходят изменения в языке. Если до Французской буржуазной революции французская аристократия изъяснялась на особом, «салонном» языке, в котором слова общенародного языка как неприличные заменялись жеманными описательными оборотами (ср. *les portes de l'entendement* буквально «ворота слуха» вместо *les oreilles* «уши»), то «в XVIII в. французский язык видоизменяется, он теряет свой аристократический лоск и приобретает демократические замашки буржуазии. Многие писатели, невзирая на гнев Академии, стали свободно заимствовать слова и выражения из языка лавочников и улицы».

Приспособление языка к меняющимся формам общественной жизни происходит на всех языковых уровнях. Социальная природа языка, по мнению известного французского ученого А. Мейе, особенно ярко проявляется в семантических изменениях слов. В статье «Как слова изменяют значения» он, помимо внутренних, собственно языковых причин изменения значений слов, выделяет внешние, социальные причины и приводит в качестве примера развитие значений слов «отец» и «мать»: первоначально в индоевропейском языке эти слова выражали не родственные, а социальные отношения: слово **pater* обозначало общественную функцию человека, им можно было именовать высшее божество или наивысшего из всех глав семейств, с перестройкой социальной струк-

¹ Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков..., с. 77.

туры первобытного общества, с исчезновением патриархата это слово стало использоваться для выражения отношений родства. Другой пример культурно-исторической и социальной обусловленности изменений в значениях слов приводит известный русский ученый М.М. Покровский: рус. *грош*, *копейка* и франц. *sou* вследствие одной и той же причины – обесценивания денег – стали синонимами чего-то малого и ничтожного.

Рост производительных сил общества, развитие науки, техники, культуры, проникновение в тайны окружающего мира, формирование новых общественных отношений находит непосредственное отражение в языке, особенно в его лексике и фразеологии (см. с. 170).

Нельзя, однако, не признать, что прямолинейной зависимости развития языка от исторической судьбы народа нет. История языка свидетельствует о том, что многие его явления развиваются внутри самого языка и обусловлены внутренними законами его развития. Эти законы говорят о том, что каждое новое явление в языке вырастает из старого, уже существующего, создаваясь из «материала» языка и по его «правилам». К таким законам, управляющим внутренним развитием элементов языковой структуры, можно отнести следующие:

1) закон ликвидации «участков напряжения»: этому закону в русском языке подчинены процессы расподобления и уподобления согласных друг другу, а также упрощения групп согласных;

2) закон позиционного варьирования звуков: иллюстрацией этого закона может служить поведение шумных согласных в позиции конца слова или на стыке его морфем в русском языке;

3) закон аналогии, объясняющий отступления от действия фонетических законов, вследствие которого происходит уподобление одних структурных элементов другим (ср. в др.-рус. языке утрату чередований *-к-/-ц-* в склонении существительных с основой на *-а* типа *роука – роуцѣ* под влиянием действия морфологической аналогии);

4) закон компенсационного развития, согласно которому утрата одних форм или отношений в языке компенсируется развитием других: ср. в др.-рус. языке упрощение системы гласных, вызванное падением, т.е. утратой редуцированных, привело к усложнению системы согласных; или развитие системы глагольных видов как компенсацию утраты сложной системы времен др.-рус. языка;

5) закон абстрагирования элементов языковой структуры, согласно которому развитие абстрактных элементов языка происходит на базе конкретных: в лексике, например, конкретное лексическое значение слова часто становится основой для развития абстрактного,

ср. *море* ‘часть океана’ и переносное значение ‘большое количество чего-либо’;

б) закон экономии языковых средств: в соответствии с этим законом в языке действует тенденция к реализации оптимальной достаточности (каждому языковому значению – адекватную форму выражения), именно так работают словообразовательные механизмы языка, основанные на свертывании описательных конструкций в одну мотивированную языковую единицу (ср. *черная ягода* → *черника*);

7) закон дифференциации и отчленения элементов языковой структуры, согласно которому развитие языка идет по пути выделения и специализации его элементов для выражения собственно языковых значений (ср. недифференцированное употребление союза *яко* в др.-рус. языке XI–XII вв., использовавшегося в придаточных предложениях причины, следствия, сравнительных, изъяснительных, и только вследствие закона дифференциации и отчленения произошло закрепление за этим союзом сравнительного значения).

Законы абстрагирования и дифференциации элементов языковой структуры по своей сути противоположны друг другу: один ведет к уменьшению языковых элементов, другой – к их увеличению. Однако это внутреннее противоречие создает динамическое равновесие в языке и является источником его развития.

ИНТЕГРАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАК ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ

В развитии языков и диалектов выделяются два основных процесса – дифференциация (< лат. *differentiatio* ‘различение’) или дивергенция (< лат. *divergo* ‘отклоняюсь’), в результате которой в языке возникают диалекты, превращающиеся при определенных условиях в родственные языки, и интеграция (< лат. *integratio* ‘соединение в целое’) или конвергенция (< лат. *convergo* ‘приближаюсь’), приводящая к взаимодействию, смешению или слиянию языков (или диалектов). Эти процессы разнонаправленные и по своим результатам противоположные. Они происходят постоянно, хотя на разных этапах развития человечества их соотношение неодинаково (например, в средневековье при отсутствии развитого экономического обмена и господстве натурального хозяйства процессы языковой дифференциации преобладали над процессами интеграции).

Исследуя вопрос происхождения языков и диалектов, ученые установили, что диалекты образовались в результате процесса дифференциации. Эти расхождения диалектов одного языка (а впоследствии и родственных языков) были вызваны разными причинами: изменением социально-исторических условий, миграциями, контактами с другими языками и диалектами, географическим и политическим обособлением и т.д.

Племена, говорившие на разных диалектах одного, ранее общего языка, расселяясь на новых, удаленных друг от друга территориях, не могли общаться по-прежнему. Контакты ослабевали, а языковые различия нарастали. Усиление центробежных тенденций приводило с течением времени к образованию новых языков, хотя и генетически родственных. Таким образом, процесс дифференциации – это основной путь образования семьи языков после распада общего для них праязыка (так, в частности, произошло оформление семьи славянских языков после расщепления индоевропейского праязыка).

Логическим завершением процесса дифференциации является превращение диалектов (или наречий) некогда одного языка в самостоятельные языки (так, например, в результате процесса дифференциации древнерусского языка выделились русский, украинский и белорусский языки, в основе которых лежат разные диалекты).

Процесс интеграции, в отличие от дифференциации, ведет к установлению тесного контакта языков. В результате в языках (как родственных, так и неродственных) появляются общие структурные элементы или свойства (именно этим объясняются многочисленные заимствования, а также сходства в фонетических, лексических или грамматических системах языков). Процесс интеграции может охватывать не только контактирующие языки, но и диалекты одного языка (например, средне- и южнорусские диалекты русского языка). На смену диалектному разнообразию может прийти один, общий язык. Первый засвидетельствованный пример такого общего языка дает Греция, когда в результате переселения греков в Азию (IV–II вв. до н.э.) произошло сильное этническое смешение, в результате которого возник «общий язык» или койне (< греч. *koinē dialektos* ‘общая речь’). Основой его стал аттический диалект, т.е. диалект Афин (крупнейшего культурного и экономического центра греческого мира), который постепенно вытеснил остальные диалекты и стал живым народным языком всех греков. В современной лингвистике этим термином стали обозначать язык, распространен-

ный на большой территории и возникший без помощи литературного языка.

Интеграция является одним из условий языкового развития. Она может быть добровольной (как в случае утраты диалектных различий в рамках того или иного национального языка) или насильственной (в этом случае происходит поглощение языка побежденных языком победителей, так, в частности, исчез этрусский язык, ассимилированный языком римлян).

Соотношение процессов языковой дифференциации и интеграции в истории человечества было разным: в доклассовом обществе преобладали процессы дифференциации, условия жизни новейших периодов истории человечества благоприятствовали развитию процессов интеграции. Нельзя, однако, не отметить, что и сейчас в силу разных причин (политических, экономических и др.) имеют место процессы дифференциации (ср., например, ситуацию с сербскохорватским языком: политическое и территориальное обособление Хорватии и Боснии вызвало процесс языковой дифференциации, стремление выделить в самостоятельные языки не только хорватский, но и язык боснийских сербов).

РОДСТВО ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВЫЕ СОЮЗЫ

Родство языков – это материальная близость двух или более языков, проявляющаяся в звуковом сходстве языковых элементов разных уровней. Сходство, как правило, наблюдается не только в словах, но и минимальных значимых элементах (в корневых морфемах, в словообразовательных аффиксах, в грамматических формах и т.д.). В фонетической системе родственных языков прослеживаются звуковые соответствия, представляющие результаты исторической эволюции звуков языка-источника (например, русскому звуку «с» закономерно соответствует латинский звук «k»: рус. *сердце*, лат. *cor*).

Языковое родство устанавливается обычно при наличии целого ряда общих структурных элементов, представленных в совокупности. Однако наиболее доказательным является факт наличия системы закономерных звуковых соответствий, отражающих регулярный характер звуковых преобразований языковых единиц, восходящих к праязыку (ср., например судьбу праславянского сочетания **tort*, которое в русском языке развилось в *torot*: рус. *ворона*, в болгарском в *trat*: блг. *врана*, в польском в *trot*: плс. *wrona*).

Степень языкового родства может быть разной: наряду с языками, родственные связи которых достаточно прозрачны (отсюда возможность почти беспрепятственного понимания их носителей, ср., например, русский, украинский и белорусский языки), существуют языки, родство которых установлено в результате специальных научных исследований (например, финно-угорские и самодийские языки: ненецкий, энецкий, селькупский, которые ранее не считались родственными финно-угорским языкам).

Совокупность родственных языков, произошедших из одного языка-предка (или праязыка) образует семью. Каждая семья языков членится, как правило, на более мелкие группы (например, в индоевропейскую семью языков входят славянские, романские, германские, иранские и др. группы языков), хотя известны случаи, когда родственные языки в пределах языковой семьи являются одиночными (например, албанский или армянский языки в пределах индоевропейской семьи языков). Поэтому объем понятия «семья языков» в терминологическом отношении может меняться: одно и то же объединение родственных языков может быть названо и группой, и семьей (например, славянские языки по отношению к индоевропейской семье языков являются группой родственных языков, а по отношению к восточно-, южно- и западнославянским языкам – семьей).

В истории языкознания взгляды на проблему языкового родства неоднократно менялись: от абсолютизации модели «родословного древа» с его последовательным расщеплением на диалекты и поддиалекты (А. Шлейхер), до ее полного отрицания (младограмматики) и выдвижения «теории волн», согласно которой процессы дифференциации, протекавшие в праязыке, представляли собой незаметные переходы между не имевшими четких границ диалектами, расходясь из эпицентров инноваций во все стороны, подобно волнам (И. Шмидт).

Исследования лингвистической географии показали, однако, что отношения между родственными языками не укладываются в эти жесткие схемы, поскольку в истории языковых семей имели место как процессы дифференциации, так и интеграции. Праязык не только расщеплялся, но и одновременно консолидировался, формируясь в ходе контактного развития родственных диалектов.

Если языки, входящие в одну языковую семью, характеризуются материальной близостью, унаследованной из эпохи их языкового единства (например, славянские языки унаследовали ее из праславянской эпохи), то близость языков, входящих в языковой союз,

является приобретенной. Языковой союз – это ареально-историческая общность языков, проявляющаяся в наличии некоторого количества сходных признаков (структурных и материальных), которые сложились в процессе длительного и интенсивного взаимодействия этих языков в пределах единого географического пространства. Термин языковой союз ввел в языкознание Н.С. Трубецкой, предложивший в статье «Вавилонская башня и смешение языков» различать понятия «языковой союз» и «языковая семья». Языковой союз, в понимании Трубецкого, – это группа языков, демонстрирующих существенное сходство прежде всего в морфологии и синтаксисе, обладающих общим фондом «культурных слов», но не связанная системой звуковых соответствий и сходством в элементарной лексике (например, в терминологии родства, флоры или фауны). Основным критерием определения языкового союза является комплексность разноуровневых сходжений в контактирующих языках.

Классическим примером языкового союза является балканский языковой союз, объединяющий в своем составе болгарский, македонский, сербский (в основном через торлакские диалекты), румынский, албанский и новогреческий языки. Хотя эти языки относятся к разным группам и-е семьи языков, однако в процессе своего исторического развития они выработали ряд общих черт, например, совпадение дательного и родительного падежей (в албанском и греческом языках), образование аналитического будущего времени при помощи вспомогательного глагола со значением ‘хотеть’ (в румынском, болгарском и греческом языках), постпозитивное употребление определенного артикля (в албанском, болгарском и румынском языках) и т.д. Другим примером языкового союза может служить поволжский (или волго-камский) языковой союз, куда входят финно-угорские языки (марийский, удмуртский) и тюркские (башкирский, татарский, чувашский). Отличительными его признаками, являются такие разноуровневые соответствия, как явление редукции гласных, сходство в системе времен, сходство в образовании сослагательного наклонения, в способах построения прямой речи, в характере функционирования деепричастных оборотов и др.

Формирование языкового союза – процесс длительного, разностороннего взаимодействия ареально смежных языков. Он складывается в результате конвергентного развития контактирующих языков, а также под влиянием общих социальных условий, хозяйственного уклада, элементов культуры. В истории языков мира ситуация языковых союзов не была редкостью, напротив, они играли важную роль в развитии систем контактирующих языков, поскольку в

структуре любого языка (если, конечно, он не развивался в изоляции) можно обнаружить различные напластования (причем не только лексические, но и грамматические), которые являются следствием вхождения языка в те или иные языковые союзы. В эпохи широких этнических миграций такие общности могли возникать на стыках самых разных культур и языков, приводя к появлению в них общих региональных инноваций.

В связи с этим некоторые ученые предложили выделять еще и культурно-языковые союзы, т.е. группы языков, объединенных общим культурно-историческим прошлым, отразившимся в сходстве словаря (особенно семантики ряда слов), в сходстве системы письма, стилистики, иногда – грамматики. В каждом таком объединении языков выделяются один-два языка, которые выполняли роль международных языков в данном регионе. Породив огромное количество интернационализмов, они обогатили остальные языки региона «культурной» лексикой.

Один культурно-языковой союз охватывает языки Европы, другой – страны Азии и Африки (где распространен ислам), третий – Индию и страны Юго-Восточной Азии, четвертый – Китай, Корею, Японию и Вьетнам.

Европейский культурно-языковой союз начал складываться с первых веков н.э. В формировании его огромную роль сыграли два языка – греческий и латинский. Первыми примерами европейской интернациональной лексики были латинские заимствования из греческого языка, которые затем были усвоены всеми европейскими языками. Это была лексика, представленная в основном тремя тематическими группами: 1) наука и образование (*атом, декан, доза, идея, хроника*); 2) христианство (*библия, апостол, дьявол*); 3) названия экзотических растений, животных, веществ (*анис, бальзам, дракон, коралл, тигр*). В эпоху средневековья единство европейского культурно-языкового союза поддерживалось господством латинского языка как главного языка письменности. Заимствования из латинского языка охватывали самые разные сферы: государственную (*декрет, документ, канцлер, конвенция, конфискация, секретарь, юстиция*), религиозную (*кардинал, месса, орден*), научную (*аргумент, глобус, иллюзия, инцидент, пропорция, перпендикуляр, фигура, элемент*), медицинскую (*инфекция, медицина, мускул*), искусство (*автор, спектакль, статуя*).

К эпохе Возрождения в европейских языках был накоплен такой запас греко-латинской лексики и морфем, что стало возможным создавать из этого материала новые слова, которых не было в древно-

сти. Первые слова такого типа появляются в XVI в. – *гуманист, инициатива, окулист*, в XVII в. – *геология, молекула, логарифм*, в XVIII в. – *материалист, оптимист, ностальгия, панорама* и др. Эти слова являются подлинными европейскими интернационализмами. Сегодня они создаются сотнями и тысячами и охватывают практически все сферы науки и жизни (ср. *оппортунист, милитаризм, империализм, инфляция, техника, телевизор, биология* и т.д.).

Второй культурно-языковой союз сформировался в мусульманских странах. Здесь огромную роль сыграл арабский язык. Слова арабского происхождения доминируют в религиозной лексике (*ilāh* ‘бог’, *šaitān* ‘дьявол’, *imān* ‘вера’, *šaih* ‘духовный наставник’). Арабскими словами насыщена лексика науки, образования (*fann* ‘наука’, *adab* ‘воспитание’, *madrasa* ‘школа’, *tahsil* ‘учение’, *tahlil* ‘анализ’), искусства, литературы (*adabijāt* ‘литература’, *talif* ‘сочинение’, *šair* ‘поэт’, *rubāi* ‘четверостишие’). Арабские интернационализмы представлены в общественно-политической и военной лексике (*malik* ‘царь’, *mamlaka* ‘страна’, *daula* ‘государство’, *sulṭan* ‘султан’, *sijāsa* ‘политика’, *rais* ‘глава’, *asir* ‘пленный’). Вторым по значению языком этого культурно-языкового союза стал персидский, породивший также немало интернационализмов (ср. *darwiš* ‘дервиш’, *diwān* ‘сборник стихов’, *wazir* ‘визирь, министр’, *bāzār* ‘базар’, *sarāi* ‘дворец’, *maidān* ‘площадь’, *namāz* ‘молитва’, *anbār* ‘склад’ и др.).

Третий культурно-языковой союз формировался с древнейших времен в сфере влияния индийской культуры и санскрита (Индийский субконтинент, Тибет, Бирма, Индокитай, острова Малайского архипелага). Интернациональные слова индийского происхождения охватывают самые разнообразные сферы жизни.

В четвертом культурно-языковом союзе важную роль сыграл китайский язык, особенно китайская иероглифика. Китайские заимствования в корейском и японском языках до сих пор сохраняют старое иероглифическое написание.

СУБСТРАТ, СУПЕРСТРАТ, АДСТРАТ

При конвергентном развитии языков, следствием которого является их смешение или даже слияние, возникают явления субстрата, суперстрата и адстрата.

Субстрат (< лат. *sub* ‘под’ и *stratum* ‘слой, пласт’) – это совокупность элементов языковой системы, не связанных с законами

развития данного языка, а восходящих к языку, распространенному ранее на данной территории, т.е. это своеобразные «следы» побежденного языка в системе языка победителя (такими следами в латинском языке побежденного римлянами галльского языка является звук [ü], ср. лат. *rigus* и франц. *rir* [rüg]). Субстрат предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию: местное население постепенно (через стадию двуязычия) принимает язык пришельцев, причем это может быть как родственный, так и неродственный язык. Классическим примером развития на базе субстрата служат романские языки, поскольку народная латынь, из которой они развились, накладывалась на разные субстраты (например, иберийский субстрат является причиной изменения в испанском латинского $f > h$). Другой пример дают севнорусские (Вологодские, Архангельские) и отчасти южнорусские (говоры рызанской Мещеры) диалекты, в фонетике, лексике, синтаксисе которых до сих пор сохраняются элементы финно-угорского субстрата (так, в частности, с влиянием финского субстрата связывают появление в этих диалектах такого фонетического явления, как цоканье, при котором согласные звуки [ц] и [ч] не различаются, ср. *цысто*, *цай*, *челый*).

Суперстрат (< лат. *super* 'над' и *stratum* 'слой, пласт') – это совокупность элементов языковой системы, не связанных с законами данного языка, а выводимых из языка пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением, т.е. это своеобразные «следы» исчезнувшего языка пришельцев, принявших язык местного населения (таковы, например элементы французского суперстрата в английском языке, проникшие в него после нормандского завоевания). Классическим примером влияния германского суперстрата и гальского субстрата на особенности фонетического и грамматического строя может служить французский язык (само название Франции дали германские племена франки).

Адстрат (< лат. *ad* 'при, около' и *stratum* 'слой, пласт') – это совокупность элементов языковой системы, отражающих результат влияния одного языка на другой в условиях длительного существования контактов носителей этих языков. Явление адстрата возникает при длительном двуязычии в пограничных районах (таковы, например, элементы турецкого адстрата в балканских языках).

Итак, если субстрат и суперстрат – это элементы побежденного языка в языке победителя, то адстрат – это нейтральный тип языкового взаимодействия: языки не растворяются друг в друге, а образуют прослойку между двумя самостоятельными языками.

ЯЗЫК НАРОДНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ

Общественная, социальная природа языка ярче всего проявляется во внешних условиях его существования. Поскольку язык в процессе исторического развития общества обслуживает разные коллективы людей (род, племя, народность, нацию), то различают родовой язык, племенной, язык народности и национальный язык.

Родовой язык сегодня найти довольно трудно, так как родовая ступень развития общества – это уже пройденный этап в истории человечества. На этой ступени существования языка для него характерно единство, хотя и в определенных территориальных пределах.

Племенных языков сохранилось достаточно много (например, языки индейцев северной и южной Америки). Процесс формирования племенного языка на базе родового объясняет гипотеза «первичной языковой непрерывности», предложенная историком С.П. Толстовым. Согласно этой гипотезе, родовые территориально смежные языки довольно похожи друг на друга. Языки, отстоящие друг от друга на один, похожи меньше, на два – еще меньше и т.д. (именно такой диффузный языковой ландшафт застал в 70-80 гг. прошлого века Н.Н. Миклухо-Маклай в Новой Гвинее: «Почти в каждой деревне Берега Маклая, – писал он, – свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов, а жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы»¹). Вокруг территориально смежных языков происходила концентрация преобладающих языковых диалектных признаков, вследствие чего именно эти языки становились естественной основой для образования племенного языка. Со временем поляризация диалектов, тяготеющих к тем или иным центрам, усиливалась, границы между ними становились все более резкими, что способствовало дальнейшей дифференциации племенных языков и диалектов. Особенно активно процесс формирования диалектов протекал в эпоху феодальной раздробленности. Феодализм, нарушив племенное объединение людей и племенное дробление языков,

¹ Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. М.- Л., 1940. Т.1, с. 243.

способствовал развитию новой тенденции, а именно разделению людей (и соответственно языков) на основе территориальных, экономических и политических связей. На смену племенным диалектам приходят территориальные диалекты, представляющие собой разновидность одного языка, употребляемого в качестве средства общения людьми, связанными территориальной общностью.

Диалекты одного и того же языка могут отличаться друг от друга:

1) фонетическим строем, например, особенностью вокализма (ср. севернорусский *окающий* вокализм и южнорусский *акающий*) или консонантизмом (ср. произношение звука [г] в севернорусских говорах как взрывного и в южнорусских – как фрикативного);

2) лексическим строем, особенно в названиях предметов быта и сельскохозяйственной терминологии (ср. сев.-рус. *изба* – юж.-рус. *хата*; сев.-рус. *чердак* – юж.-рус. *потолок*; сев.-рус. *орать* – юж.-рус. *пахать*; сев.-рус. *боронить* – юж.-рус. *скородить*);

3) грамматическим строем языка (ср. различия во флексии глаголов 3 лица настоящего времени: сев.-рус. [t] – юж.-рус. [t']).

Обладая различиями в звуковом строе языка, в грамматике, словообразовании, лексике, территориальные диалекты по-разному противостоят друг другу: одни из них остаются близкими друг другу, существующие между ними различия не затрудняют понимание их носителей (таковы, например, славянские диалекты и в частности, русские, в которых северно- и южнорусские диалекты характеризуются относительным единством их языковой системы), другие расходятся настолько, что понимание их носителей затруднено или просто невозможно (таковы, например, китайские и немецкие диалекты: северно-немецкие диалекты в лингвистическом отношении стоят ближе к диалектам голландского языка, чем к южно-немецким).

Усиление процессов экономической и государственной интеграции, постепенное преодоление феодальной раздробленности вело к образованию более крупных общностей – народностей, характеризующихся единством территории, экономического уклада, языка и элементов культуры. Языков народностей сохранилось значительно больше, чем племенных (ср., например, аварский, лезгинский, лакский языки в Дагестане).

Следующий этап в развитии языка – национальный. Он возникает в период сложения нации, т.е. такой исторической общности людей, которая характеризуется единством языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общ-

ности культуры. Процесс превращения народности в нацию сопровождается преодолением феодальной раздробленности, развитием капиталистических отношений, образованием внутреннего рынка, усилением языкового единства. Национальный язык – это социально-историческая категория, которая обозначает язык, являющийся средством письменного и/или устного общения нации. В зависимости от формы существования национального языка и от объема его коммуникативных функций различают три типа национального языка:

1) национальный язык, выступающий лишь в письменной форме при наличии резко различающихся территориальных диалектов, функционирующих в устном общении (например, китайский письменный язык, понятный на всей территории расселения ханьцев, которые говорят на нескольких взаимно непонятных диалектах);

2) национальный язык, выступающий лишь в устной форме, тогда как письменные формы языков различаются (например, разговорный язык норвежцев, которые в письменном общении используют два языка – один на норвежской, другой – на датской основе);

3) национальный язык, выступающий в двух формах – устной и письменной, в связи с чем он понятен всем представителям данной нации (например, русский, турецкий, японский и др. языки).

В структурно-языковом плане национальный язык полностью наследует структуру языка народности, что позволяет выполнять ему эпистемическую функцию, т.е. функцию хранения и передачи от поколения к поколению культурно-исторических и иных традиций. Как и язык народности, он является общенародным и характеризуется наличием общего словарного фонда и грамматической системы. Отличия национального языка от языка народности связаны:

1) с ролью диалектов: в период сложения национального языка происходит нивелировка диалектных особенностей, укрепление языкового единства, становление единых норм для всех носителей языка, чего не наблюдается в языке народности;

2) с ролью литературного языка: в этот период складывается и единый письменный и устный литературный язык на общенародной основе, причем соотношение литературного языка и диалектов не является равноправным, так как диалекты в процессе развития национального языка обречены на отмирание.

Национальные языки с точки зрения их происхождения могут быть следующих типов:

1) исконный язык, т.е. родной язык народности, функционировавший в течение исторического периода на данной этнической территории и превратившийся в ходе консолидации нации в единственное средство общения (например, русский, албанский, японский языки);

2) язык этнической общности, ставшей в ходе образования нации ядром этнической консолидации, превратившийся в средство общенационального общения и вытеснивший языки других этнических групп (например, английский язык, восходящий к языку германских племен – англов, саксов, ютов, а не к языку аборигенов Англии – бриттов);

3) заимствованный язык, т.е. язык иной, не вошедшей в состав данной нации этнической общности при том, что в повседневном общении функционирует другой язык (например, испанский язык в Парагвае).

Соотношение национального языка и социума, который он обслуживает, может быть разным:

1) характерным социумом национального языка является одно государство (например, итальянский язык в Италии);

2) один национальный язык в разных вариантах обслуживает разные государства (например, английский язык в британском варианте в Англии и в американском в США);

3) в одном социуме бытуют разные варианты национального языка (например, в Швейцарии существует шесть вариантов ретороманского языка);

4) в одном социуме существуют разные национальные языки (например, в Испании – баскский, каталанский, галисийский, испанский).

ПУТИ ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

История формирования каждого национального языка индивидуальна и неповторима, однако некоторые общие моменты в этом процессе прослеживаются: национальный язык образуется, как правило, или на базе одного (более или менее однородного) диалекта, или на базе нескольких диалектов за счет их концентрации, или путем смены диалектов и параллельной их концентрации. Эти пути образования национальных языков были сформулированы в общем виде К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии»: «В любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческо-

му развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией».¹

Примером первого пути формирования национального языка может служить французский язык, сложившийся на базе диалекта Иль-де-Франс с центром в Париже: приказом короля Франциска I язык именно этого диалекта в 1539 г. возводится в ранг национального государственного языка, что сразу же понизило статус латинского и провансальского языков, несмотря на то, что латинский язык все первое тысячелетие был единственным литературным языком Западной Европы, а на провансальском существовала лирическая поэзия трубадуров, широко известная в Испании, Италии и даже Германии.

Примером второго пути становления национального языка может служить английский язык, который сформировался в результате борьбы и смешения двух языков – англосаксонского (сложившегося на базе англосаксонских диалектов, когда англ, саксы и юты завоевали Британию) и французского (принесенного в Британию норманнами). Борьба этих двух языков завершилась победой англосаксонского, однако в его словарном составе, особенно в надстроечной терминологии, связанной с обозначением государственного устройства, социальных отношений, военного дела, искусства, достаточно много слов французского происхождения (ср. *country* 'страна', *people* 'народ', *royal* 'королевский', *judge* 'судья', *chancellor* 'канцлер', *money* 'деньги', *garrison* 'гарнизон', *arms* 'оружие', *truce* 'перемирие', *dance* 'танец' и т.д.). Период «скрещивания и смешения» языков завершился к XVI в. (национальный английский язык к этому времени сложился на базе Лондонского диалекта).

Примером третьего пути образования национального языка может служить русский язык, который начал складываться в единый национальный язык в XVII в., когда укрепляется Московское государство. В основу его лег говор Москвы (московское просторечие), представлявший собой переходный говор, так как в процессе исторического развития языка на его северную основу наложился черты южнорусских говоров. В современном русском языке соотношение севернорусских и южнорусских элементов на разных

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 3, с. 427.

языковых уровнях неодинаково: в лексике наблюдается преобладание севернорусских элементов, в фонетике (особенно в системе вокализма) – южнорусских, в грамматике их соотношение приблизительно равное.

Существует, однако, еще один путь формирования национального языка – на базе «чужого» языка. Он встречается чаще всего у народов, задержавшихся в своем историческом развитии на пути превращения в нацию (ср., например, ситуацию в Анголе, где имеется множество бесписьменных языков, но опорный диалект национального языка еще не выбран, поэтому в политической и экономической жизни, в науке и литературе используется португальский язык. Со временем, однако, и здесь произойдет становление национального языка на базе одного или нескольких диалектов).

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Проблема «язык и культура» относится к числу дискуссионных и до конца не решенных в языкознании. Спорным является прежде всего вопрос о том, что такое культура? Представители американской школы «культурной антропологии» рассматривают культуру как сумму всех небιологических аспектов человеческой жизни. Социо- и психолингвистика, а также исторический материализм предлагают рассматривать культуру расчленено, т.е. в ее материальном и духовном аспектах. «Материальная культура – это совокупность вещественных, зримых произведений труда человека, – пишет философ П.Н. Федосеев в статье «Некоторые вопросы развития советского языкознания»,– духовная культура – производство, распределение и потребление духовных ценностей». Материальная и духовная культура находятся в органическом единстве. О сложности этого феномена свидетельствует множество определений культуры, ср. культура – это «единство художественного стиля во всех проявлениях жизни народа» (Ф. Ницше); «формы поведения, привычного для группы, общности людей, социума» (К. Юнг); «специфический способ мышления, чувствования и поведения» (Т. Эллиот); «совокупность достижений и институтов, отдаливших нашу жизнь от жизни звероподобных предков и служащих двум целям: защите человека от природы и упорядочиванию отношений людей друг с другом» (З. Фрейд); «механизм, создающий совокупность текстов» (Ю. Лотман), «единый срез, проходящий через все сферы человеческой деятельности» (М. Мамардашвили); «состояние ду-

ховной жизни общества» (М. Ким); «совокупность определенных ценностей» (Б. Суходольский), ср. также скептическое суждение Л.Н. Толстого, высказанное им в эпилоге романа «Война и мир»: «Духовная деятельность, просвещение, цивилизация, культура, идея – все это понятия неясные, неопределенные».¹

Дискуссионным является и вопрос о соотношении понятий «язык» и «культура»: одни ученые полагают, что язык относится к культуре как часть к целому, другие – что язык лишь форма выражения культуры, третьи – что язык не является ни формой, ни элементом культуры. В качестве иллюстрации разного решения этой проблемы можно привести высказывания двух крупнейших представителей культурологии, основателей американской и русской школ этнолингвистики – Э. Сепира и Н.И. Толстого: «Культуру, – говорит Сепир, – можно определить как то, что данное общество делает и думает, язык же есть то, как думает».² «Отношения между культурой и языком, – пишет Толстой, – могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же), в особенности когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом».³

Достижения таких направлений в языкознании, как этно- и психолингвистика свидетельствуют о том, что язык как общественное явление должен быть отнесен к сфере духовной культуры и рассматриваться в качестве одного из ее компонентов (хотя нельзя не признать, что существует ряд областей культуры – музыка, хореография, изобразительное искусство, которые с языком непосредственно не связаны). Если понимать культуру как процесс и продукт духовного производства, ориентированного на создание, хранение, распространение и потребление духовных ценностей, норм, знаний, представлений, то следует признать, что именно язык способствует формированию духовного мира общества и человека, обеспечивая общество дифференцированной системой знаний, способствуя ду-

¹ Толстой Л.Н. Война и мир // Соч. в 12 томах. М., 1974, т. 7, с. 311.

² Сепир Э. Язык, раса, культура // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993, с. 193.

³ Толстой Н.И. Язык и культура. // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995, с. 16.

ховной интеграции как общества в целом, так и различных его групп. Язык, таким образом, «выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества».¹ Соприкосновение разных культур находит отражение в языке в виде лексических заимствований. Процессы взаимодействия и интернационализации культур получают свое выражение в формировании интернациональной лексики.

Культура формирует сложную и многообразную языковую систему, благодаря которой происходит накопление, организация опыта и передача его из поколения в поколение. Уровнем развития материальной и духовной культуры общества определяется форма существования языка. Согласно культурно-исторической классификации языков, существуют бесписьменные языки, т.е. языки, имеющие только устную форму существования, письменные языки, т.е. языки, имеющие помимо устной, еще и письменную форму существования, литературные языки народности и нации, представляющие собой более высокую ступень развития письменных языков, так как на них существует литература (с точки зрения материальной культуры – это уже следующий этап эволюции общественных отношений, предполагающий появление книгопечатания, развитие наук и т.д.), языки межнационального общения (их возникновение связано со следующим этапом развития культуры – появлением новых технических средств письменного и устного общения, средств массовой информации, рекламы и т.д.).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Литературный язык – это высшая (наддиалектная) форма существования языка, для которого характерны высокая степень обработанности, полифункциональность, стилистическая дифференциация, тенденция к регламентации.

По своему культурному и социальному статусу литературный язык противостоит территориальным диалектам, разным типам обиходно-разговорного языка, просторечию. Литературный язык – это язык официально-деловых документов, письменно-бытового общения, школьного обучения, язык науки, публицистики, язык

художественной литературы, всех проявлений культуры, имеющих словесную форму выражения.

Литературный язык – категория историческая. Он может обслуживать не только нацию, но и народ. Между литературным языком нации и народности существуют, однако, различия, которые связаны как с характером использования языка, сферой его распространения, так и с характером его происхождения:

литературный язык народности имеет, как правило, ограничения в сфере своего использования (он может, например, употребляться лишь в качестве официально-делового языка, как это было в XIII в. во Франции, когда королевская канцелярия использовала особый вид языка, отличный от разговорного), в связи с чем он ограничен и в сфере своего распространения, поскольку известен не всем членам народности, а лишь ее части, тогда как литературный язык нации таких ограничений не имеет: основным признаком развитого национального литературного языка является его общенародность, наличие единых (наддиалектных) норм, общих для всех членов национальной общности, охватывающих все сферы речевой коммуникации;

литературный язык нации формируется, как правило, на народной основе (на базе одного или нескольких диалектов), тогда как литературный язык народности может быть и «чужим языком» (как это было в средние века с латинским языком у германских, романских и западнославянских народов). Следует, однако, сказать, что этот признак не является абсолютным, так как литературный язык народности может быть и «своим» языком (как, например, древнерусский язык в Московском государстве).

Назначение литературного языка, его полифункциональность тесно связаны с уровнем развития общества, а также с языковой ситуацией в целом: литературные языки Западной Европы долгое время использовались в основном как языки эпоса, поэзии, прозы и лишь значительно позднее они начали обслуживать науку и образование, поскольку в этих сферах господствовала латынь, т.е. ограничение функций литературного языка происходило вследствие его исключения из сфер административного управления, науки и деловой письменности.

Основными признаками национального литературного языка являются:

1) тенденция к общенародности, наддиалектности, что проявляется в постепенном обособлении литературного языка от узкорегionalных признаков одного (или нескольких) диалектов, лежа-

¹ Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996, с. 28.

щих в его основе, и последовательном объединении признаков разных диалектов, подвергающихся в процессе исторического развития языка своеобразной культурной обработке; вследствие этого происходит функционально-стилистическое обособление литературного языка, которое выражается в наличии особых, присущих только ему, пластов лексики, а также специфичных для книжно-письменных стилей синтаксических моделей;

2) письменная фиксация: наличие письменности оказывает влияние на характер литературного языка, обогащая его выразительные средства и расширяя сферы применения (некоторые ученые, однако, полагают, что литературный язык может существовать и в дописьменный период как язык устного народного поэтического творчества);

3) нормированность литературного языка, существование единых кодифицированных норм, т.е. принятых в общественно-речевой практике правил произношения, словоупотребления, использования грамматических и других средств языка. Понятие нормы является центральным в определении национального литературного языка. Литературная норма складывается в процессе социально-исторического отбора языковых элементов. Ее характеризует устойчивость, традиционность, ограничение вариативности, относительное территориальное единообразие;

4) общеобязательность норм и их кодификация (< лат. *codificatio* 'систематизация'): признание нормативности того или иного языкового явления (произношения, словоупотребления и т.д.) основывается на следующих фактах: соответствие данного явления структуре языка, регулярной его воспроизводимости, общественном одобрении. Одной из форм такого одобрения является кодификация, которая призвана фиксировать в грамматиках, справочниках, словарях сложившиеся в процессе общественной языковой практики явления. Именно эта общеобязательность и кодифицированность норм литературного языка делает его общепринятым, а потому и общепонятным. Следует, однако, сказать, что некоторые ученые считают, что наличие кодифицированных норм не является строго обязательным признаком литературного языка, ссылаясь на систему нормативов в грамматике Панини, когда национальный литературный язык еще не сформировался;

5) разветвленная функционально-стилистическая система и экспрессивно-стилистическая дифференциация средств выражения: в истории литературных языков и их стилей различают три основных стиля, имеющих разные источники происхождения: книжный, нейтральный (или нейтрально-разговорный) и фамильярно-простореч-

ный. Книжный стиль восходит обычно к литературному письменному языку предшествующего периода (хотя иногда он может быть связан и с иным языком, например, с латинским для романских языков или старославянским для славянских). Нейтральный стиль восходит к общенародному языку и прежде всего к языку городской части населения. Фамильярно-просторечный стиль имеет своим источником язык городских низов, профессиональных групп, жаргоны, а также диалекты. Каждый из стилей в рамках литературного языка имеет свою дифференциацию;

б) дихотомичность литературного языка, т.е. объединение в его составе книжной и разговорной речи, которые противопоставлены друг другу как основные функционально-стилевые сферы. В условиях социальных преобразований, особенно с развитием средств массовой информации часто происходит взаимопроникновение этих функционально-стилевых сфер, вследствие чего наблюдается сближение разговорной и книжной речи. Функциональные разновидности литературного языка реализуются в письменной и устной форме: разговорная речь – в устной форме (и только в письмах – в письменной), книжная речь – в письменной (и лишь в драматических жанрах – в устной форме).

Следует различать понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы»: литературный язык охватывает не только язык художественной литературы, но и язык науки, государственного управления (официально-деловой язык), язык устных выступлений и т.д., поэтому в функциональном плане – это чрезвычайно емкое понятие. «Язык художественной литературы» – понятие более широкое в содержательном плане, так как в язык художественных произведений для достижения выразительности, колоритности речи персонажа писателем могут быть введены диалектизмы или жаргонизмы, которые в литературном языке не допустимы (ср., например, произведения М.А. Шолохова, В.М. Шукшина).

ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ НОРМА, ЕЕ КОДИФИКАЦИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Литературно-языковая норма – это традиционно сложившаяся система правил использования языковых средств, которые признаны обществом в качестве обязательных. В сознании говорящих норма является своеобразным идеалом, обладающим качествами особой правильности, а потому общеобязательным. Как совокупность ста-

бильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно культивируемых обществом, норма является одним из характерных признаков литературного языка национального периода.

Норма — это категория, с одной стороны, собственно лингвистическая, а с другой — социально-историческая. Социальный аспект нормы проявляется в самом факте отбора и фиксации языковых явлений (особенно ярко это выражается в классовом обществе, где речь «верхушки» общества, образованных и привилегированных слоев противостоит речи «низов», народных масс), а также в наличии системы их оценок («правильно/неправильно», «уместно/неуместно»). Лингвистический аспект выражается в характерной для нормы системности и связи со структурой языка.

Степень устойчивости нормы на разных уровнях языка неодинакова. Решающим фактором является соотношение нормы и системы языка: в области орфоэпии, например, система языка целиком определяет норму, поэтому она обладает наивысшей степенью устойчивости; в области лексики решающим является содержательный план языковой единицы, ее смысловая точность и стилистическая уместность, отсюда широкое использование синонимических средств языка, вариативность, поэтому степень устойчивости нормы соответственно ниже.

Ядро литературной нормы составляют стилистически нейтральные и, следовательно, наиболее широко распространенные явления, периферию — явления архаические и новые, не получившие еще широкого использования в языке, а также те, которые имеют ограничения в сфере своего употребления (территориальные или профессиональные).

Норма может быть императивной (т.е. строго обязательной) и диспозитивной (т.е. не строго обязательной). Императивная норма — это норма, не допускающая вариативности в выражении языковой единицы, регламентирующая только один способ ее выражения. Нарушение этой нормы расценивается как слабое владение языком (например, ошибки в склонении или спряжении, определении родовой принадлежности слова и др.). Диспозитивная норма — это норма, допускающая вариативность, регламентирующая несколько способов выражения языковой единицы (например, *чашка чая* и *чашка чаю*, *творог* и *творог* и т.д.). Вариативность в употреблении одной и той же языковой единицы часто является отражением переходной ступени от устаревшей нормы к новой (ср., например, вариативность в произношении сочетаний согласных

[*чт*] и [*чн*] в русском языке: *чтобы*, но *нечто*, *скучно*, но *сливочный*).

Будучи достаточно устойчивой и стабильной, норма как категория историческая подвержена изменениям, что связано с самой природой языка, находящегося в постоянном развитии. Возникающая в этом случае вариативность не разрушает нормы, а делает ее более тонким инструментом отбора языковых средств.

В истории литературных языков нормы письменного языка складываются раньше, чем устного. Для большинства современных литературных языков характерно сближение норм письменного языка с нормами разговорной речи: под влиянием устных форм языка происходит некоторая либерализация норм литературно-письменного языка, что связано с приобщением широких социальных слоев общества к числу носителей литературного языка.

Норма культивируется в средствах массовой информации, в театре. Она является предметом школьного обучения языку. Представляя образцовое использование языковых (речевых) средств, норма в сознании говорящих обладает качествами особой правильности.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ В БУДУЩЕМ

Вопрос о перспективах развития языков в будущем имеет несколько решений. Согласно одной точке зрения, будущее языков — за языковыми союзами: развитие языков, по мнению ученых, будет идти по пути их интеграции и постепенного слияния в один язык ареала языкового союза. Предполагается, что это произойдет за счет увеличения интернационального фонда лексики, развития общих морфологических моделей и синтаксических конструкций. Данные прогнозы опираются на реально существующие процессы, происходящие в рамках языкового союза.

Согласно другой точке зрения, вопрос о перспективах языков в будущем связывается с тенденцией укрепления и развития национальных языков, расширения сферы их использования (ср., например, судьбу киргизского или ингушского языка: в начале века они были бесписьменными языками и находились примерно на одном уровне функционального развития, т.е. употреблялись в основном в сферах хозяйственной деятельности, бытового общения и религии. Однако, получив письменность, они существенно расширили сферу своего использования, начав применяться в сфере обучения, в де-

лопроизводстве, в средствах массовой информации, в общественно-политической и научной жизни). Новые тенденции в развитии бесписьменных и младописьменных языков являются следствием целенаправленно проводимой языковой политики, ориентированной на свободное использование языков в соответствии с жизненными потребностями их носителей. В настоящее время большинство языков бывших союзных республик имеют статус государственного языка. Эти факты говорят о том, что будущее бесписьменных и младописьменных языков связано с их развитием, а не слиянием (тем более что примеров полностью смешанных языков история языкознания не знает).

Существует, однако, и третья точка зрения, согласно которой ведущую роль в развитии языков в будущем будут играть зональные языки. Зональный язык – это один из существующих в конкретном ареале языков, «возведенный в ранг» языка общения между народностями или нациями, проживающими в данном ареале (например, грузинский язык уже сегодня стал зональным языком на территории Грузии, так как он является языком общения для грузин, мегрелов, сванов, абхазцев и других народностей, населяющих Грузию; для всех них, кроме грузин, он является вторым языком; на территории России эту функцию выполняет русский язык, который для грузин в данном случае будет вторым языком, а для мегрелов, сванов и других народностей – третьим). Таким образом, для малых народностей и тех наций, язык которых не является средством межнационального общения, будущее заключается в развитии и укреплении своего родного языка и одновременно в овладении вторым или даже третьим языком межнационального общения.

ИСКУССТВЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЯЗЫКИ. ЭСПЕРАНТО.

Идея международного языка давно привлекала внимание ученых. Первыми в пользу создания рационального искусственного языка, замещающего естественный язык как «недостаточно совершенное орудие мышления», высказались Р. Декарт и Г. Лейбниц.

Основными направлениями в создании искусственных языков в XVII–XIX вв. были логическое и эмпирическое. Логическое направление опиралось на рационалистическую философию с характерной для нее критикой естественного языка. В рамках этого направления разрабатывались искусственные философские языки, ос-

нованные на логической классификации понятий и способные, по мнению их создателей, выразить положения любой научной или философской системы. Основанием для конструирования философского языка, лишенного материального сходства с каким-либо естественным языком, служила идея, согласно которой между понятием и словом существует прямое соответствие (ср., например, проекты философского языка английских ученых XVII в. Дж. Дальгарно и Дж. Уилкинса). Эмпирическое направление ориентировалось на естественные языки. Представители этого направления предлагали упростить один из существующих или существовавших ранее естественных языков, не реформируя его как средство мышления. В качестве такого языка рассматривался упрощенный латинский (Ф. Лаббе), французский (И. Шипфер), всеславянский (Ю. Крижанич) и др.

Логическое направление подвергалось острой критике, так как искусственные философские языки были коммуникативно несовершенны. И со второй половины XIX в. прочно утверждается идея разработки такого международного звукописьменного языка, который был бы создан по образцу живого языка и был бы совершенным (хотя и вспомогательным) средством общения.

Первым таким языком, получившим реализацию в общении, был язык волапюк, созданный немецким католическим священником И. Шлейером. Слова естественных языков (французского, английского, немецкого, латинского и др.) в нем видоизменялись и теряли свою опознаваемость (например, англ. *world* > *vol*, *speak* > *pük*, отсюда *volapük* ‘всемирный язык’). В грамматическом отношении это был достаточно сложный язык (6 времен, 4 склонения, 2 вида, 2 залога, 4 падежа, 3 лица), что затрудняло его использование в общении. Однако с появлением международного искусственного языка волапюк начинается новый этап социального использования искусственных языков. Возникает движение за международный язык, особенно укрепившееся и расширившееся после появления проекта языка эсперанто. Проект был составлен врачом Л. Заменгофом, взявшим себе псевдоним «Эсперанто» (*esperanto* ‘надеющийся’). Сначала этот язык получил распространение в Польше (где был впервые опубликован проект), затем в России, а в начале XX в. – в Англии, Франции, Германии и др. странах.

Переход от теоретического конструирования искусственного языка к его практическому применению в качестве средства общения способствовал тому, что движение эсперантистов приобрело международный характер (особенно широкое распространение оно

имело среди философов, филателистов, коммерсантов и спортсменов).

Эсперанто строится на основе интернациональной лексики (преимущественно романского происхождения, ср. *ideo, telegrafo, revolucio, maŝino, patro* 'отец') с максимально упрощенной и строго нормализованной грамматикой: в ней используется 11 окончаний, каждое из которых закреплено за определенной частью речи (-o для существительных, -a для прилагательных, -e для наречий, -i для инфинитивов и т.д.) и всего два падежа – именительный и винительный. С помощью словообразовательных аффиксов из ограниченного числа корней конструируется практически весь словарный состав языка. Графика латинская. Ударение – на втором слоге от конца.

На языке эсперанто появились учебные пособия, словари и даже художественная литература, как переводная (например, Библия, трагедии Софокла, Данте), так и оригинальная. В начале XX в. была основана Академия эсперанто, в рамках которой и сегодня проводятся конгрессы эсперантистов. Несколько десятилетий эсперанто служит средством общения разноязычных групп эсперантистов, использующих его при переводах, в научных публикациях, в переписке, а также в устных выступлениях на конгрессах или в личном общении. В то же время будучи «вспомогательным» языком, эсперанто имеет сравнительно узкую сферу применения, поэтому он не является языком в подлинном смысле этого слова (он не может сравниться ни с одним естественным языком во всем его лексическом и стилистическом многообразии). В связи с этим все больше утверждается мнение, что подлинный международный язык должен базироваться на реально существующих национальных языках.

Однако в условиях быстрого роста и распространения научной информации все острее ощущалась потребность в едином средстве общения. Поэтому в 70-х годах XX в. вновь возобновляются попытки создания более совершенного проекта международного искусственного языка. В качестве особого раздела языкознания оформляется самостоятельная наука интерлингвистика, занимающаяся созданием и изучением международных искусственных языков как средства межъязыкового общения.

В еще меньшей степени статус языка имеет язык линкос (< лингвистика космоса), язык космической связи. Проект этого языка предложил в начале 60-х годов XX в. голландский математик Г. Фрейденталь, получивший за свою монографию «Линкос. Построение языка для космических связей» Нобелевскую премию. В ос-

нове этого проекта лежит идея о возможности контактов землян с инопланетянами. Линкос является абстрактной схемой такого языка, коммуникативная основа которого строится на световых и звуковых сигналах, идущих в определенной последовательности. На этом языке Г. Фрейденталь излагает законы математики, биологии, физики, говорит о нормах человеческой морали и этики. Линкос – это первая попытка создания космического языка, предназначенного для обмена информацией в условиях внеземного общения.

Контрольные вопросы

1. В чем проявляется социальная обусловленность языка?
2. Что такое внутренние законы развития языка?
3. Какие основные процессы развития и взаимодействия языков?
4. Что такое интеграция и дифференциация языков?
5. Что такое родство языков? Приведите примеры.
6. Что такое языковая семья и языковой союз?
7. Что такое субстрат, суперстрат и адстрат? Приведите примеры.
8. Что такое язык народности и национальный язык? В чем отличие национального языка от языка народности?
9. Типы национальных языков с точки зрения их происхождения.
10. Каковы основные пути формирования национальных языков?
11. Как соотносятся понятия «язык» и «культура»?
12. Что такое литературный язык?
13. Назовите основные признаки национального языка.
14. Как соотносятся понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы»?
15. Что такое императивная и диспозитивная норма?
16. Каковы перспективы развития языков в будущем?
17. Что такое языковая политика и в чем она выражается?
18. Что такое искусственный язык?

Рекомендуемая литература

1. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1983, гл. 10–11.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2 изд. т.3.
3. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1998, гл. V.
4. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967, гл. VII.
5. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975, гл. 1–3.
6. Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику. М., 1995, гл. V.

Глава 5

ФОНЕТИКА

Фонетика (< греч. *phōnētikos* 'звуковой') – раздел языкознания, изучающий звуковые единицы языка, их акустические и артикуляционные свойства, законы, по которым они образуются, правила функционирования (например, правила сочетаемости звуков, распределения ударения в словах, чередования гласных и согласных и т.д.). Звуковые единицы языка изучаются в различных аспектах: в функциональном, т.е. с точки зрения использования звуков языка в процессе общения (область фонологии), в артикуляторном, т.е. с точки зрения физиологии образования звука (область артикуляторной фонетики), в акустическом, т.е. с точки зрения физических свойств воспринимаемого звука (область акустической фонетики).

Наша речь складывается из звуков, она представляет собой непрерывную смену артикуляций (перемещение языка вперед/назад, вверх/вниз, движение губ, маленького язычка, работа голосовых связок и т.д.). При движении речевых органов возникает звук.

Звук как чисто акустическое явление – это результат колебаний звучащего физического тела в среде, передающей эти колебания органам слуха. Он характеризуется: 1) высотой, которая зависит от частоты колебаний, т.е. от количества колебаний в единицу времени (частота колебаний измеряется герцами, человеческое ухо способно воспринимать частоты до 16-20 тысяч герц); 2) силой, которая зависит от амплитуды (размаха) колебаний (чем больше амплитуда, тем громче звук); 3) тембром, который зависит от дополнительных частот (обертонов), входящих в состав звука; 4) долготой (или длительностью), которая связана с общим временем звучания звука.

При прохождении воздушной струи через речевой аппарат человека звук из чисто акустического явления превращается в артикуляторное: органы речи моделируют звук, здесь он получает свою форму. Звук речи – это минимальная единица речевой цепи, возникающая в результате артикуляции человека и характеризующаяся определенными акустическими свойствами. Совокупность работ органов речи при образовании звука называется артикуляцией. А совокупность артикуляций, необходимых для образования звуков какого-либо языка, – артикуляционной базой этого языка. В разных языках мира артикуляционные базы могут различаться (во фран-

цузском языке, например, в отличие от английского, при произношении гласных наблюдается более энергичная работа губ, особенно при произнесении губных (т.е. лабиализованных) гласных, тогда как для английского языка характерна вялая работа губ).

В речевом аппарате человека принято выделять следующие части: 1) дыхательный аппарат (легкие, бронхи, трахея), который создает необходимое для образования звуковых колебаний давление воздушной струи; 2) гортань, где происходят колебания голосовых связок и образуется тон звука; 3) полости рта и носа, где под влиянием колебаний голосовых связок происходят колебания воздушной массы и создаются дополнительные тоны и обертоны, наслаивающиеся на основной тон, возникший в гортани. Полости рта и носа являются, таким образом, резонаторами, усиливающими дополнительные тоны звука (полость носа является неизменяемым по объему и форме резонатором, придающим звучанию носовой тембр, как например, при произнесении русских звуков *м* и *н* или французских носовых гласных); 4) органы произношения, т.е. язык, губы (активные органы), небо, зубы, десны (пассивные органы), которые качественно «отделяют» звук, моделируют его. Деление органов произношения на активные и пассивные связано с их работой при произнесении звука: если губы и особенно язык подвижны (они двигаются к небу, деснам, зубам), то небо, десны и зубы не совершают самостоятельных движений, хотя и необходимы для образования звука; 5) головной мозг и нервная система человека, управляющие всей работой речевого аппарата: благодаря нервным импульсам, идущим из мозга, обеспечивается автоматизм артикуляционных движений.

При изолированном произнесении звука различают три фазы в его артикуляции: экскурсию, т.е. переход органов речи в состояние, необходимое для производства звука; выдержку, т.е. нахождение органов в данном положении; рекурсию, т.е. переход к артикуляции следующего звука или переход к нейтральному положению.

С акустической точки зрения звуки речи представляют особый класс звуков. В качестве их источников выступают голос и различные по своему характеру шумы: при произнесении гласных используется только голос, при произнесении глухих взрывных согласных (например, *п*, *т*) – только шум, при произнесении звонких щелевых согласных (например, *з*, *ж*) – голос и шум. На звучание голоса или шума в звуке влияет изменение размера и формы резонирующих полостей рта и носа, конфигурация которых определяется положением языка, губ, мягкого неба, небной занавески и т.д. В русском

языке наиболее звучными по степени звучности являются гласные (среди которых самый звучный *a*, менее звучными являются *e* и *o* и наименее звучными – *и*, *у*, *ы*), за ними следуют сонанты (среди которых наиболее звучными являются *л* и *р*), затем – звонкие щелевые согласные (*з*, *ж*, *в*), далее звонкие взрывные (*б*, *д*, *г*), после них – глухие щелевые (*ф*, *с*, *ш*, *х*) и, наконец, – глухие взрывные (*п*, *т*, *к*).

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЗВУКОВ РЕЧИ

Артикуляционно все звуки речи делятся на два класса – гласные и согласные, основные различия между которыми связаны со способом образования этих звуков и их ролью при формировании слога: при образовании гласных обязательно участие голосовых связок и отсутствие преграды в полости рта, типичным артикуляционным движением является размыкательное, тогда как при образовании согласных – необязательно участие голосовых связок, но обязательно наличие преграды и смыкательной артикуляции; слогаобразующими являются, как правило, гласные, которые образуют вершину слога, поэтому практически во всех языках мира число согласных превышает число гласных.

Гласные – это звуки, которые состоят только из голоса. Выдыхаемый воздух проходит через рот, не встречая никаких преград (именно поэтому известный русский ученый В.А. Богородицкий называл их «ртомаскрывателями»). Фонетическая функция гласных – в организации звуковой целостности слога, слова и синтагмы. В артикуляционных классификациях гласных учитываются следующие критерии: 1) степень подъема языка (т.е. степень его вертикального смещения); 2) степень продвинутости языка вперед или назад; 3) положение губ; 4) положение мягкого неба.

В большинстве языков мира по степени подъема языка гласные делятся на три группы: 1) гласные нижнего подъема, при артикуляции которых язык занимает максимально низкое положение в полости рта, а благодаря опущенной нижней челюсти достигается широкий раствор рта, поэтому эти гласные называют также широкими: рус. *а*; 2) гласные верхнего подъема, при образовании которых язык занимает самое высокое положение в полости рта, причем раствор рта узкий, поэтому эти гласные называют узкими: рус. *и*, *у*, *ы*; 3) гласные среднего подъема, т.е. не относящиеся ни к гласным верхнего подъема, ни к гласным нижнего подъема, рус. *е*, *о*. Некоторые ученые (Л.В. Щерба, Л.Р. Зиндер) предлагают выде-

лять не три, а четыре и даже семь степеней подъема гласных (по мнению Л.Р. Зиндера, от *а* к *и* ведет непрерывный ряд гласных, возникающих при медленном подъеме языка).

Горизонтальное смещение языка в переднюю или заднюю часть полости рта является основанием для классификации гласных по ряду. С точки зрения этого признака гласные во многих языках мира делятся также на три группы: 1) гласные переднего ряда, при артикуляции которых язык продвигается вперед, рус. *и*, *е*; 2) гласные заднего ряда, при образовании которых язык перемещается назад, рус. *у*, *о*; 3) гласные среднего ряда, при образовании которых язык вытянут вдоль полости рта, рус. *ы*, *а*. Следует, однако, отметить, что в некоторых языках (например, в тюркских) выделяются только два ряда – передний (*ө*, *й*, *і*) и задний (*у*, *о*, *и*).

При артикуляции гласных важную роль играют губы, которые могут вытягиваться вперед с разной степенью округления или лабиализации (< лат. *labialis* ‘губной’). С этой точки зрения гласные делятся на две большие группы: 1) лабиализованные, т.е. огубленные, при образовании которых губы сближаются, уменьшая выходное отверстие и удлиняя ротовую резонатор: рус. *о*, *у*; 2) нелабиализованные, т.е. неогубленные, рус. *и*, *е*, *а*, *ы*.

По положению мягкого неба гласные делятся на две группы:

1) ротовые, при артикуляции которых мягкое небо поднято и закрывает проход воздуха в полость носа: все русские гласные; 2) носовые, при образовании которых мягкое небо опущено, воздух проходит в полость носа: носовые гласные в польском, португальском, французском языках.

В некоторых языках мира учитываются также такие характеристики гласных, как длительность и тон. При этом выделяются долгие и краткие гласные (однако есть языки, например, эстонский, где различаются три степени долготы гласных – долгие, сверхдолгие и краткие). Долгие гласные отличаются от соответствующих им кратких прежде всего длительностью звучания (ср. словенские долгие гласные *e*; *a*), хотя иногда они могут отличаться и некоторыми артикуляционными характеристиками (например, английский звук *i*: долгий более закрытый и передний, чем *i*). Долгота гласных в некоторых языках семасиологизирована: в латинском языке, например, с длительностью гласного были связаны различия в значениях слов (ср. лат. *os* ‘кость’ и *o:s* ‘рот’, *populus* ‘народ’ и *po:pulus* ‘толпа’).

В тональных языках (например, в языках юго-восточной Азии) при классификации гласных по тону учитываются более сложные

признаки, в частности, скорость изменения частоты, время, за которое происходит изменение, регистр и др.

Типологические исследования в области фонетики показали, что в основе системы вокализма большинства языков лежит противопоставление трех универсальных признаков – подъема, ряда и лабиализованности, все остальные признаки являются уже специфическими, отличительно характеризующими тот или иной язык.

С точки зрения однородности артикуляции гласные подразделяются на дифтонги (< греч. *diphthongos* ‘двугласный’) и монофтонги (< греч. *monos* ‘один’ и *phthongos* ‘звук’). Дифтонг – это сложный гласный, возникший в результате слияния двух (а иногда и трех) гласных в одном слоге, произносимый единым артикуляторным движением (ср., например, английский дифтонг *ai*, немецкий *ae*). В зависимости от того, на какой гласный приходится вершина слога, различают восходящие, нисходящие и восходяще-нисходящие дифтонги: восходящий дифтонг – это дифтонг, у которого слогаобразующим является второй гласный (ср., например, испанский дифтонг *ue*: *fuelle* ‘источник’); нисходящий дифтонг – это дифтонг, у которого слогаобразующим является первый гласный (ср. немецкий дифтонг *au*: *Maus* ‘мышь’); восходяще-нисходящий (или истинный) дифтонг – это дифтонг, состоящий из двух одинаково ударных гласных (ср. латышский дифтонг *au*: *tauta* ‘народ’). Все дифтонги, как правило, обладают большей длительностью, чем монофтонги. Монофтонг – это гласный, характеризующийся артикуляционной и акустической однородностью, органы речи при артикуляции звука не меняют своего положения на всем протяжении артикуляции, тогда как при произнесении дифтонга происходит сдвиг органов речи (ср., например, английский дифтонг [au] в словах *now* ‘сейчас’ и *pound* ‘фунт’).

От дифтонгов следует отличать дифтонгоиды, качественно неоднородные гласные, имеющие в своем составе призвук, выступающий в качестве переходного (ср., например, русские диалектные звуки e^u (е склонный к и) или o^y (о склонный к у)).

Кроме артикуляционных, существуют акустические характеристики гласных, где в качестве дифференциальных выступают иные признаки: частота звука, зона его образования и др. Надгортанные полости (рта и носа), выступающие в роли резонаторов, усиливают определенные частоты гласных звуков. Эти резонансные частоты называются формантами гласных. При классификации гласных с акустической точки зрения учитывают обычно сведения о частоте двух формант – первой и второй, относительно которых известно,

что их частота определенным образом связана с артикуляционными свойствами гласных: частота первой форманты зависит от подъема гласного (чем более открытый гласный, т.е. чем ниже его подъем, тем выше частота первой форманты, рус. гласный *a* и, наоборот, чем более закрытый гласный, т.е. чем выше его подъем, тем частота ниже, рус. гласные *и, ы, у*); частота второй форманты зависит от ряда гласного (чем более передний гласный, тем выше частота второй форманты, рус. гласные *e, и*); лабиализованность гласных понижает частоту обеих формант. В соответствии с этим гласные верхнего подъема *и, ы, у* имеют наиболее низкую по частоте первую форманту, тогда как гласный нижнего подъема *a* имеет наиболее высокую первую форманту. Наиболее высокую вторую форманту имеет нелабиализованный гласный переднего ряда *и*, а наиболее низкую – лабиализованный гласный заднего ряда *у*.

Согласные – это звуки, которые состоят из шума или голоса и шума: при артикуляции согласных выдыхаемый воздух встречается на своем пути преграды в полости рта (поэтому согласные нередко называют «ртосмыкателями»). Согласные как класс звуков противостоят гласным еще и потому, что они, как правило, не являются слогаобразующими: само название «со-гласный», т.е. встречающийся вместе с гласным, указывает на подчиненную роль согласного в слоге (хотя существуют языки, например, сербский, хорватский, македонский, словенский и др., где согласные, но только сонорные, обладают слоговостью; в русском языке в беглой речи в позиции конца или начала слова они также могут приобретать слоговость, ср. *бобр, мудр, ржав, льстить*). Артикуляционная классификация согласных строится на основе следующих признаков: 1) поведение голосовых связок; 2) положение активного действующего органа, образующего преграду; 3) способ образования преграды и ее место; 4) положение мягкого неба.

В зависимости от степени участия голосовых связок при образовании согласных они делятся на звонкие и глухие. При артикуляции звонких согласных голосовые связки напряжены и находятся в состоянии колебания, в артикуляции глухих согласных они не участвуют. В большинстве артикуляционных классификаций приводится акустический признак – степень участия шума при образовании согласного. В соответствии с этим признаком все согласные делятся на шумные (образуемые либо при помощи шума, либо – голоса и шума) и сонорные (< лат. *sonorus* ‘звучный’), образуемые при помощи голоса и незначительного шума: *p, л, м, н, j*, что с акустической точки зрения приближает их к гласным.

В зависимости от места образования согласного, т.е. от того, какой активный орган образует преграду, а также от того, где возникает эта шумообразующая преграда, все согласные делятся на губные, язычные, увулярные, фарингальные и ларингальные.

Губные согласные – это звуки, в которых шумообразующая преграда обеспечивается либо губами (губно-губные согласные, рус. *п, б, м*), либо губами и зубами (губно-зубные согласные, рус. *в, ф*).

В язычных согласных активным действующим органом, создающим шумообразующую преграду, является язык, артикулирующий к верхним зубам, альвеолам (бугоркам у корней верхних зубов), разным частям неба. В зависимости от того, какая часть спинки языка создает преграду, различают переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные согласные.

В *переднеязычных* согласных работает передняя часть и кончик языка. Они подразделяются на *апикальные* согласные (< лат. *apex* ‘верхушка’), в которых активным органом является кончик языка, приподнимающийся к верхним зубам и альвеолам (англ. *t, d*); *дорсальные* (< лат. *dorsum* ‘спина’), в которых передняя часть спинки языка приближается к верхним зубам (рус. *т, д*); *какуминальные* (< лат. *casumen* ‘острый конец, вершина’), в которых происходит подъем всего края передней части спинки языка (слн. *dž*); *ретрофлексные*, в которых активным органом является кончик языка, загнутый вверх и назад (рус. *р*).

В *среднеязычных* согласных шумообразующая преграда создается сближением средней части спинки языка твердым небом (рус. *ж*).

При артикуляции *заднеязычных* согласных преграда образуется за счет сближения задней части спинки языка с мягким небом (рус. *к, г, х*).

Увулярные согласные (< лат. *uvula* ‘язычок’) – это согласные, при образовании которых преграда создается за счет сближения маленького язычка и мягкого неба с задней частью языка (ср. нем. [x] в слове *Buch* или парижское произношение звука [r]).

Фарингальные, т.е. глоточные согласные (< греч. *pharynx* ‘зев’) – это согласные, в которых шумообразующая преграда создается путем сужения глотки (ср. укр., слц., чеш. [h], укр. *нога*; слц. *hora*; чеш. *hlava*).

Ларингальные или гортанные согласные (< греч. *larynx* ‘гортань’) – это согласные, в которых шумообразующая преграда создается вследствие сближения голосовых связок (чеш. диал. *ʔoko*, араб. *ahl* ‘семья’, иврит. *mahir* ‘искусный’).

В зависимости от способа образования согласного, т.е. от того, каков характер преграды, преодолеваемой воздухом, и способ ее преодоления, все согласные подразделяются на смычные, щелевые и дрожащие.

При образовании смычных согласных проход воздушной струи по речевому тракту преграждает смычка, которую образуют губы, язык и небо, язык и зубы. В зависимости от того, как раскрывается смычка, смычные согласные подразделяются на *взрывные*, в которых смычка раскрывается мгновенно (рус. *п, б, т, д, к, г*); *аффрикаты* (< лат. *affricata* ‘притертая’), в которых смычка раскрывается медленно, постепенно, при этом после смычки следует щелевая фаза, так как артикулирующие органы не раскрываются полностью и между ними сохраняется сужение (рус. *ч, ц*); *носовые*, в которых смычка образуется полным замыканием ротовой полости и одновременным опусканием небной занавески, вследствие чего воздух свободно протекает в носовую полость (рус. *н, м*).

Некоторые ученые среди смычных выделяют также *имплозивные* (или сомкнутые) согласные, которые имеют только фазу смычки и не заканчиваются взрывом (ср. рус. *а[бб]ат, о[мм]уда*).

Щелевые согласные – это согласные, при артикуляции которых язык образует затор, оставляя для выхода воздуха щель (рус. *с, з, ш, ж, ф, в, х, л, й*). В зависимости от того, где образуется щель – в срединной части языка или сбоку (между боковой частью языка и зубами) – различают *срединные* согласные (рус. *с, з, ш, ж, ф, в, х, й*) и *боковые* (рус. *л*).

При образовании дрожащих согласных происходит вибрация кончика языка, смыкание и размыкание его с альвеолами (рус. *р*). По этому признаку дрожащие согласные рассматриваются иногда в классе смычных согласных.

В зависимости от положения мягкого неба (или точнее, небной занавески) при произношении согласных различают ртовые и носовые согласные. Ртовые согласные – это согласные, при артикуляции которых мягкое небо поднято и закрывает проход воздуха в полость носа (все русские согласные, кроме *м, н*); в носовых согласных мягкое небо опущено и открывает проход воздуха в полость носа (рус. *м, н*).

В зависимости от того, происходит ли наложение дополнительной (йотовой) артикуляции на основную, все согласные подразделяются на мягкие (или палатальные < лат. *palatum* ‘небо’) и твердые. Мягкие согласные – это согласные, при образовании которых происходит дополнительный подъем средней части спинки языка к твердому небу и продвижение всей массы языка вперед (ср.

рус. мягкие согласные *б', в', д', т'* и др.); твердые согласные произносятся без этой дополнительной артикуляции, хотя последние исследования в области фонетики показали, что при произнесении твердых согласных наблюдается приподнятие задней части языка по направлению к мягкому небу, т.е. веляризация < лат. *velum* 'завеса' (ср. произношение русского веляризованного согласного [л] и невеляризованного, т.н. европейского [l]).

Учитываются и другие артикуляционные признаки согласных, в частности, участие пассивного органа в образовании преграды (зубов, альвеол, различных частей неба). Так, например, язычные (по активному действующему органу) согласные по пассивному органу, т.е. по тому органу, с которым происходит смычка языка, могут быть охарактеризованы как дентальные (или зубные, рус. *т, д, с, з, л, н, ц*), альвеолярные (или надзубные англ. *l, d*), передне-небные (рус. *ш, ж, ч, р*), средне-небные (рус. *й*), задне-небные (рус. *к, г, х*).

Кроме артикуляционной, существует акустическая классификация согласных, в которой учитывается прежде всего сила шумовых составляющих. В соответствии с этим критерием, как уже указывалось, согласные подразделяются на шумные и сонанты. При артикуляции сонантов наблюдается преобладание голоса над шумовыми составляющими, что с акустической точки зрения приближает их к гласным, при образовании шумных согласных преобладающим является шум.

Важнейшим акустическим признаком согласных является характер нарастания шума в начале их звучания (именно по этому признаку различаются взрывные и щелевые согласные), а также характер его спада в конце звучания: по этому признаку выделяют глоттализованные (или смычно-гортанные согласные), при образовании которых происходит гортанная смычка в конечной фазе артикуляции (слн. [ʔ]) и неглоттализованные. Существуют и другие акустические признаки, используемые в акустической классификации согласных.

Стремление описать все многообразие звуков человеческой речи на единых классификационных основаниях способствовало разработке новых универсальных классификаций, построенных по дихотомическому (< греч. *dicha* 'на две части' и *tomē* 'сечение') принципу. Первая такая классификация была предложена американскими учеными Р.О. Якобсоном, М. Халле, Г. Фантом. Выделив 12 пар различительных признаков (среди которых были, например, такие, как: *гласный/негласный, согласный/несогласный, компакт-*

ный/диффузный, т.е. учитывается степень концентрации произносительной энергии, *напряженный/ненапряженный*, т.е. степень напряжения мускулатуры речевых органов, *прерванный/непрерванный*, т.е. учитывается наличие и характер преграды при прохождении воздушной струи, *носовой/ртовый, звонкий/глухой* и др.), они попытались описать звуки, представленные во всех языках мира. Позднее эта классификация была упрощена американскими учеными Н. Хомским и М. Халле, предложившими учитывать три основных признака при описании звуков речи: *сонорный/несонорный, вокальный/невокальный, консонантный/неконсонантный*, которые, однако, при необходимости можно расширить за счет введения дополнительных (таких, например, как способ артикуляции, место образования звука, источник голоса или шума и др.). Эти классификации свидетельствуют о том, что возможности описания звуков речи во всем их многообразии еще далеко не исчерпаны. Работа над созданием универсальных классификаций продолжается и в настоящее время.

СЛОГ КАК АРТИКУЛЯЦИОННО-АКУСТИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

Слог как артикуляционно-акустическая единица речи относится к числу сложнейших фонетических явлений. Единой теории слога в лингвистике пока нет, каждая из имеющихся теорий акцентирует внимание на одних сторонах слога, оставляя без объяснения другие. Существуют разные определения слога. Основное различие между ними связано с тем, какие признаки (артикуляционные или акустические) берутся за точку отсчета.

С артикуляционной точки зрения слог – это минимальная единица речевого потока (Л.В. Бондарко) или минимальная артикуляционная единица речи (Ю.С. Маслов). Иногда эти определения уточняют, расширяя их указанием на организацию дыхания в процессе речи: «Слог – это минимальная единица речи, произносимая одним выдохательным толчком или одним импульсом мускульного напряжения» (Л.В. Щерба). Это так называемая экспираторная теория слога. Однако данные экспериментальной фонетики свидетельствуют о том, что число дыхательных толчков и число слогов не совпадают.

Существует и другая теория слога – сонорная, основанная на акустических критериях. При акустическом подходе слог определяют как волну нарастания и ослабления звучности. «Слог – это отре-

зок речи, ограниченный звуками с наименьшей звучностью, между которыми находится слоговой звук, звук с наибольшей звучностью» (Р.И. Аванесов). Этот наиболее звучный звук является слогообразующим, вокруг него группируются неслогообразующие звуки.

Существуют и другие, менее распространенные теории слога, например, динамическая, согласно которой слог – это волна силы, интенсивности звука. Самый интенсивный звук слога – слоговой, менее сильные звуки – неслоговые (Л.Л. Касаткин).

В русском языке (как и во многих других языках) слогообразующим является гласный. Именно гласный образует вершину слога, составляя его ядро, на периферии же располагаются согласные. Однако существуют языки (например, сербский, хорватский, македонский, чешский), в которых в роли слогообразующего могут выступать и согласные, но только сонорные (ср. сх. *врх* ‘верх’, мак. *врба* ‘верба’, чеш. *vlk* ‘волк’). В русском языке в потоке речи сонорные также могут иногда приобретать слоговость, однако только в позиции конца или начала слова при беглом произношении (ср. *смотр*, *театр*, *рдеть*, *рты*).

Слоги могут иметь разную структуру: если элементы слога обозначить латинскими буквами С – *consonans* ‘согласный’, V – *vocalis* ‘гласный’, то структуру слога можно представить следующим образом: CV (*мо-ло-ко*), CVV (*лау-ра*), V (*у-жас*), CVC (*о-вес*), VC (*ар-ка*), CVVC (нем. *Maus* ‘мышь’), CCVVV (вьетнам. *ngoài* ‘снаружи’): в двух последних случаях один гласный, а именно [a], составляет ядро, а другие периферию и т.д.

В зависимости от того, на какой элемент заканчивается слог, различают открытые и закрытые слоги. Открытые слоги оканчиваются слоговым звуком (*ма-ма*), закрытые – неслоговым (*у-тес*). Учитывается не только качество звука, закрывающего слог, но и звука, с которого начинается слог. В зависимости от этого слоги подразделяются на прикрытые (начинающиеся с неслогового звука: *бар-кас*) и неприкрытые (начинающиеся со слогового звука: *у-сы*). В большинстве языков мира преобладают открытые слоги, хотя в рамках этих слогов существуют различия в сочетаемости входящих в них согласных (ср. возможную для русского языка в начальном открытом слоге сочетаемость четырех согласных типа *встре-ча* и невозможность подобных сочетаний во французском языке), есть языки (например, полинезийские), которые допускают только открытые слоги (ср., например, названия островов Тихого океана: *Са-мо-а*, *Ра-па-ну-и*), однако для германских языков более типичны закрытые слоги (тип CVC).

В истории русского языка существовали разные тенденции в построении слога. В древний период (X–XII вв.) преобладала тенденция к открытому слогу, которая имела силу закона, о чем свидетельствуют древнерусские памятники, где встречаются написания типа *къто*, *съна* и др., в которых первый слог заканчивает редуцированный гласный звук «ер». Однако со временем (после процесса «падения редуцированных») эта тенденция стала носить менее выраженный характер, так как появились и закрытые слоги (др.-рус. *съ-нъ* > *сон*).

Конец одного слога и начало другого образует слогораздел, являющийся границей слога. На границе слога происходит, как правило, уменьшение звучности, что связано со строением слога. В современной фонетической литературе существует несколько теорий слогораздела. Согласно теории, разработанной Р.И. Аванесовым, каждый слог в русском языке строится по закону восходящей звучности, т.е. звуки располагаются в слоге от наименее звучного к наиболее звучному, поэтому слогораздел проходит всегда на месте спада звучности (в слове, имеющем слоговую структуру CVCV, слогораздел пройдет между гласным и последующим согласным CV-CV: *во-да*). Исходя из того, что наиболее звучными являются гласные, а из согласных – сонорные, Р.И. Аванесов предложил следующие правила слогораздела:

- 1) сочетание шумных согласных между гласными (модель VCCV) отходит к последующему слогу, т.е. V-CCV: *ко-стюм*;
- 2) сочетание шумного и сонорного согласного между гласными (модель VCCV) отходит к последующему слогу, т.е. V-CCV: *до-бро*;
- 3) сочетание сонорных между гласными (модель VCCV) отходит к последующему слогу, т.е. V-CCV: *ко-рма*;
- 4) сочетание сонорного и шумного между гласными (модель VCCV) имеет слогораздел внутри слога, т.е. VC-CV: *нар-ма*, поскольку сонорный обладает большей звучностью, чем шумный. При таком слогоразделе следующий слог строится в соответствии с законом восходящей звучности.
- 5) сочетание j с любым согласным между гласными (модель VCCV) имеет слогораздел внутри слога, т.е. VC-CV: *лей-ка*.

Однако эти правила слогораздела распространяются только на неначальные слоги, в начальных слогах закон восходящей звучности нарушается (ср. *рта*, *льды*, где имеются два «пика звучности» – на начальном сонорном и на гласном), иногда он может нарушаться и в неначальных слогах (ср. *ло-жка*, где щелевой согласный [ш] более звучный, чем смычный [к]). В связи с этим появилась другая

теория, согласно которой слогораздел всегда проходит после гласных (Л.В. Бондарко).

Существует, однако, еще одна теория, сформулированная Л.В. Щербой, в соответствии с которой граница слогораздела в русском языке тесно связана с ударностью слога:

1) если ударным является первый слог, то следующий за ним согласный является сильным и примыкает к ударному гласному, образуя закрытый слог: *шап-ка*;

2) если ударным является второй слог, то оба согласных в модели VCCV отходят к ударному слогу в связи с действующей в русском языке тенденцией к открытому слогу: *до-стать*;

3) в сочетании сонорного и шумного согласных между гласными принцип ударности не действует, так как слогораздел проходит внутри слога, т.е. VC-CV: *сол-дат*.

Однако данные экспериментальной фонетики не подтвердили зависимости места слогораздела от локализации ударения, хотя признак ударности слога для слогораздела является значимым.

Законы слогораздела в языках мира неодинаковы (во французском языке, например, в отличие от русского, слогораздел, как правило, проходит между согласными, ср. *tek-nik*), они могут различаться в диалектах даже одного языка (ср., например, севернорусское и южнорусское слоговое деление слова *картошка*: сев.-рус. *кар-тош-ка*, юж.-рус. *ка-рто-шка*).

В разных языках соотношение между членением слова на слоги и его морфемным членением складывается по-разному: в русском, например, связь между слоговым и морфемным членением отсутствует (ср. различие в слоговом и морфемном членении слова *сбежали*: слоговое членение *сбе-жа-ли*, морфемное *с-беж-а-л-и*). Об отсутствии влияния морфологической границы на слогораздел свидетельствует и тот факт, что согласный в абсолютном конце слова произносится в одном слоге с гласным, начинающим следующее слово, ср. [*но-чу-жа-са*]. Однако в китайском и вьетнамском языках (являющихся языками слогового строя) эта связь прослеживается: слог почти всегда выступает в качестве представителя морфемы, и границы слогов не могут перемещаться, ср. вьетн. *bat* 'чашка' и *bat biêc* 'чашечка'.

Наша речь представляет собой поток звуков, и при членении этого речевого потока, кроме звука и слога, выделяются фонетическое слово, фонетическая синтагма (или речевой такт) и фраза, хотя выделение их происходит на разных основаниях – собственно фонетических, функциональных, смысловых и интонационных.

Фонетическое слово – это отрезок речевой цепи, объединенный одним ударением. В русском языке это чаще всего сочетание знаменательного слова с примыкающим к нему служебным (ср. *сон ли, на гору, чтобы прочитать*), однако есть языки, где в этот отрезок могут входить три и более знаменательных слова (ср. франц. *Elle est heureuse* [ɛ-lɛ-tœ-ʁøːz] 'она счастлива').

Фонетическая синтагма – это отрезок речевой цепи, объединенный интонационно-смысловым единством входящих в него знаменательных слов, образующих одну ритмомелодическую группу (ср. *Завтра вечером | туристская группа | в полном составе | возвращается на базу*). В семантическом плане синтагма представляет собой отрезок осмысленно расчлененной речи, в противном случае речь теряет свою информативность (ср. нарушение смысла высказывания при ином его членении на синтагмы: *Завтра | вечером туристская | группа в полном | составе возвращается на | базу*).

Фраза – это отрезок речевой цепи, заключенный между двумя паузами, обладающий интонационно-смысловой законченностью, имеющий определенную интонационную структуру и характеризующийся синтаксической связанностью. Фраза как фонетическая единица может состоять из одного или нескольких предложений (ср. фразу, которая представлена тремя предложениями: *Вот вы сели, лошади тронулись, колокольчик зазвенел*).

ПАЗАРИТИЧЕСКИЕ ЗВУКИ

С особенностями слоговой структуры слова связано и появление неорганических или паразитических звуков.

Паразитические звуки – это дополнительные, отсутствующие в первоначальной форме слова звуки, возникшие под влиянием определенных фонетических или морфологических условий, ср. рус. просторечное: *радиво, страм* и др. Паразитическими могут быть как согласные, так и гласные. Паразитические согласные появляются, как правило, на границе двух гласных (реже согласных), принадлежащих разным слогам (ср. *ка-ка-о* > просторечное *ка-ка-во*). Возникновение этого дополнительного звука связано со стремлением говорящего устранить стечение гласных (или зияние). Оно наблюдается чаще всего при освоении заимствованной лексики (ср. греч. *Ioan* – рус. *Иван*). Иногда зияние может устраняться путем стяжения двух гласных звуков в один слог (ср. севернорусскую диалектную форму *быват* < *бывает*) или «выталкивания» од-

ного из двух гласных (явление элизии), ср. франц. l'entrée < la entrée. Паразитические согласные могут, однако, появляться и в начале, на границе двух слов перед начальным гласным, (ср. рус. *восемь* и др.-рус. *осьмь*, рус. *острый* и просторечное *вострый*), так как наличие в слове начальных гласных вызывает в потоке речи зияние. Наиболее распространенными паразитическими согласными являются *в, j, г* (ср. рус. *яблоня* и лат. *abella*, рус. *вотчина* и др.-рус. *отьчина*, рус. *ухо* и блр. *вуха*, рус. *острый* и укр. *гострий*).

Паразитические гласные появляются, как правило, при стечении согласных (особенно шумных и сонантов) как реализация потребности упростить эту труднопроизносимую группу, разбив ее на два слога (ср. рус. *рубль* и просторечное *рубель*), однако так же, как и согласные, они могут появляться и в начале слова (ср. рус. диал. *аржаной*, укр. *іржати* и др.), особенно в языках, не допускающих стечения согласных в начале слова (ср. араб. *Istanbul*: 'Стамбул', венг. *iskola* 'школа').

Появление дополнительного звука, отсутствующего в первоначальной форме, в середине слова называется *эпентезой* (< греч. *epenthesis* 'вставка'), ср. рус. просторечное *ндрав*; в абсолютном начале слова – *протезой* (< греч. *prothesis* 'постановка впереди'), ср. рус. *ягненок* – др.-рус. *агньць*; в абсолютном конце слова – *эпитезой* (др.-рус. *пѣсьнь* – рус. *песня*).

УДАРЕНИЕ И ЕГО ВИДЫ

Ударение – это выделение слога в слове с помощью фонетических средств (силой голоса, долготой звучания, высотой тона и т.д.). В языках мира выделение ударного слога происходит по-разному:

1) силой голоса (при этом нередко происходит удлинение слога): это ударение называется силовым или динамическим (например, в чешском или в тюркских языках);

2) высотой тона (ударный слог выделяется интонационно, например, повышением основного тона): это ударение называется тоновым или музыкальным (например, в китайском языке); музыкальное ударение может быть даже политоническим, так как ударный слог может иметь разные интонации, например, восходящую или нисходящую (ср. литов. *aušti* 'светать' и *áušti* 'мерзнуть');

3) долготой произношения (ударный слог удлиняется, но не усиливается): это ударение называется долготным или количественным (например, в новогреческом, индонезийском, яванском языках).

Исследования в области сравнительно-исторического языкознания позволили высказать предположение, что ударение развилось из тона, на основе которого сначала сформировалось тоновое ударение, а затем динамическое.

В русском языке, согласно традиционной точке зрения, все три типа ударения соединяются вместе, так как ударный слог и самый сильный, и самый долгий, и на нем происходит движение тона (его повышение или понижение). Однако последние данные экспериментальной фонетики не подтверждают этой точки зрения, так как сила ударного слога зависит от нескольких факторов: 1) от качества гласного, находящегося под ударением (в русском языке, например, самым сильным или громким по звучанию является гласный *а*, а самым слабым или тихим – *ы*); 2) от положения гласного в слове: чем ближе к началу слова находится гласный, тем больше его громкость, например, в слове *о-ста-но-ви-ли* первые гласные будут значительно громче ударного *и*, так как оба они являются открытыми и находятся в начале слова. Поэтому русское ударение ближе скорее к количественному (или долготному).

В мире, однако, существуют языки (в частности, палеоазиатские), в которых ударение вообще не отмечено.

Кроме фонетических типов ударения, различаются структурные типы. В зависимости от расположения ударения в слоговой структуре слова выделяют ударение свободное и связанное. Свободное ударение – это нефиксированное ударение, которое может падать на любой слог слова (в русском языке, например, оно может быть на последнем слоге: *молоко*, на предпоследнем: *ворона*, на третьем от конца: *овощи* и т.д.). Связанное ударение – это фиксированное ударение, привязанное к определенному слогу в слове (во французском языке, например, оно находится на последнем слоге, в польском – на предпоследнем, в чешском – на первом, в лезгинском – на втором).

По отношению к морфологической структуре слова ударение может быть подвижным и неподвижным. Подвижное ударение – это ударение, которое способно перемещаться в разных словоформах одного и того же слова, оно не привязано к одной морфеме, ср., например, ударение в слове *вода*: ед.ч. им.п. *вода*, вин.п. *воду*, мн.ч. им.п. *воды* и т.д. Неподвижное ударение – это постоянное ударение, привязанное к одной и той же морфеме разных словоформ слова, ср. ед.ч. им.п. *книга*, вин.п. *книгу*, мн.ч. им.п. *книги* и т.д.; в английском языке, например, ударение неподвижное: место ударения в слове не меняется, какие бы аффиксы не добавлялись к основе.

Слово обычно имеет одно ударение, однако иногда (как правило, в сложных словах) возникает второе или так называемое побочное ударение (например, *четырёхэта́жный, пединсти́тут*).

В некоторых языках (в частности, в русском, английском) словесное ударение имеет еще одно важное фонетическое свойство: оно обладает способностью вызывать редукцию (т.е. ослабление) гласных в безударных слогах, в связи с чем их звуковые характеристики меняются. В ударных слогах поэтому употребляется значительно больше гласных, чем в безударных (ср., например, ситуацию в русском языке с гласными *a* и *o*: если под ударением они различаются, то в безударных слогах не различаются, совпадая после твердых согласных то в звуке [ʌ], то в звуке [ɔ]). Это явление хорошо представлено также в немецком и датском языках, где безударные гласные сильно редуцируются, тогда как в испанском – редукция очень слабая, а во многих языках она вообще не наблюдается (ср., например, в итальянском или грузинском языках).

В языках, обладающих ударением, каждое знаменательное слово имеет свое ударение. Служебные слова (предлоги, союзы, частицы, артикли и т.д.) лишены ударения. Эти безударные служебные слова называются клитиками, среди которых различаются проклитики и энклитики. Проклитики (< греч. *proklino* 'наклоняю вперед') – это безударные служебные слова, примыкающие к ударным спереди (ср. рус. *по долам, по горам*). Энклитики (< греч. *enklino* 'склоняюсь') – это безударные служебные слова, примыкающие к ударным сзади (ср. рус. *сходил бы, что же*). Однако иногда в потоке речи эти служебные слова (обычно проклитики) могут «перетягивать» ударение на себя (ср. рус. *по воду, на слово, но по ягоды*).

Основной функцией словесного ударения является функция фонетического объединения слова, обеспечение цельности и отдельности слова путем выделения его интонационного центра. Кроме того, выделяют также словоразличительную функцию, когда ударение служит для различения слов или форм слова (ср. рус. *замок – замок, им.п.мн.ч. страны – род.п.ед.ч. страны*) или экспрессивную, когда с помощью ударения (в частности, растягивания ударного гласного) создается эмоционально-экспрессивная окраска слова (ср. рус. *какой краси-и-вый*). В языках со связанным ударением оно выполняет разграничительную функцию, отмечая границы слов.

Наряду со словесным ударением, в лингвистике выделяется синтагматическое и фразовое ударение, функция которых заключается

в объединении нескольких слов в синтагму или нескольких синтагм во фразу.

Синтагматическое ударение – это более сильное выделение ударного слога последнего слова в синтагме (ср. рус. *погода ужасная*). Иногда в целях усиления смысловой нагрузки слова (например, при противопоставлении) синтагматическое ударение переносится с последнего слова в синтагме на любое другое, что ведет к появлению так называемого логического ударения (ср. рус. *я сегодня поеду к бабушке*).

Фразовое ударение – это интенсивное выделение ударного слога последнего слова в конечной синтагме или в наиболее важной по смыслу синтагме (ср. рус. *Вчера вечером* (1 синтагма), *когда часы пробили десять* (2 синтагма), *приехал брат* (3 синтагма)).

ИНТОНАЦИЯ И ЕЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Интонация – это совокупность ритмико-мелодических компонентов речи: мелодики (т.е. движения основного тона), интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения (указывающего на общую эмоциональную окрашенность речи). Интонация – одно из важнейших средств оформления высказывания, выявления его смысла. С помощью интонации, непрерывного тонового движения происходит членение речевого потока на смысловые отрезки с дальнейшей детализацией их смысловых отношений. Поэтому интонацию часто определяют как ритмико-мелодическую сторону речи, являющуюся средством выражения синтаксических значений и эмоционально-экспрессивной окраски высказывания. Интонация включает в себя целый комплекс элементов, среди которых:

1) мелодика речи: основной компонент интонации, она осуществляется повышением и понижением голоса во фразе (ср., например, произношение вопросительных и повествовательных предложений), именно мелодика речи организует фразу, расчленяя ее на синтагмы и ритмические группы, связывая ее части;

2) ритм речи: т.е. регулярное повторение ударных и безударных, долгих и кратких слогов. Ритм речи служит основой эстетической организации художественного текста – стихотворного и прозаического. Основная единица ритма речи – ритмическая группа, состоящая из ударного и примыкающего к нему безударного слогов;

3) интенсивность речи, т.е. степень ее громкости, сила или слабость произнесения высказывания (ср. разную интенсивность речи на митинге и в комнате);

4) темп речи, т.е. скорость произнесения ее элементов (звуков, слогов, слов), скорость ее протекания, длительность звучания во времени (например, к концу высказывания темп речи замедляется, отрезки, содержащие второстепенную информацию, произносятся быстрее, чем информативно-значимые отрезки, которые произносятся в замедленном темпе);

5) тембр речи, т.е. звуковая окраска речи, передающая ее эмоционально-экспрессивные оттенки (например, интонация недоверия, игривая интонация и т.д.).

Интонация является существенным признаком предложения. В высказывании она выполняет следующие функции: 1) оформляет высказывание в единое целое (ср. интонацию законченности и незаконченности предложения); 2) различает типы высказываний с точки зрения их целенаправленности (ср. интонацию побуждения, вопроса, повествования и т.д.); 3) передает синтаксические отношения между частями предложения или предложениями (ср. интонацию перечисления, вводности, пояснения, сопоставления и т.д.); 4) выражает эмоциональную окраску (ср. восклицательную интонацию); 5) вскрывает подтекст высказывания; 6) характеризует говорящего и ситуацию общения в целом. В рамках текстов, принадлежащих разным стилям языка или литературным жанрам, интонация выполняет эмоционально-эстетическую и изобразительную функции (ср., например, разную интонационную окраску речи добрых и злых персонажей сказок).

Изучение интонаций отдельных языков свидетельствует о том, что многие языки в интонационном отношении различаются, например, интонация в литовском языке имеет восходящий характер; в русском языке она может быть нескольких типов: нисходящей, восходящей, нисходяще-восходящей, восходяще-нисходящей.

Интонация является признаком не только предложения, но и слога, особенно в индоевропейских и праславянском языках. В индоевропейских языках, в частности, восстанавливаются два типа интонаций слога – восходящая (акут) и нисходящая (циркумфлекс). Эти интонации и сегодня существуют в некоторых языках (например, в словенском, сербском, хорватском). Следы их сохранились и в русском языке в полногласных сочетаниях *-оро-*, *-оло-*, *-ере-* (ср., например, восходящую интонацию в слове *ворона* и нисходящую в слове *ворон*).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗВУКОВ В РЕЧЕВОМ ПОТОКЕ

В потоке речи артикуляция звуков подвергается изменениям. Модификации звуков могут быть двух видов: 1) комбинаторными; 2) позиционными.

Комбинаторные изменения – это фонетические изменения, вызванные взаимодействием артикуляций звуков в потоке речи. Звуки при этом могут находиться как в непосредственном соседстве друг с другом (ср., например, изменение звуков в слове *отдых* [*од:ых*]), так и на определенном расстоянии друг от друга (ср., например, просторечное *колидор*).

Одна из причин комбинаторных изменений звуков – их артикуляционная связанность (особенно соседних звуков), в результате которой происходит влияние звуков друг на друга: рекурсия (окончание артикуляции) предшествующего звука взаимодействует с экскурсией (с началом артикуляции) последующего звука, что влечет за собой качественное изменение звука. Среди комбинаторных изменений выделяют аккомодацию, ассимиляцию и диссимиляцию.

Аккомодация (< лат. *accomodatio* ‘приспособление’) – это частичное изменение артикуляций смежных звуков – согласного и гласного (ср., например, аккомодацию гласных согласным в русском языке: артикуляция гласных переднего ряда *а, о, у* после мягких согласных продвинута вперед в экскурсии: [*нос*] и [*н’ос*], [*рад*] и [*р’ад*], [*лук*] и [*л’ук*]); или аккомодацию согласных гласным переднего ряда, в результате которой происходит смягчение согласных: *в[ер]’х, ц[ер]’ковь*; или в английском языке, где губной согласный [*w*] способствует огублению последующего гласного [*a*] в словах *what* ‘что’, *was* ‘был’). Аккомодация, таким образом, чаще наблюдается между звуками разных типов, т.е. гласными и согласными.

Ассимиляция (< лат. *assimilatio* ‘уподобление’) – это артикуляционное уподобление (полное или частичное) звуков друг другу в пределах слова или словосочетания. В отличие от аккомодации, ассимиляция происходит между звуками одного типа – гласными (вокалическая ассимиляция) или согласными (консонантная ассимиляция). В зависимости от того, по какому признаку происходит уподобление звуков, различают ассимиляцию по мягкости/твёрдости (ср. *косточка*, но *ко[с’т’и]*), по глухости/звонкости (ср. *книжечка*, но *кни[шк]а*), по месту образования (ср. *высокий*, но *вы[ш:]ий*), по способу образования (ср. *обман*, но рус. диал. *о[ш:]ан*) и т.д.

На основе ассимиляции часто возникает явление диэрезы (< греч. *diairesis* 'деление, раздел') – выпадение согласных (ср. произношение слов *со[н]и[е]*, *чес[сн]ый*, *пра[зн]ик* и т.д.).

Разновидностью ассимиляции является сингармонизм (< греч. *syn* 'вместе' и *harmonia* 'созвучие'). Сущность этого явления в единообразном вокалическом (а иногда и консонантном) оформлении слова. Сингармонизм широко представлен в тюркских и в ряде финно-угорских языков. Звуки зависимых компонентов слова (аффиксов) уподобляются звукам независимых компонентов (корней): в турецком языке, например, употребление вариативного суффикса *-lar/-ler* предопределяется законом сингармонизма: если в корне имеется гласный переднего ряда, то используется суф. *-lar*, например, *odalar* 'комнаты', если же в корне гласный заднего ряда – то суф. *-ler*, например, *evler* 'дома'. Сингармонизм чаще всего представлен гармонией гласных (в частности, ассимиляцией гласных по ряду или лабиализации), однако в некоторых индейских языках Северной Америки он может выражаться и в гармонии согласных.

Диссимиляция (< лат. *dissimilatio* 'расподобление') – это артикуляционное расподобление звуков в пределах слова, вследствие чего происходит утрата их общих фонетических признаков, ср. например, рус. лит. *бомба* и просторечное *бо[нб]а*, в котором утрачивается общий для [м] и [б] признак (губно-губное образование) или контактную диссимиляцию двух смычных согласных в словах *легко* и *мягко*, где произносится звук [х]. Диссимиляция, как и ассимиляция, наблюдается между звуками одного типа – гласными (вокалическая диссимиляция) или согласными (консонантная), ср. рус. просторечное *пролубь*.

Одним из видов комбинаторных изменений, связанных с диссимиляцией, является гаплогия (< греч. *haplos* 'простой' и *logos* 'слово') – упрощение слоговой структуры слова за счет утраты одного из двух следующих непосредственно друг за другом одинаковых слогов (ср. *минералогия* вместо *минералологизма*). На диссимилятивной основе возникает часто и явление метатезы (< греч. *metathesis* 'перестановка') – перестановки в слове звуков или слогов (ср. рус. *Фрол* < лат. *Floris*, рус. *мрамор* < лат. *marmor*).

И ассимиляция, и диссимиляция имеют в своей основе одну и ту же тенденцию к гармонии звуков в пределах слова. В зависимости от направления влияния звуков друг на друга комбинаторные изменения могут быть прогрессивными и регрессивными. Прогрессивные комбинаторные изменения звуков направлены вперед от

начала слова (т.е. от предшествующего элемента к последующему), они связаны с влиянием артикуляции предшествующего звука на произнесение последующего (ср. прогрессивную ассимиляцию по мягкости в рус. диал. *Ванька* > *Ва[н'к']а*). Регрессивные комбинаторные изменения звуков направлены назад, к началу слова (т.е. от последующего элемента к предшествующему), они связаны с влиянием артикуляции последующего звука на произнесение предыдущего (ср. регрессивную ассимиляцию в слове *шить* [*ш.ыт*]).

В зависимости от расстояния между взаимодействующими звуками различают контактные и дистактные комбинаторные изменения. Контактные изменения связаны с взаимодействием соседних звуков (ср. контактную ассимиляцию по глухости в слове *сказка*: *ска[ск]а*). Дистактные изменения наблюдаются в звуках, находящихся на определенном расстоянии друг от друга (ср. прогрессивную дистактную диссимиляцию в слове *прорубь*: просторечное *про[л]убь*).

Позиционные изменения – это изменения звуков, обусловленные их позицией в слове, вызванные наличием особых фонетических условий (например, позицией в конце слова или в безударном слоге). Позиционным изменениям подвержены как гласные, так и согласные. Ярким примером позиционных изменений звуков является редукция. Редукция (< лат. *reductio* 'уменьшение, сокращение') – это изменение звуковых характеристик гласных или согласных (связанное с сокращением их длительности или ослаблением напряженности), вызванное их фонетической позицией в слове. Редукции подвергаются в основном гласные, однако встречается и редукция согласных (особенно в позиции конца слова). Редукция может быть количественной и качественной.

Количественная редукция – это редукция, связанная с сокращением времени артикуляции звука, т.е. с сокращением его длительности (ср., например, количественную редукцию гласных верхнего подъема *и*, *у*, *ы* в словах: *рук* – *рука* – *рукавица*, *лист* – *листок* – *листовой*, *тыл* – *в тылу* – *тыловой*: во втором предударном слоге они значительно короче и слабее, чем в первом или под ударением). Степень сокращения длительности гласного зависит прежде всего от его положения по отношению к ударению. Эту особенность количественной редукции А.А. Потемня передал числовой формулой 12311, где цифрами оценивается сила ударных и безударных слогов, степень полноты гласного: гласному в ударном слоге соответствует цифра 3, первому предударному – 2, второму предударному и заударному слогам – 1. Степень сокращения

длительности гласного зависит также от его качества (гласный *a*, например, имеющий по шкале длительности гласных максимальную длительность в позиции под ударением, находясь в безударном положении, сокращается не столь значительно, как другие гласные). Количественная редукция нередко приводит к качественной.

Качественная редукция — это редукция, связанная с изменением характера артикуляции звука в связи с сокращением его длительности (например, сокращение времени артикуляции гласного *a*, находящегося во втором предударном слоге, ведет к тому, что язык не достигает максимально низкого положения, как это наблюдается при произнесении ударного *a*, вследствие чего безударный гласный *a* в русском языке произносится как гласный среднего подъема [ъ], ср. произношение слова *паровоз*: [пърлвос]).

Иногда редукция может привести к полному исчезновению гласного в безударном слоге (ср. произношение слов *провод[о]ка* или *сумол[о]ка*). Это выпадение звука или группы звуков внутри слова называется *синкопа* (< греч. *synkopē* 'сокращение') а в конце слова — *апокóпа* (< греч. *apokopē* 'усечение'), ср. *чтоб[ы]*, *Пем[я]*.

Редукция может затрагивать и согласные, особенно если они находятся в позиции конца слова (ср. оглушение звонких согласных в позиции конца слова в русском языке: *сады*, но *са[т]*) или превращение *j* в неслоговое *j* в безударных слогах (ср. *воины*, но *воевать*).

Позиционные изменения звуков влекут за собой возникновение такого явления, как чередование. Чередование (или альтернатива) — это мена звуков в пределах одной и той же морфемы в разных словах или словоформах (ср. чередование звуков [с/з] в словах *мороз* — *морозный* или [к/ч] в словах *рука* — *ручка*). Чередования могут быть позиционными и непозиционными. Позиционные чередования — это чередования, обусловленные фонетической позицией, действующими в языке фонетическими законами. Они происходят под влиянием фонетических причин, а именно ударения (ср., например, чередование [о/а] в словах *воду* — *вода*), позиции в слове, в частности, конца слова (ср. чередование [б/н] в словах *дубы* — *дуб*). В русском языке эти чередования не знают исключений, они регулярны, лексически или грамматически не обусловлены, поэтому их называют фонетическими или актуальными чередованиями. Непозиционные чередования — это чередования, не обусловленные фонетической позицией звука в слове. Они являются отражением тех фонетических процессов, которые имели место в более ранние периоды истории языка. В русском языке эти чередования не регулярны, лексически и морфологически ограничены (ср. чере-

дование звуков [д/жд] в словах *водит* — *вождение*, но *ведет* — *ведение*). Поэтому их называют нефонетическими или историческими (традиционными) чередованиями. Существующие во многих славянских языках чередования заднеязычных согласных с шипящими или свистящими (ср. рус. [з/ж] *берегу* — *бережешь*; [к/ч] *пеку* — *печешь*; [х/ш] *ухо* — *уши*; [з/ж] *друга* — *друзья* — *дружба*; [к/ч/ч] *лик* — *лицо* — *личный* или сербские *друг* — *друже* — *друзи*, *јунак* — *јуначе* — *јунаци*, *сиромак* — *сиромаше* — *сиромаси* и т.д.) исторически связаны с фонетическими законами прошлых эпох развития языков. В современном языке такие чередования часто обусловлены грамматически (например, соседством определенных суффиксов, ср. в русском языке чередование [з/ж] в словах *нога* — *ноженька*).

От исторических чередований, возникших фонетическим путем в глубокой древности, отличаются чередования, появившиеся в результате заимствований или действия закона морфологической аналогии (ср., например, чередования полногласных и неполногласных сочетаний *-оро/-ра* в словах *ворота* — *привратник* или *-оло/-ла* в словах *голова* — *глава*, вызванные заимствованием слов с неполногласными корнями из старославянского языка).

ФОНЕМА КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

В каждом языке существует огромное разнообразие звуков. Но все многообразие звуков речи можно свести к небольшому числу единиц языка (фонем), участвующих в смысловой дифференциации слов или их форм (ср. различия в звуке [а] в одной и той же ударной позиции в окружении одних и тех же согласных: [а] *мат*, [ʼа] *м'ат*, [аʼ] *ма'т*, [ā] *м'ām*: все это многообразие звуков представляет одну фонему <а>). Различая оболочки слов (ср. *там* — *том*) или морфем (ср. *мок* — *мак*), фонемы указывают на различия в их значениях, но сами значения не имеют (и в этом отношении они противостоят морфемам и словам как значимым единицам языка). Фонема (< греч. *phōnēma* 'звук') — это единица звукового строя языка, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, служащая для опознавания и различения значимых единиц языка (слов, морфем). Поэтому фонему иногда определяют как ряд позиционно чередующихся звуков. «В живой речи, — пишет Л.В. Щерба, — произносится значительно больше, чем мы это обыкновенно думаем, количественно разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуко-

вых типов, способных дифференцировать слова и их формы. Эти звуковые типы... мы будем называть фонемами.¹ Из этого определения логически вытекает, что фонема – это единица языка, а звук – единица речи, о чем в свое время писал основоположник отечественной фонологии И.А. Бодуэн де Куртенэ, противопоставлявший фонетику как науку о звуках речи фонологии.

Оперирование понятием фонема позволяет упростить описание фонетических систем языков мира. Количество фонем в разных языках колеблется от 13 (в некоторых языках Австралии и Океании) до 78 в абхазском языке. В русском языке выделяется 5 гласных фонем (или 6 по Ленинградской или в соответствии с новым названием города Петербургской фонологической школе), а число согласных фонем колеблется от 32 до 37 в зависимости от фонологической позиции ученого.

Итак, если звук является единицей речи (ср., например, разное индивидуальное произношение звука [p], которое может колебаться в довольно широких пределах), то фонема – это единица языка, которая характеризуется высокой степенью абстрактности. Как и любая единица языка, она обладает присущими ей фонологическими признаками. Одни из них являются «пассивными» (или конститутивными) признаками, другие – «активными» (или дифференциальными), т.к. с их помощью одна фонема противопоставляется другой (например, в русском языке фонема <б> характеризуется следующим набором конститутивных признаков: 1) твердость; 2) звонкость; 3) взрывность; 4) огубленность; 5) отсутствие назальности; некоторые из этих признаков могут выступать в качестве дифференциальных, ср. твердость: *был* – *бил*; звонкость: *бар* – *пар*; огубленность: *бар* – *дар*; отсутствие назальности: *боль* – *ноль*). Признаки, которые лежат в основании фонемы и помогают выполнять ей свои функции, позволяют представить ее в виде пучка различных признаков, поэтому, чтобы определить фонему, необходимо знать набор ее дифференциальных признаков (для фонем <у> и <о> такими признаками являются верхний/средний подъем, по которому они и противопоставлены, а также лабиализованность, по которому они противопоставлены другим гласным фонемам русского языка).

В речи реализация фонем происходит через звуки. Но как определить, как выделить фонему? Чтобы определить фонему, надо найти такую позицию в слове, в которой различается больше всего

фонем (ср. *мал* – *мол* – *мул*: здесь под ударением в одном и том же фонетическом окружении различаются фонемы <a>, <o>, <y>). Позиция – это условие реализации фонемы в речи, ее положение в слове по отношению к ударению, другой фонеме, структуре слова в целом. В зависимости от того, «сохраняет» или «утрачивает» фонема свое «лицо», различают сильную и слабую позиции.

Сильная позиция – это позиция различения фонем, т.е. позиция, в которой различается наибольшее количество единиц. Фонема выступает здесь в своем основном облике, что позволяет ей наилучшим образом выполнять свои функции. Для гласных русского языка это позиция под ударением (в начале слова перед твердым согласным, в середине – между твердыми и в конце после твердых согласных, ср. *арка*, *барка*, *рука*). Для глухих/звонких согласных – позиция перед всеми гласными (ср. [т]ом – [д]ом, [п]ар – [б]ар), перед сонорными (ср. [п]леск – [б]леск, [п]раво – [б]раво, [п]ью – [б]ью) и в, если после него следует гласный или сонорный (ср. [т]ворец – [д]ворец, о[т]вратный – на[д]вратный). Для твердых/мягких согласных – позиция конца слова (ср. бра[т] – бра[т'], ко[н] – ко[н']), перед всеми гласными, кроме е (ср. [м]ал – [м']ал, [н]ос – [н']ос, [л]ук – [л']ук, [м]ыл – [м']ыл), для переднеязычных согласных – перед заднеязычными (ср. ба[н]ка – ба[н']ка, го[р]ка – го[р']ко) и губными (ср. и[з]ба – ре[з']ба, ко[р]м'е – тю[р'м']е), для зубных – перед твердыми зубными (ср. ко[н]ский – ию[н'с']кий), а для фонем <л – л'> – перед всеми согласными (ср. во[л]на – во[л']на, по[л]зять – по[л']за) и т.д.

Слабая позиция – это позиция неразличения фонем, т.е. позиция, в которой различается меньше, чем в сильной позиции, количество единиц, поскольку фонемы имеют ограниченные возможности для выполнения своей различительной функции (ср. [с]ма: какая фонема реализуется в звуке [ʌ] – <o> или <a>?). В этой позиции происходит совпадение двух или более фонем в одном звуке (либо в результате редукции, либо под воздействием соседних звуков), т.е. их фонологическое противопоставление нейтрализуется. Нейтрализация – это устранение различий между фонемами в определенных позиционных условиях (например, фонемы <з> и <с> различаются в позиции перед гласным в словах *kozy* и *косы*, но нейтрализуются на конце слова – *ко[с]*, совпадая в одном звуке). Эту фонему, появляющуюся в слабой позиции, некоторые ученые предлагают называть «архифонемой». Для гласных русского языка слабая позиция – это позиция без ударения (из пяти гласных фонем русского языка, различающихся под ударением, без ударения

¹ Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1963, с. 18.

представлены только три). Для глухих/звонких согласных – позиция конца слова, где они не различаются, совпадая в одном звуке (ср. *стог – сток* [сток]), позиция перед шумными: в этой позиции происходит ассимиляция по глухости/звонкости (ср. *просить*, но *проз[б]а*, *сказать*, но *ска[ск]а*), а также позиция перед *в*, если за ним следует шумный согласный (ср. *о[д]* *взгляда*). Для твердых/мягких согласных – позиция перед [e], в которой, как правило, исключается возможность употребления твердых согласных, парных по твердости/мягкости (хотя в последнее время благодаря заимствованным словам намечается тенденция противопоставления твердых/мягких согласных и перед [e], ср. *нас[т]ель* и *пос[т']ель*, *кашн[e]* и *в ок[н']е*), позиция перед [j] (ср. *воро[н]* и *воро[н']я*), зубных перед мягкими зубными (ср. *вме[ст]о* и *вме[с'т']е*), <н – н'> перед ч и щ (ср. *бараба[н]*, *бараба[н']чик* и *бараба[н']щик*), хотя в «младшей норме» некоторые из этих позиций превращаются в сильные, ср. позицию зубных перед j (*о[т]ьезд* и *ста[т']е*) или <н – н'> перед [ч] (*са[н]часть* и *ко[н']часть*).

Фонемы могут быть представлены двумя множествами звуков: 1) непересекающимся рядом позиционно чередующихся звуков, ср. фонему <у>: [y] в слове *лук*, [ʲy] *люк*, [yʲ] *лунь*, [y] *люди*; 2) пересекающимся рядом позиционно чередующихся звуков, ср. фонему <т>: [t] *от Ани*, [d] *от Бори*, [tʲ] *от Славы*. Таким образом, фонема – это общее, существующее во множестве частных проявлений. Одной фонеме могут соответствовать несколько различных ее реализаций или аллофонов (< греч. *allos* 'другой' и *phōnē* 'звук'), каждый из которых связан с определенной позицией. Аллофоны – это группа звуков, в которых реализуется данная фонема. В зависимости от характера выполняемой ими функции, места в слове, соседства с другими звуками, ударности и безударности, в отечественном языкознании различают следующие типы аллофонов:

1) вариации (или оттенки фонемы по Л.В.Щербе), появляющиеся в сильной позиции фонемы (т.е. в позиции ее различения), в условиях ее позиционной обусловленности (для гласных, например, это позиция под ударением в соседстве с мягкими согласными (ср., например, вариации фонемы <a> в словах *пятый* [a] и *пять* [ä]). Вариации представляют собой такие позиционные модификации фонем, которые не утрачивают своей различительной функции и являются практически тождественными основному виду фонемы, поэтому их иногда называют «звуковым синонимом» основного вида фонемы.

2) варианты, появляющиеся в слабой позиции фонемы (т.е. в позиции ее неразличения), в условиях ее позиционной обусловленности, т.е. варианты – это такие модификации фонемы, которые не различаются с другой фонемой, совпадая с ней в своем качестве. Выступая в роли заменителя двух (или более фонем), вариант теряет частично свою способность различать значения слов, являясь «звуковым омонимом» совпавших фонем (ср., например, вариант фонем <a> [вал] и <o> [вол], неразличающихся в 1 предударном слоге [ʌ]: [валы]). Но как установить принадлежность варианта фонеме, как определить ее «истинное лицо»? Для этого нужно изменить слово так, чтобы в той же самой морфеме этот вариант выступал в своем основном виде, т.е. оказался бы в сильной позиции: в слове [валы] звук [ʌ] является вариантом фонемы <a>, т.к. при изменении слова в корневой морфеме под ударением оказывается гласный [a]: [вал], если же в корневой морфеме под ударением окажется звук [o], то звук [ʌ] будет являться вариантом фонемы <o>. В тех случаях, когда вариант выступает только в слабой позиции, т.е. когда он не чередуется со звуком в сильной позиции (например, при неподвижности ударения или неизменяемости слова), констатируется, что звук является вариантом одной из фонем, входящих в гиперфонема, т.е. «над-единицу» разных фонем (например, в слове *собака* представлена гиперфонема <o/a>).

Различия между аллофонами не семасиологизированы, т.е. не сопряжены с изменением значения слова, в составе которого они выделяются, ср., например, реализации фонемы <е> в слове *лес*: [l'ec] и в слове *по лесу* [b] [nó l'ьсу]: каждый из аллофонов выступает в определенной позиции, не меняя при этом значения слова.

Фонема – это полифункциональная единица языка. Первое и самое важное назначение фонемы – различать звуковые оболочки слов или морфем. Это ее *дистинктивная* (различительная) функция. Она выражается в том, что фонема служит для фонетического опознавания и семантического отождествления слов и морфем (ср. слова *там – дам – сам – кам*, различающиеся не только начальными звуками, являющимися представителями соответствующих фонем, но и значениями; или слова *год – годá – в годú*, различающиеся лишь звуками [o] и [ʌ], являющимися представителями одной фонемы <o>, которая служит их семантическому отождествлению). Дистинктивная функция включает в себя перцептивную (опознавательную) и сигнификативную (смыслоразличительную) функции. Перцептивная (< лат. *perceptio* 'восприятие') функция фонемы – это функция доведения звуков речи до восприятия: она дает воз-

возможность воспринимать и опознавать органом слуха звуки речи и их сочетания, способствуя отождествлению одних и тех же слов и морфем. В сфере перцептивной функции звуковые элементы связаны отношениями контраста (ср. слова *грудь* и *грудь* [грудь 'т' – грудь 'д' u]: отождествление корней в этих словоформах происходит не только благодаря общности их значения, но и благодаря перцептивной функции фонемы: чередующиеся согласные звуки корня относятся к одним и тем же фонемам). Сигнификативная (< лат. *significare* 'обозначать') функция фонемы – это смысловозначительная функция, т.е. функция различения значимых элементов языка (морфем и слов, ср. слова *кот – бот – мот – кот*, различающиеся звуками [н], [б], [м], [к], представляющими разные фонемы, а потому различающиеся и своим значением). В сфере сигнификативной функции звуковые элементы связаны отношением оппозиции (противопоставления), ср., например, оппозиция по твердости/мягкости (*кон – конь*), глухости/звонкости (*кора – хорра*). Выполняя перцептивную и сигнификативную функцию, фонемы могут выступать и в сильной, и в слабой позиции, в связи с чем различают позиции перцептивно сильные и слабые и сигнификативно сильные и слабые. Если в перцептивно и сигнификативно сильной позиции фонема выступает в своем основном облике (по которому она и определяется), то в перцептивно или сигнификативно слабой позиции она выступает в своих аллофонах – вариациях (в перцептивно слабой позиции, ср. вариации фонемы <a> в словах *мять* и *мятый*) и вариантах (в сигнификативно слабой позиции, ср. вариант фонемы <д> в слове *род* [рот]).

Кроме дистинктивной, фонемы обладают делимитативной или разграничительной функцией. Делимитативная (< лат. *limitis* 'граница, черта') функция фонемы – это функция обозначения границы между двумя последовательными единицами (морфемами, словами). Звуковые элементы служат пограничными сигналами, например, сигналом наличия границы слова (ср. сильный приступ в начальном гласном в немецком языке или начало слова, отмеченное фиксированным ударением, в чешском). Делимитативная функция фонемы, в отличие от дистинктивной, не проявляется регулярно, однако о наличии ее свидетельствуют существующие в каждом языке различные ограничения на сочетаемость тех или иных звуковых элементов в речевой цепи.

Теория фонемы является одной из сложнейших проблем языкознания. В мировой лингвистике существуют разные фонологические школы (пражская, лондонская, американская, петербургская,

московская и др.), отличающиеся своими подходами к разработке фонологической теории. Разногласия в определении фонемы наблюдаются даже между московской и петербургской фонологическими школами. Представители петербургской фонологической школы (Л.В. Щерба, Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич, Л.В. Бондарко и др.), признавая за фонемой смысловозначительную функцию, рассматривают ее в составе словоформы и при фонемной идентификации звуков речи (когда фонема находится в слабой позиции) опираются на фонетический критерий тождества, т.е. выделение и отождествление фонемы происходит в рамках словоформы по физиолого-акустическому признаку (например, в словах *трава* и *дома* на основании близости физиолого-акустических свойств звука в первом предударном слоге выделяется фонема <a>, а в словах *пруд* и *прут* в позиции конца слова фонема <t>). Представители московской фонологической школы (Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов, В.Н. Сидоров, А.А. Реформатский, М.В. Панов, Л.Л. Касаткин и др.) при определении фонемы исходят из морфемы. Согласно этой точке зрения, фонема не автономная фонетическая единица, а строевой компонент морфемы. Тождество морфемы определяет границы и объем фонемы. Поэтому, когда фонема находится в слабой позиции, фонемная идентификация звуков осуществляется не по их физиолого-акустическому сходству, а по функционально-морфематическому: в одну фонему входят все позиционно чередующиеся звуки, представленные в данной морфеме, а физиолого-акустические различия между ними признаются функционально незначимыми (например, в словах *леса* и *лиса*, *сома* и *сама* безударные гласные, несмотря на тождество их звучания, представляют разные фонемы, а именно фонему <e> (так как в сильной позиции в той же морфеме находится фонема <e> (*лес*), фонему <i> (так как в сильной позиции в той же морфеме <i> (*лис*), фонему <o> (так как *сом*), фонему <a> (так как *сам*); такая же ситуация в словах *пруд* и *прут*: в первом случае представлен позиционный вариант фонемы <д> (так как *пруды*), во втором – фонемы <t> (так как *прутик*)).

Таким образом, главный критерий выделения фонемы в сильной позиции в обеих школах один и тот же – функциональный, т.е. способность фонемы различать слова и морфемы. Расхождения в критериях выделения фонемы наблюдаются в том случае, когда она оказывается в слабой позиции: представители МФШ остаются на тех же позициях и по-прежнему используют функциональный критерий, т.к. фонема и в слабой позиции продолжает выполнять свою смысловозначительную функцию (ср. слова [вды] и [вда] – это

разные словоформы одного и того же слова, выбор звуков [o] или [Λ] позиционно обусловлен, оба звука являются представителями одной фонемы <o>, т.к. фонема включает в себя весь ряд позиционно обусловленных чередующихся звуков, выступающих в одной морфеме), представители СПФШ используют уже иной критерий – физиолого-акустический, предполагающий сходство звуков на основе общности их различительных признаков: в слове [вдá] будет выделяться ими фонема <a>, т.к. по своим физиолого-акустическим свойствам она сближается с фонемой <a> в сильной позиции. Поэтому СПФШ часто называют фонетико-идентификационной, а МФШ – морфолого-интерпретационной школой.

Фонемы существуют только в фонологической системе языка, которая складывается постепенно в процессе его исторического развития. Фонологическая система языка – это внутренне организованная совокупность его фонем, связанных определенными отношениями. Каждый элемент фонологической системы существует не изолированно, а в тесной связи с другими элементами, противопоставляясь или объединяясь с ними по тем или иным признакам. Противопоставления фонем образуют оппозиции (ср. оппозицию по глухости/звонкости фонем <п> – <б> или твердости/мягкости фонем <с> – <с'>). Сравнение фонем в оппозициях основано на сопоставлении их признаков – дифференциальных и интегральных. Интегральные признаки фонем образуют основание оппозиции, а дифференциальные формируют противопоставление, например, у фонем <т> и <д> интегральными признаками (т.е. признаками общими для обеих фонем) являются взрывность, переднеязычность, твердость, а дифференциальными (т.е. различительными) – глухость (для <т>) и звонкость (для <д>).

Фонологическая система языка строится как система фонемных оппозиций, среди которых выделяются два основных типа:

1) дизъюнкция, т.е. противопоставление по нескольким признакам (ср., например, противопоставление фонем <д> и <н>, у которых интегральными признаками являются переднеязычность, звонкость и твердость, а дифференциальными – взрывность (для <д>) и плавность (для <н>)). Такой вид оппозиции, когда различительные признаки находятся в относительном равновесии с неразличительными, т.е. фонемы противопоставляются по нескольким признакам одновременно, называется ненапряженным или эквивалентным;

2) корреляция, т.е. противопоставление по одному признаку (ср., например, противопоставление фонем <п> и <б>, у которых

интегральными признаками являются взрывность, губно-губное образование, твердость, отсутствие назальности, а дифференциальными – глухость (для <п>) и звонкость (для <б>)). Такой вид оппозиции, когда интегральные признаки преобладают над дифференциальными, т.е. фонемы противопоставляются по одному признаку, образуя коррелятивную пару, называется напряженным или привативным.

Корреляции формируют ядро фонологической системы языка, они охватывают целые ряды фонем (ср. корреляцию фонем по глухости/звонкости в русском языке: <п> – <б>, <т> – <д>, <с> – <з>, <ф> – <в>, <к> – <г>, <ш> – <ж> и т.д. или по твердости /мягкости: <п> – <п'>, <б> – <б'>, <т> – <т'>, <д> – <д'>, <с> – <с'>, <ф> – <ф'>, <в> – <в'>, <м> – <м'>, <н> – <н'>, <р> – <р'>, <л> – <л'> и т.д.).

В языке, однако, могут существовать и такие фонемы, которые не образуют оппозиций по тому или иному признаку, например, в русском языке фонема <ч'> не образует корреляции по твердости/мягкости (хотя некоторые ученые, в частности Л.Л. Касаткин, считают, что ее коррелятивной парой является фонема <ц>), а фонемы <ф>, <л>, <м>, <н>, <р> – по глухости/звонкости. Иногда они вообще могут находиться за пределами корреляции (как, например, фонемы <ц>, <ч>, <й> в русском языке).

ТРАНСКРИПЦИЯ

Транскрипция (< лат. *transcriptio* 'переписывание') – это особая система письма, используемая для точной передачи звукового состава устной или письменной речи. Транскрипция строится на строгом соблюдении принципа соответствия знака и звука, передаваемого этим знаком: один и тот же знак должен во всех случаях соответствовать одному и тому же звуку. В зависимости от того, какие звуковые единицы являются предметом транскрипции, различают фонетическую, фонематическую и практическую транскрипции.

Фонетическая транскрипция – это транскрипция, используемая для передачи слова в полном соответствии с его звучанием, т.е. с ее помощью фиксируется звуковой состав слова. Она строится на основе какого-либо алфавита с использованием надстрочных или подстрочных знаков, служащих для обозначения ударения, мягкости, долготы, краткости, слоговости и др. признаков. Среди фонетических алфавитов наиболее известен алфавит Международной фонетической ассоциации, построенный на основе латинского ал-

фавита (ср. передачу русского слова *окно* [ак'но] или *день* [д'ен']). В России, кроме того, используется транскрипция, имеющая в своей основе русскую графику (ср. [л'к'но], [д'ен']).

Фонематическая транскрипция – это транскрипция, используемая для передачи фонемного состава слова или морфемы. Она строится также на основе латиницы или кириллицы. В отличие от фонетической транскрипции, она является более обобщенной, так как передает не все особенности звучащей речи, а только те, которые играют различительную роль. Поскольку между московской и петербургской фонологическими школами существуют расхождения в понимании фонемы, то и фонематические транскрипции также будут различными (ср., например, фонематическую транскрипцию слов *год* и *окно*: МФШ – <год>, <ок'но>, СПФШ – <гот>, <ак'но>). Таким образом, фонематическая транскрипция отражает различия в понимании фонемы и правилах ее выделения.

Фонетическая и фонематическая транскрипции используются в научных целях, в учебной литературе, фонетическая, кроме того, в словарях.

Практическая транскрипция – это транскрипция, используемая для передачи иноязычных слов средствами национального алфавита (ср. франц. *parachute* – рус. *парашют*, литов. *Šiauliai* – рус. *Шяуляй*). Практическая транскрипция осуществляется строго на базе алфавита принимающего языка без использования дополнительных знаков (в связи с чем допускаются даже такие сочетания звуков и соответственно букв, которые запрещены орфографической системой данного языка). Практическая транскрипция используется в тех случаях, когда перевод иноязычного слова невозможен или нежелателен (например, при передаче имен собственных, топонимов на географических картах, терминов в технической документации и т.д.). При отсутствии в принимающем языке того или иного звука используются знаки, близкие по письменному выражению или по звучанию (ср. передачу фамилии известного польского ученого: плс. *Karasz* – рус. *Карась*). От практической транскрипции следует отличать транслитерацию.

Транслитерация (< лат. *trans* 'через' и *littera* 'буква') – это побуквенная передача слова (или целого текста), записанного средствами одной графической системы с помощью средств другой системы. Базируясь на каком-либо алфавите (чаще всего латинском), транслитерация допускает условное употребление букв, а также введение дополнительных знаков и диакритических значков – знака мягкости или гачеков для обозначения шипящих звуков (например,

по правилам международной транслитерации буква *ě* в слове *ěж* должна быть передана как *jo*, а в слове *lěn* – как 'o, буква *щ* – как *šč* и т.д.). Благодаря своей универсальности транслитерация активно используется при многосторонних международных контактах (ср. передачу с помощью транслитерации фамилии Шукшин: *Šukšin* при многообразии ее практических транскрипций в различных языках: плс. *Szukszyn*, франц. *Chukchine*, нем. *Schukschin* и т.д.).

Контрольные вопросы

1. Что такое звук? Акустические характеристики звука.
2. Какие признаки учитываются при классификации гласных и согласных?
3. Что такое слог? Структура слога. Типы слогов. Теории слогораздела.
4. Что такое ударение? Фонетические и структурные типы ударения.
5. Что такое комбинаторные и позиционные изменения звуков?
6. Что такое фонема и аллофоны фонемы? Функции фонемы.
7. Что такое позиция фонемы? Сильная и слабая позиция фонемы.
8. В чем выражается принципиальное различие между МФШ и СПФШ?
9. Что такое транскрипция? Виды транскрипции.

Рекомендуемая литература

1. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
2. *Бондарко Л.В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
3. *Брызгунова Е.А.* Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
4. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. М., 1979.
5. *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
6. *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
7. *Щерба Л.В.* Русские гласные в количественном и качественном отношении. Л., 1983.

Глава 6

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПИСЬМА

Звуковой язык – важнейшее средство человеческого общения, вторым таким средством является письмо. Письмо возникло значительно позже языка. Появление его было вызвано потребностью сохранения информации во времени и передачи ее в пространстве. Первоначально для передачи информации на расстояние использовались различные предметы, которым придавалось условное значение (засохшая ветка, например, сообщала о смерти вождя, стрела – о приглашении на охоту или объявлении войны). Примером такого «символического письма» может служить послание скифов персидскому царю Дарию, предпринявшему в 514 г. до н.э. против них поход. Это послание состояло из птицы, лягушки, мыши и пяти стрел. Смысл этого «письма» персидские жрецы расценили как угрозу: «Если вы, персы, не научитесь прыгать по болотам, как лягушки, прятаться в норы, как мыши, и летать, как птицы, то вы будете осыпаны нашими стрелами, как только вступите на нашу землю». Позднее произошел своеобразный отбор предметов, использующихся в посланиях. Древние инки, например, использовали шнуры различных цветов с узелками, а северно-американские индейцы племени ирокезов – наборы раковин. Однако возможности такого письма были ограничены. Идею письма как системы знаков человечество открыло примерно 5 тыс. лет назад.

Письмо – это система начертательных знаков, используемых для фиксации звуковой речи с целью передачи ее на расстояние или закрепления во времени. Материалом для письма первоначально служили камни, глина, бамбук, доска, кора или листья деревьев, кожа животных, кости и даже черепахи панцири и лишь значительно позднее – бумага. Древнейшее в мире литературное произведение – «Эпос о Гильгамеше» написано шумерами на глиняных табличках. При раскопках столицы хеттских царей археологи нашли целую «библиотеку» глиняных табличек (около 20 тыс.).

Науке известны несколько типов письма, исторически сменявших друг друга. Первоначально для передачи информации применялось рисуночное письмо или пиктография (< лат. *pictus* 'писанный красками' и греч. *graphō* 'пишу'). Пиктография – это вид письма, знаки которого (пиктограммы) представляют собой схематические рисунки, изображающие предметы и явления действительности. Сообщение здесь не расчленяется на слова, а переда-

ется как бы целиком. Древнейшие образцы пиктографии относятся к эпохе палеолита, однако это письмо просуществовало вплоть до XX в.: оно, в частности, было распространено у индейцев Америки, аборигенов Австралии, малых народов Сибири. Для пиктографии, в отличие от буквенного письма, характерна незакрепленность за пиктограммой конкретной единицы языка, обладающей определенным значением (знак солнца, например, может быть прочтен и как «день», и как «на следующий день, завтра», и как «солнце»), т.е. пиктограмма может соответствовать слову, словосочетанию, предложению и даже нескольким предложениям, поскольку она не передает языковую структуру (последовательность морфем, слов, их форму, звучание и т.д.). И хотя пиктограммами трудно выразить отвлеченное содержание, некоторые народы создали достаточно развитые системы пиктографии, позволяющие сообщать о сложных явлениях мира природы и человека: иллюстрацией может служить, например, пиктография индейского племени делаваров, с помощью которой был записан эпос «Валам – Олум».

Пиктография не утратила своего значения и сегодня, она используется как вспомогательное средство общения в виде указателей на дорогах, выставках, международных соревнованиях, а также как художественное средство в детских рассказах в картинках.

С течением времени пиктография была заменена другими видами письма, хотя в архаических видах письма довольно трудно провести границу между «чистой» пиктографией и письмом, фиксирующим звуковую речь. Рисуночный характер древних иероглифических систем (древнеегипетской, ранней китайской, критской, хеттской) указывает на их происхождение из пиктографии.

Постепенно с усложнением хозяйственной жизни и общественной структуры раннеклассового общества, с ростом его запросов, связанных с передачей информации на расстояние и сохранением ее во времени, произошло оформление письменности в собственном смысле этого слова. Появились новые системы письма с постоянным составом знаков, передающих либо целое слово, либо последовательность звуков, либо отдельный звук. В зависимости от характера передачи знаками элементов речи различают идеографическое письмо, словесно-слоговое, собственно слоговое (или силлабическое) и буквенно-звуковое (или алфавитное).

Идеографическое письмо (< греч. *idea* 'понятие' и *graphō* 'пишу') – это «письмо понятиями». При идеографии сообщение уже передается не целиком, а расчленяется на слова, каждое из которых передается условным знаком. Если в пиктографическом пи-

сьме знак изображал предмет, то в идеографическом – понятие. Элементарные графические символы несли в себе определенный смысл. Идеограмма могла и не иметь сходства с обозначаемым предметом, она была лишь условным знаком, передающим значение слова. Знак в идеографическом письме соответствовал слову в любой его грамматической форме, однако круг передаваемых им значений был ограничен (например, знак, изображающий ногу, мог означать «ходить», «стоять», «приносить» в любой грамматической форме, но он не мог обозначать ступню или подошву, так как для этого существовал другой знак). Позднее на основе идеографического письма развилось иероглифическое (< греч. *hieroglyphoi* 'священные письмена', первоначально как тайное письмо жрецов), которое позволяло передавать более сложные и более длинные тексты. Идеография сохраняется и сегодня. Наиболее совершенным видом идеограммы являются арифметические знаки, каждый из которых передает абстрактное понятие (ср., например, знаки деления, равенства, сложения, умножения и т.д., а также сами цифры: арифметическое выражение $2 \times 2 = 4$ русский, англичанин, китаец озвучат по-разному, но смысл его они поймут одинаково).

Однако возможность передачи информации с помощью чистой идеографии была довольно ограниченной, поэтому с течением времени ее вытеснили другие виды письма. Идеографическое письмо существовало лишь как переходное от пиктографии к словесно-слоговому письму. Оно использовалось либо в хозяйственных записях (где число понятий в силу самого содержания текста было довольно ограниченным), либо в ритуальных. Примером идеографического письма может служить древнейшее шумерское письмо.

Значительно дольше просуществовал словесно-слоговой тип письма, являющийся логическим продолжением идеографического. В основе его лежала многозначная идеограмма, которая, однако, осложнялась дополнительными знаками. Эти дополнительные знаки и обеспечивали привязку идеограммы к определенному слову. Они выражали либо чисто звуковые элементы (слово в целом или его части), либо понятийные, т.е. уточняли круг понятий, к которым относится данное слово (например, в древнеегипетском языке рисунок «жук» с дополнительными знаками, указывающими на звуки -х, -п, -р, и значком – детерминативом, передающим абстрактные понятия, означал «существование»). По мере развития этого письма оно становилось все более приспособленным для передачи не только целых слов, но и их частей, отдельных морфем. Таково,

например, китайское письмо, являющееся единственной сохранившейся системой словесно-слогового письма.

Словесно-слоговое письмо позволяло передавать тексты любого содержания, обеспечивая достаточно точную фиксацию речи (не случайно элементы этого письма используются в математических, алгебраических, химических и др. формулах). Однако оно имело и свои недостатки, среди которых наиболее существенными были многочисленность знаков (от нескольких сотен до многих тысяч) и трудность при освоении чтения. По мере развития этого письма появлялись все более точные способы различения слов и их значений: возникали знаки, соответствовавшие частям слова, передававшие звучание его слогов. Так внутри словесно-слогового письма зарождались элементы силлабического (слогового) письма.

Силлабическое письмо – это письмо, знаки которого передают последовательность звуков в слоге, а не слово в целом. Эти последовательности могут быть разных типов: CV, VC, CVC, реже CCV или только V. Для каждой из этих последовательностей использовался свой знак. Большинство знаков служило для обозначения последовательности VC-а, если же за согласным следовал другой гласный (не «а»), то знак изменялся по форме, а если за согласным следовал еще один согласный, то из знаков, обозначавших эти согласные, составлялась одна буква (лигатура).

Силлабическая система письма возникла вследствие упрощения словесно-слогового типа письма (именно таким путем образовалось кипрское письмо, развившееся из критского словесно-слогового письма), хотя иногда в его основе могло лежать буквенно-звуковое, в частности, консонантное письмо, в которое вводилась дополнительная огласовка (индийское письмо брахми и кхароштли). Наибольшее распространение силлабическая система письма получила в Индии и Юго-Восточной Азии.

Несмотря на преимущества этой системы письма по сравнению с словесно-слоговым (главным из которых было значительно меньшее количество знаков: число их колебалось от ста до трехсот), она имела и существенные недостатки: трудность в выборе правильного чтения, особенно при отсутствии словоразделов, и громоздкость. Поэтому эта система не выдержала конкуренции с фонографической (или буквенно-звуковой) системой письма, получившей наиболее широкое распространение.

Фонографическая (< греч. *phōnē* 'звук' и *graphō* 'пишу') или алфавитная система письма – это система, в которой отдельный знак (буква) передает, как правило, один звук, соответствующий

фонеме или ее аллофону (хотя бывают и исключения, когда для обозначения одного звука используется несколько знаков, ср. нем. *sch* для передачи звука [ш] или *tsch* – [ч]). Эта система позволила сократить число знаков до двух-трех десятков, обеспечив при этом точную передачу не только содержания высказывания, но и звукового состава морфемы и слова во всех его грамматических формах.

Родоначальником всех видов алфавитного письма является финикийское буквенное консонантное письмо (III тыс. до н.э.). Это было силлабическое письмо со знаками для слогов типа CV, где гласным мог быть любой звук (в том числе нулевой). Происхождение его до сих пор не установлено, хотя существует несколько гипотез – египетская, ассирио-вавилонская, крито-микенская и др. В «классическом» финикийском алфавите было 22 знака, расположенных в определенном порядке. Каждый знак имел свое название: b «bet» 'дом', d «dalet» 'дверь', k «kaf» 'ладонь', n «nun» 'рыба' и т.д. Значение финикийского письма огромно: от него происходят практически все современные алфавиты мира. Развитие их шло в трех направлениях: южном, восточном и западном. К южной ветви финикийского письма восходит современное эфиопское письмо. К восточной ветви – арамейский алфавит, широко распространенный на Ближнем Востоке (более простое арамейское письмо вытеснило вавилонскую клинопись). Западную ветвь финикийского письма возглавляет греческий алфавит. В настоящее время единственным прямым наследником древнего финикийского алфавита является самаритянское письмо, до сих пор используемое небольшой группой (несколько сот человек) последователей самаритянской религии.

Новая система письма давала возможность передавать речь путем фиксации звуков с помощью минимального числа легко и быстро запоминающихся букв. Однако текст, записанный без гласных и обычно без словоразделов, был малопонятен, поэтому финикийский алфавит везде, где он был воспринят, был дополнен знаками, передающими гласные звуки: в восточных алфавитах с этой целью использовались диакритические значки над или под буквой: в еврейском и сирийском письме – это маленькие точки или группы точек, в арабском – маленькие буквы, так называемые «матери чтения». В западных алфавитах были созданы специальные буквы.

В древнегреческом алфавите было, например, 24 буквы, 17 из которых обозначали согласные, а для передачи гласных были использованы знаки финикийских согласных, которых не было в греческом языке: α, ε, ι, υ, η, ο. Таким образом, «греки первыми разложили речь на согласные и гласные звуки» (А. Мейе). Переход

к обозначению на письме не только согласных, но и всех гласных, существовавших в языке, был крупнейшим культурным достижением, поскольку греки тем самым создали первый в истории человечества настоящий алфавит. Отныне в европейских алфавитах были буквы как для гласных, так и согласных. Греки изменили также и направление письма: пройдя через стадию письма с поворотами (т.е. одна строка в одну сторону, а вторая – в другую, так называемый бустрофедон < греч. *bis* 'бык' и *strephō* 'поворачиваю', т.е. 'поворот борозды при пахоте земли'), они стали писать не справа налево, как финикийцы, а слева направо. Древнегреческое письмо предположительно возникло в VIII в. до н.э. По форме букв оно почти полностью совпадает с финикийским, лишь позднее в нем появились дополнительные буквы: φ, ψ, ω, χ, ξ. «Архаическое» греческое письмо существовало в трех вариантах – восточно-греческом, западно-греческом и фригийском.

Из восточно-греческого письма в V–IV вв. до н.э. развилось «классическое» греческое письмо, а затем византийское, которое в дальнейшем легло в основу славянской кириллицы, древнеготского и коптского (христианско-египетского) письма.

На основе западногреческого варианта возникли италийские алфавиты, в том числе этрусский (VII в. до н.э.), из которого, как предполагают, развилась латинская письменность. В эпоху расцвета Римской империи латинское письмо приобрело «международный» характер. Однако и после падения Рима, благодаря влиянию католической церкви, оно сохранило свое широкое распространение. Именно латинский алфавит лег в основу многих западноевропейских алфавитов, в том числе и западнославянских, хотя в некоторых из них он был дополнен диакритическими знаками (ср. чеш., слц. š [ш], ž [ж], č [ч]).

Фригийский вариант греческого письма был воспринят новофригийским языком, о чем говорят надписи на культовых памятниках, керамике, а также новофригийские тексты.

Восточнославянские и отчасти южнославянские (сербский, македонский, болгарский) алфавиты были созданы на основе восточногреческого письма: к 24 буквам византийского алфавита было добавлено еще 19 букв для передачи специфических славянских звуков, отсутствовавших в греческом языке: буквы ц и ш были заимствованы из еврейского квадратного письма, а остальные избреты специально, например, буква ѡ «юс малый», ѣ «юс большой», йотированные буквы ѧ и Ѣ и др. Славянский алфавит был создан славянскими первоучителями Кириллом и его братом Ме-

фодием и получил название «кириллица» (хотя существует мнение, что эта азбука была создана позднее учениками и последователями Кирилла и Мефодия, а славянские первоучители создали другую славянскую азбуку – «глаголицу»). Графический облик славянских букв был стилизован по византийскому образцу. В кириллице применялись надстрочные знаки – ударения, сокращения слов с титлами и выносными буквами, мягкости и др. Буквы кириллицы могли иметь и цифровое значение (в этом случае над буквой ставился знак титла, а по сторонам точки: буква $\cdot\bar{A}\cdot$, например, = 1, $\cdot\bar{Г}\cdot$ = 3, $\cdot\bar{Б}\cdot$ = 70 и т.д.). Кириллица получила распространение у православных славян (восточных и южных), некоторое время, как предполагают, она использовалась и западными славянами и до XIX в. – румынами. Собственно кириллица сохранилась только в религиозной литературе (в памятниках старославянской письменности), однако на ее основе развилось восточнославянское, болгарское, сербское и македонское письмо. В каждом из славянских алфавитов она претерпела некоторые изменения, связанные с тем, что одни буквы были утрачены (например, буква $\bar{ѣ}$ «ять», $\bar{ѡ}$ «юс малый», $\bar{ѣ}$ «юс большой») и введены новые (ср. серб., мак. $\bar{л}$, $\bar{њ}$, $\bar{ћ}$).

На основе кириллицы в СССР были созданы алфавиты для народов, ранее не имевших своей письменности (якуты, ингуши, чуваша) или имевших, но на иной основе, в частности, на арабской или на латинской (абхазы, туркмены, узбеки и др.).

Предполагают, что с греческим византийским письмом связана и другая славянская азбука – глаголица, название которой происходит от старославянского слова глаголь «речь, слово». Совпадая почти полностью с кириллицей по алфавитному составу, расположению и звуковому значению букв, глаголица резко отличается от нее самой формой букв (ср. глаголические буквы $\bar{Ѧ}$ «а», $\bar{Ѧ}$ «в», $\bar{Ѧ}$ «ц» и др.). Глаголическое письмо широко употреблялось в Моравии, откуда проникло в Болгарию и Хорватию (в Хорватии оно просуществовало вплоть до XVIII в.).

Таким образом, большинство существующих в настоящее время алфавитов восходит к одному источнику – финикийскому алфавиту, и лишь некоторые алфавиты находятся за пределами этого круга, в частности албанский. Неясно происхождение грузинского алфавита, существующего в двух видах – церковном (хуцури) и светском (мхедрули). Возможно, что оба алфавита связаны с восточной ветвью финикийского письма, однако это еще не доказано.

ГРАФИКА

Графика (< греч. *graphō* «пишу, черчу, рисую») – это совокупность начертательных средств того или иного письма (буквы, знаки препинания и ударения). Графикой называют также раздел языкознания, изучающий соотношение между графемами (буквами) и фонемами.

В языках мира, в их национальных системах письма чаще всего используется латинская, кириллическая или арабская графика, при этом ни в одном алфавите идеальной графики (когда одна графема соответствует только одной фонеме) нет. Это объясняется тем, что 24 буквы древнегреческого алфавита не могли передать все многообразие звуков различных языков. В процессе исторического развития каждого языка вследствие прошедших в нем процессов фонетических изменений разрыв между буквами и отдельными звуками еще больше увеличился, что повлекло за собой появление сложных графем, а также диакритических знаков (ср., например, англ. графему *sk*, передающую звук [к], плс. *sz* – [ш], франц. *ç* – [с] и т.д.). Особенно сильный разрыв между современной звуковой речью и традиционной графической системой произошел в английском и французском языках, орфография которых часто адекватно не передает живой развивающийся язык. В английском языке, например, 26 знаков алфавита соответствуют 46 фонемам, поэтому здесь широко используются диграфы (*sk* – [к]), триграфы (*oeu* – [u:]) и даже полиграфы (*ough* – [э:]). В английском языке насчитывается более ста сложных графем, передающих один звук.

Графические системы, в основе которых лежит кириллица, проще по соотношению графем и фонем. Большинство букв их однозначны: каждая из них при изолированном произношении соответствует одному звуку, однако и здесь встречаются диграфы (ср., например, в русском языке диграф *sch* передающий звук [ш:] или *жж*, соответствующий [ж:]).

В основе русской графики лежит силлабический (слоговой) принцип. Он выражается в том, что признак твердость/мягкость согласного обозначается гласной буквой, следующей за согласной (*ded*) или специальным знаком мягкости (*соль*). Кроме того, в русском языке есть силлабограммы (*я, е, ё, ю*), позволяющие одной буквой передать целый слог, состоящий из сочетания согласного (*ј*) и гласного. Это делает русскую графику чрезвычайно экономной.

Во многих графических системах мира (в том числе и в русской) существует явление полифонии, когда одна и та же буква в зависи-

мости от ее позиции в слове может иметь разное звучание (ср., например, в немецком языке буква *s* перед гласным соответствует звуку [з]: *Saal*, а перед согласным (но не *r*, *t*) – [с]: *Ski*, перед *r*, *t* – [ш]: *Stein*). Еще ярче это явление выражено в русском языке, где почти все русские буквы многозначны: рядом с одними буквами (или в одной позиции) они обозначают одни звуки, рядом с другими (или в другой позиции) – другие (буква *в* в позиции конца слова или перед глухим согласным соответствует звуку [ф]: *нов*, *все*, перед гласным заднего ряда или звонким согласным – звуку [в]: *вол*, *вдруг*, перед гласным переднего ряда – [в’]: *вес* и т.д.). Явление полифонии отражает не только позиционный принцип русской графики, но и фонематический, когда один и тот же вариант разных фонем обозначается разными буквами (например, в словах *водяной* и *травяной* во втором предударном слоге представлен звук [ъ], имеющий своей буквы, поскольку он не является самостоятельной фонемой, на письме он передается разными буквами как вариант разных фонем – <о> и <а>).

ОРФОГРАФИЯ

Орфография (< греч. *orthos* ‘правильный’ и *graphō* ‘пишу’) – это система правил, устанавливающих единообразное написание. Орфографией называют также раздел языкознания, изучающий и устанавливающий эту систему правил. С помощью орфографической системы достигается единообразие передачи речи на письме.

Первоначально ни в одном языке каких-либо правил, регламентирующих написание, не существовало, и каждый писец писал «в меру своего разумения». Однако постепенно в процессе исторического развития языков сложились правила их орфографии.

Орфография как система правил включает в себя несколько разделов, построенных на определенных принципах. Это правила о написании слов и их значимых частей (т.е. об обозначении звуков буквами), о слитных, дефисных и отдельных написаниях слов, о переносе слов с одной строки на другую, об употреблении прописных и строчных букв. Центральным разделом орфографической системы любого языка является раздел о написании слов и их значимых частей. Все многообразие действующих в языке правил передачи на письме звуков может быть сведено к трем основным принципам: фонетическому, морфологическому (или морфематическому) и историческому (или традиционному). В зависимости от того, какой из

этих принципов является ведущим при обозначении звукового состава слова, говорят об основном принципе орфографической системы того или иного языка.

✓ Фонетический принцип орфографии связан с требованием написания слов в соответствии с их звучанием. Согласно этому принципу, на письме должны отражаться все фонетические изменения безударных гласных (ср. *воды* и *вады*), т.е. написание передает звучание слова и каждая буква обозначает не фонему, а звук, выступающий в слабой позиции. Такова, например, орфографическая система белорусского, сербского и хорватского языков (ср., например, написание белорусских слов: *гавару*, *сясцёр*). В отдельных случаях фонетический принцип орфографии встречается и в русском языке (ср., например, правописание корней на *-и* после приставок, оканчивающихся на твердый согласный: *предыстория*, *предыдущий* или правописание приставок на *-з*, типа *раз-*, *рас-* или *без-*, *бес-*, написание буквы *ы* после *ц* в словах *цыган*, *на цыпочках*, *огурцы* и т.д.). Однако в чистом виде фонетический принцип орфографии не встречается ни в одном языке, как правило, он сосуществует с другими принципами.

✓ Морфологический принцип связан с требованием одинакового написания одной и той же морфемы независимо от изменений в ее звучании в разных позициях в слове (ср., например, одинаковое написание морфемы *вод-* в словах *вода*, *водяной*, *водопровод*, несмотря на звуковые изменения ее по отношению к ударному слогу). Согласно этому принципу, на письме не отражаются позиционные чередования гласных и согласных фонем, встречающихся в одной и той же морфеме в сильной и слабой позиции, так как фонемы, находящиеся в слабой позиции, обозначаются той же буквой, что и фонемы в сильной позиции (ср. рус. *дубы* – *дуб*). Поэтому этот принцип орфографии (применительно к русскому языку) называют также *фонематическим*. Фонематический принцип орфографии обеспечивает единообразное написание одной и той же морфемы в разных словах или формах одного слова (ср. слова склад [склат], склады [склады], складской [склцкој], написание *склад-* в этих примерах отражает фонемный состав корня), что позволяет легко узнавать слова и способствует быстрому пониманию и чтению. Фонематический принцип русской орфографии нередко сочетается с морфематическим, когда правописание противоречит фонематическому принципу (например, после шипящих под ударением фонема <о> передается буквой *ё*, а не *о* в связи со стремлением к

единообразию в написании одной и той же морфемы, ср. *жёны, жена, женский* или *шёпот, шепчет, шептать* и т.д.).

Исторический (или традиционный) принцип орфографии связан с требованием написания слов согласно принятой традиции (т.е. так, как они писались в прошлом, например, *собака, каблук, печаль* и т.д.). Выбор буквы в этих непроверяемых словах основан на традиции или этимологии слова, так как проверить эти фонемы (или точнее гиперфонемы), находящиеся в слабой позиции, через сильную позицию невозможно. Традиционный принцип орфографии нередко может находиться в противоречии с фонематическим (в русском языке, например, это написание буквы *з* в окончаниях прилагательных типа *нового*, несмотря на то что здесь произносится звук [в], реализующий фонему <в> или же правописание корней *гор-/гар-, плов-/плав-*, где под ударением пишется *а*: *загар, плавать*, без ударения же *о*, и *а*: *загореть, выгарки, пловец, плавник*).

Иногда выделяют также принцип морфолого-графических аналогий. Он связан с требованием одинакового графического оформления слов, относящихся к одной и той же грамматической категории (ср., например, в русском языке написание с мягким знаком существительных женского рода с конечным шипящим типа *дочь, рожь, мышь*: написание здесь мягкого знака используется в качестве графического уравнивателя парадигм склонения существительных типа *соль*; в соответствии с этим же принципом в русском языке находится написание мягкого знака в инфинитивах на шипящий типа *стричь, стеречь*, а также форм повелительного наклонения типа *назначь, утешь* и др.).

Некоторые ученые выделяют также дифференцирующий принцип орфографии. Он связан со стремлением разграничить на письме лексические омонимы (а точнее омоформы), когда два слова или две формы слова, имеющие тождественный фонемный состав, различаются лишь орфографически (ср. рус. существительное *поджог* и глагол *поджѣг* или франц. *où* «где» и *oui* «или»).

В орфографических системах разных языков эти принципы часто сочетаются, хотя один из них является ведущим (ср. в русском языке ведущим является фонематический принцип, в белорусском – фонетический, в английском и французском – исторический).

Другие разделы орфографии строятся на иных принципах. Так, например, раздел о слитных и дефисных написаниях русского языка опирается на лексико-синтаксический и словообразовательно-грамматический принципы. В соответствии с лексико-синтаксическим принципом находится написание сложных слов и словосочета-

ний (типа *тяжелораненый солдат* и *тяжело раненный в бою солдат*). Словообразовательно-грамматический принцип лежит в основе написания сложных прилагательных и существительных (типа *газонефтяной* и *газово-нефтяной, железобетон* и *дизель-мотор*), в которых постановка дефиса связана с наличием суффикса в сложных прилагательных или отсутствием соединительных гласных *-о-/-е-* в сложных существительных.

Контрольные вопросы

1. Что такое письмо? Какие типы письма вы знаете?
2. Чем отличается пиктография от буквенного письма?
3. Что такое идеографическое письмо? Какие виды идеографического письма вы знаете? Где сохраняется идеография сегодня?
4. Что такое фонографическая система письма?
5. Какое письмо является родоначальником всех видов алфавитного письма?
6. В чем заключается принципиальное отличие финикийского письма от древнегреческого?
7. На основе какого письма созданы восточнославянские алфавиты?
8. Что такое графика? Какие виды графики вы знаете?
9. Какой принцип лежит в основе русской графики?
10. Что такое орфография? Какие разделы она в себя включает?
11. На каких принципах строится орфография в разных языках мира?
12. Какой принцип является ведущим в русской орфографии?
13. Что такое фонематический принцип орфографии?
14. Что такое принцип морфолого-графических аналогий?

Рекомендуемая литература

1. *Дьяконов И.М.* Письмо //Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. *Иванова В.Ф.* Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1976.
3. *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965.
4. *Кузьмина С.М.* Теория русской орфографии. М., 1981.
5. *Маслов Ю.С.* Введение в языковедение. М., 1998, гл. 7.
6. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1967, гл. 5.
7. *Фридрих И.* История письма. М., 1979.
8. *Шайкевич А.Я.* Введение в лингвистику. М., 1995, гл. II.
9. *Щерба Л.В.* Основные принципы орфографии и их социальное значение. // Сб. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Лексикология (< греч. *lexikos* 'относящийся к слову' и *logos* 'учение') – это наука, изучающая слово и словарный состав языка в целом. Предметом лексикологии являются следующие вопросы:

слово с точки зрения общей теории слова (связь значения слова с понятием, роль слова в структуре языка и текста, соотношение слова с единицами других языковых уровней, критерии его выделяемости, самостоятельности и тождества и т.д.);

структура словарного состава языка (характер отношений, существующих между лексическими единицами, принципы их объединения в различные группы; стратификация (т.е. расчленение на слои) словарного состава с точки зрения происхождения, сферы употребления слов, отношения к языковой системе в целом и т.д.);

функционирование лексических единиц языка, характер сочетаемости слов с точки зрения совместимости/несовместимости их понятий, частотность лексических единиц в тексте и речи, их функции и особенности употребления и т.д.;

пути пополнения и развития словарного состава языка (способы создания новых слов, формирование новых значений, использование ресурсов других языков, формы интеграции заимствованных слов и т.д.);

соотношение лексики и внеязыковой действительности (в частности, лексики и культуры, закономерности обозначений реалий внешнего мира лексическими средствами языка, лингвистические и экстралингвистические компоненты значения слова и т.д.).

В зависимости от целей и задач, решаемых лексикологией, различают общую лексикологию (рассматривающую общие вопросы, связанные со строением и функционированием словарного состава языков мира), частную (изучающую словарный состав конкретного языка), историческую (описывающую историю развития словарного состава языка в целом или отдельных его групп), сопоставительную (изучающую словарный состав различных языков с целью выявления их генетического родства, общих закономерностей развития их лексиконов), прикладную (связанную с лексикографией, теорией перевода, культурой речи, лингвопедагогикой и т.д.).

Лексикология включает в себя несколько разделов:

ономасиологию (< греч. *onoma* 'имя' и *logos* 'учение') – науку, занимающуюся теорией номинации, исследующую процесс называния: от вещи (или явления) действительности к мысли об этой вещи (или явлении) и далее к обозначению их языковыми средствами (словом, словосочетанием или предложением). Ономасиология выявляет принципы и закономерности обозначения предметов и понятий лексическими, словообразовательными, синтаксическими средствами языка, она отвечает на вопрос, как происходит называние, присвоение имен предметам и явлениям внешнего мира;

семасиологию (< греч. *sēmasia* 'значение' и *logos* 'учение') – науку, занимающуюся изучением значения слов и словосочетаний. Семасиология исследует смысловую сторону языковой единицы путем сопоставления ее с другими единицами того же уровня. Она позволяет определить характер отношений, существующих между значениями различных слов, выяснить причины семантических изменений, происходящих в слове в процессе исторического развития языка. Семасиология отвечает на вопрос, как в единицах языка (в словах) отображается внеязыковая действительность;

фразеологию (< греч. *phraseōs* 'выражение' и *logos* 'учение') – науку, изучающую фразеологический состав языка, природу фразеологизмов, их типы, категориальные признаки, особенности функционирования в речи. Фразеология выявляет специфику фразеологизмов, особенности их значения, морфологического и синтаксического строения, отношений с другими единицами языка. Она разрабатывает принципы выделения и описания фразеологических единиц, исследует процессы их образования;

ономастику (< греч. *onomastikē* 'искусство давать имена') – науку, изучающую имена собственные в широком смысле слова: географические названия изучает топонимику, имена и фамилии людей – антропонимику;

этимологию (< греч. *etymologia* < *etymon* 'истинное значение' и *logos* 'наука') – науку, изучающую происхождение слов, процесс формирования словарного состава языка, реконструирующую словарный состав языка древнейшего (обычно дописьменного) периода. Этимология проясняет первичную форму и значение слова, которые в процессе исторического развития языка нередко оказываются затемненными и потому непонятными для носителей языка. Она объясняет, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели возникло слово, каково было его первоначальное значение, какие исторические изменения оно претерпело. Реконструируя первичные формы и значения слов, этимология изучает фрагменты

внеязыковой деятельности человека, его духовной культуры. Она решает вопросы исконного и заимствованного в лексической системе языка, вскрывает процессы межъязыковых и этнических контактов, давая тем самым материал для решения проблем этногенеза; лексикографию (< греч. *lexikos* 'относящийся к слову' и *grapho* 'пишу') – науку, занимающуюся теорией и практикой составления словарей. Она разрабатывает общую типологию словарей, принципы отбора лексики, расположения слов и словарных статей, принципы построения словарных статей: выделение и классификация значений слова, его словарных определений, типы языковых иллюстраций, подачи дополнительной информации и др. вопросы. В зависимости от целей и задач, решаемых практической лексикографией, выделяют одноязычную лексикографию (занимающуюся созданием толковых, этимологических, исторических словарей), двуязычную (переводные словари), учебную (школьные толковые, орфографические, орфоэпические, словообразовательные и др. словари), научно-техническую (терминологические словари). В последние десятилетия бурно развивается научная лексикография: создаются словари языка отдельных писателей (например, А.С. Пушкина, А.М. Горького), появляются новые типы словарей (обратные, грамматические, частотные, словари сочетаемости, словари трудных слов, «ложных друзей» переводчика и др.).

СЛОВО КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Слово является объектом изучения не только лексикологии, но и фонетики, морфологии, словообразования, однако там оно рассматривается с иных точек зрения (для фонетики, например, в слове *бремя* важно, из каких звуков оно состоит, сколько имеет слогов, каков характер этих слогов, где проходит слогораздел и т.д.; для морфологии важно, что это слово относится к разряду существительных, обладает категорией рода, является неодушевленным и разносклоняемым, будучи существительным абстрактным, не имеет формы множественного числа и т.д.; для словообразования важно, что это слово в современном русском языке обладает непрямой основой, образовано когда-то суффиксальным способом от глагола *брати* в его старом значении 'нести' с помощью суф. *-м-я*, утратившего в русском языке продуктивность). Для лексикологии важно прежде всего значение этого слова 'нечто тяжелое, трудное', его отношение к другим словам русского языка,

имеющим то же значение, стилистическая окрашенность (является ли оно нейтральным или стилистически маркированным), происхождение этого слова (является ли оно исконным или заимствованным), сфера его употребления и т.д.

Слова, входящие в словарный состав языка, с точки зрения своего содержания делятся на знаменательные и служебные. Знаменательные слова составляют ядро лексического фонда языка. Они обладают номинативной функцией (т.е. служат для называния и выделения фрагментов действительности, формирования соответствующих понятий о них), способны выражать понятия и выступать в роли членов предложения. Знаменательные слова обладают той семантической общностью, на базе которой происходит объединение их в части речи (ср., например, выделение глаголов на основе общего для них значения процессуальности или существительных – на основе значения предметности и т.д.). Знаменательные слова выделяются и структурной оформленностью, наличием собственного ударения.

Служебные слова – это лексически несамостоятельные слова, т.е. они лишены номинативной функции, присущей знаменательным словам, в связи с чем они не называют предметов, признаков, действий, а служат лишь для выражения различных отношений между словами, предложениями, членами предложений, а также для передачи различных оттенков субъективной оценки. Служебные слова находятся на периферии словарного состава языка. Уступая знаменательным словам по численности, они, однако, значительно превосходят их по частотности употребления. Служебные слова, в отличие от знаменательных, не способны выступать в роли членов предложения (исключение составляют лишь те случаи, когда происходит их лексикализация, вследствие чего они становятся самостоятельными членами предложения, ср.: *У детей и охотников «почему» выходит из удивления, вопрос рождается в радостном соприкосновении с целостью мира* (М. Пришвин). Выделение служебных слов в отдельные части речи происходит не на основе их семантической общности (как у знаменательных слов), а на основе общности функциональной, способности выражать различные отношения (например, пространственные, причинные, временные, соединительные и т.д.). В этом смысле они близки аффиксам (словоизменительным суффиксам, префиксам, флексиям), однако в отличие от них, они выражают эти отношения «отдельно», тогда как аффиксы – только в рамках слова, поскольку самостоятельно они существовать не могут. Служебные слова не имеют и

своей структурной оформленности, т.е. в фонетическом отношении они, как правило, безударны.

Объем понятия «служебное слово» во многом определяется лингвистической позицией ученого, а также существующей грамматической традицией: грамматисты, например, XIX в. к служебным словам относили местоимения, числительные, предлоги, союзы, местоименные наречия, вспомогательные глаголы; грамматисты XX в. – предлоги, союзы, частицы (Л.В. Щерба, кроме того, сюда включал и глагольные связки *быть, являться*).

Лексикология рассматривает слово как двустороннюю единицу, обладающую планом выражения и планом содержания. В структурном отношении слово может состоять из одной или нескольких морфем – минимальных значимых частей слова (ср. *лес – лесник*). Однако в отличие от морфем, слово является самостоятельной единицей языка, характеризующейся определенной лексико-грамматической отнесенностью и свободной воспроизводимостью в речи. Слово и морфема принадлежат к разным уровням языка, что отражается на характере их функционирования: морфема реализует себя только в слове, слово же – в предложении. Как часть слова морфема совершенно не способна к самостоятельному синтаксическому употреблению, для нее характерна «жесткая» связь с другими морфемами в рамках слова (будучи использована в предложении, она сразу же превращается в служебное слово, ср., например, префиксы *за-, по-* и предлоги *за, по*), слово же не имеет такой «жесткой» связи с другими словами в предложении, оно способно отделяться от соседних слов «вставкой» или свободно перемещаться в предложении. Являясь минимальной значимой частью слова, морфема лишена тем не менее какой-либо грамматической оформленности, что не позволяет отнести ее к определенному лексико-грамматическому классу, т.е. к определенной части речи, слово же такой оформленностью обладает, поэтому многие слова способны к самостоятельному синтаксическому употреблению в качестве односоставных предложений.

Слово отличается от морфемы и своими функциями – назывной (или номинативной) и обобщающей, у морфемы же главная функция – строительная (словообразующая или словоизменяющая): хотя морфема так же, как и слово, обладает значением, поскольку она способна выражать понятия, но называть она не может (ср. морфему *бел-*, выражающую понятие «белизны», но это понятие может конкретизироваться лишь в слове, когда корневая морфема

соединится с другими морфемами, ср. *белить, белый, беловатый, белизна, беляк, белок* и др.).

Если в структурном плане в слове выделяется морфема, то в плане выражения – лексема. Лексема (< греч. *lexis* 'слово, выражение') – это звуковая оболочка слова, т.е. его «каркас», образуемый совокупностью всех его словоизменятельных форм (ср. *лесник, лесника, леснику* и т.д.). «Лексема как единица плана выражения слова противостоит семеме – его содержанию».¹ Конкретная реализация лексемы в тексте называется *лексой* (ср. *лесника, леснику* – это две лексы одной лексемы *лесник*). Совокупность всех лекс слова образует его лексему, а совокупность всех семем – его значение.

Как единица плана содержания семема имеет свою структурную организацию, объединяя в своем составе простейшие значимые единицы – семы, т.е. минимальные предельные единицы плана содержания. В процессе компонентного анализа значения слова его можно разложить на элементарные семантические компоненты (или семы): например, в русском языке слово *дядя* включает пять сем: 1) 'мужской пол'; 2) 'родственник'; 3) 'предшествование'; 4) 'расхождение в одно поколение'; 5) 'боковое родство'. Центральное место в структуре семемы занимает архисема – общая сема, объединяющая единицы определенного класса (в данном примере такой архисемой будет являться сема 'родственник'). Наряду с общей семой, в слове выделяются и дифференциальные семы, которые также входят в состав семемы (ср. все остальные выделенные нами семы). Совокупность этих сем служит основанием для противопоставления слова *дядя* другим словам, входящим в тематическую группу родства (*мать, тетя, брат, сестра* и др.). Иногда слово, употребляясь в том или ином контексте, может приобретать контекстуальные семы, возникающие в определенных ситуациях (например, *Циолковский – отец космонавтики*, где слово *отец* имеет контекстуальную сему 'основоположник').

Существует, однако, и другое определение лексемы – более узкое (А. Мартине, И.В. Арнольд) как единицы, выражающей значение лишь основы слова (лексема противостоит морфеме как знаменательный элемент, соотносящийся с корнем, служебному, представленному аффиксами), или как инвариантной лексической единицы (В.В. Виноградов) и более широкое (Д.Н. Шмелев, А.А. Уфимцева) – как совокупности всех форм и значений слова во всех его употреблениях (в этом случае лексема предстает как двусторонняя

¹ Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. // ВЯ, 1963, № 1.

единица, характеризующаяся формальным и смысловым единством: формальное единство выражается в общности словоизменительной основы всех форм слова, в принадлежности к одной и той же части речи, к определенному словоизменительному типу, а смысловое единство – в наличии семантической связи между отдельными лексико-семантическими вариантами лексемы).

СЛОВО КАК ЕДИНСТВО ЗВУКОВОЙ ФОРМЫ, МОРФЕМНОГО СТРОЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЯ

Многие ученые рассматривают слово в качестве основной единицы языка. По мнению акад. В.В. Виноградова, слово – это фокус, в котором отражаются все важнейшие свойства языка. Однако единого понимания природы слова, общепринятого его определения в науке до сих пор нет. В истории языкознания известно более 70 различных критериев определения слова. В их основе лежат графические, орфографические, фонетические, структурные, грамматические, синтаксические, семантические и системные принципы. Если попытаться обобщить определения слова с точки зрения их операционных критериев, то можно выделить следующие:

1) синтаксический критерий: Слово – это предельный минимум предложения (Л.В. Щерба). Слово – это минимальная синтаксическая единица (Р.О. Якобсон). Под эти определения не подходят, однако, служебные слова, которые не способны составить предложение;

2) семантический критерий: Слово – это минимальная значимая единица языка (А.А. Реформатский, Л. Ельмслев). Слово – это обозначение элемента действительности (В.В. Виноградов). Под словом, таким образом, понимается все, что выражает понятие, но фразеологический оборот или терминологическое словосочетание тоже выражают понятие, однако они состоят из нескольких слов;

3) морфологический критерий: Слово – это единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью (Д.Н. Шмелев). Целое слово отличается от его части смысловой и морфологической оформленностью (А.И. Смирницкий). Этот критерий позволяет отделить слово от сочетания слов, однако в некоторых языках морфологической оформленностью обладают и составляющие слово морфемы, ср. франц. *bonhomme* 'добряк', мн.ч. *bonshommes* 'добряки';

4) структурный критерий: Слово – это целостная единица языка, в которую не может быть включена другая последовательность то-

го же уровня (П.С. Кузнецов). Структурная целостность слова предполагает его непроницаемость, т.е. элементы слова не могут быть расчленены, переставлены, усечены без нарушения его семантической или грамматической целостности. Однако под этот критерий не подходят русские аналитические формы будущего времени, допускающие расчленение (ср. *буду читать* и *буду долго с интересом читать*) или отрицательные местоимения (ср. *никто* и *ни у кого*), а также отдельные образования типа *скалозуб* и *зубоскал*, *лизоблюд* и *блюдолиз*, допускающие передвижение морфем.

Иногда при определении слова используется графический критерий (слово определяется как последовательность знаков, ограниченная пробелами) или фонетический (указывается на наличие пограничных сигналов, свидетельствующих о начале и конце слова, единого ударения, определенной слоговой структуры и т.д.). Однако и эти критерии не абсолютны, т.к. в некоторых языках клитики пишутся отдельно от слова, но самостоятельными словами не являются; служебные слова не имеют, как правило, ударения, однако имеют статус слова.)

Лингвистическое несовершенство многочисленных определений слова побудило ученых отказаться от рассмотрения его в качестве основной единицы языка. «Понятие слова, – писал Соссюр, – несовместимо с представлением о конкретной единице языка... Не в слове следует искать конкретную единицу языка». ¹ Еще решительнее высказывался его ученик Ш. Балли: «Необходимо освободиться от неопределенного понятия слова». ² Так же скептически оценивал возможность определения слова и американский лингвист Э. Сепир: «Первое наше побуждение – определить слово как языковой символ, соответствующий отдельному понятию. Но подобное определение немислимо». ³ Об этом же в одной из последних своих работ писал и Л.В. Щерба: «В самом деле, что такое слово? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия «слово» вообще не существует». ⁴

Несмотря на это, попытки поиска определения слова продолжались. «Все многообразие особенностей отдельных языков, – писал А.И. Смирницкий, – может, однако, нисколько не препятствовать

¹ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 107.

² Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 315.

³ Сепир Э. Язык. М–Л., 1934, с. 26.

⁴ Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения. // Известия ОЛЯ, 1945, т. IV, вып. 5, с. 175.

определению «слова вообще», поскольку в этом многообразии выделяются и общие черты, выступающие как наиболее существенные признаки слова, при всех возможных отклонениях от типичных случаев».¹ К таким, учитывающим эти «существенные признаки», можно отнести следующие определения: слово – это единица языка, совмещающая в себе фонетические, грамматические и семантические признаки (Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А. Мейе, В.В. Виноградов); или: слово есть кратчайшая единица языка, самостоятельная по своему значению и форме (В.М. Жирмунский). Современная теория лексикологии исходит из определения слова как языкового знака, обладающего совокупностью внутренне связанных фонетических, грамматических и семантических признаков, ср. определение В.Г. Гака: слово – это основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка. В этих определениях акцентируется внимание на единстве всех трех сторон слова – фонетической, грамматической и семантической.

Как единица языка слово обладает своими характерными признаками, а именно: единообразием или цельностью, выделенностью и свободной воспроизводимостью в речи. Иногда этот предельный минимум признаков слова дополняется следующими: семантической валентностью (т.е. семантический потенциал слова, проявляющийся в его способности реализоваться в определенных значениях, вступая в те или иные отношения с другими словами); недвуударность (т.е. невозможность слова иметь более одного основного ударения); лексико-грамматическая отнесенность (будучи морфологически оформлено, каждое слово относится к определенному лексико-грамматическому ряду, что делает его способным к синтаксическому употреблению); непроницаемость (т.е. невозможность вставить в слово другое слово и тем более сочетание слов).

От фонем слово отличается своей двухмерностью, так как представляет собой органическое единство звучания и значения. От морфем оно отличается своей лексико-грамматической отнесенностью. От словосочетаний и фразеологических оборотов слово отличается акцентологически: оно, как правило, недвуударно или

(если это служебное слово) безударно, от предложно-падежных сочетаний оно отличается своей непроницаемостью.

Многоплановость слова позволяет в нем выделить следующие структуры: фонетическую (организованную совокупность звуков, образующих звуковую оболочку слова); морфологическую (совокупность грамматических и словообразовательных морфем); семантическую (совокупность значений – лексических и грамматических). Это единство звуковой формы, морфемного строения и значения слова делает его центральной единицей языка.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И ПОНЯТИЕ

Содержательная сторона слова, его внутреннее устройство – явление сложное, многогранное. Если попытаться «разложить» многочисленные определения слова на составляющие их компоненты, то со всей очевидностью выделяются три элемента:

1) предмет, для называния которого служит слово (ср. определение слова, предложенное О.С. Ахмановой: слово – важнейшая структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов, процессов, свойств);

2) звуковая оболочка (ср. следующее определение: слово – это звук или комплекс звуков, обладающих значением и употребляющихся в речи как самостоятельное целое – А.В. Калинин);

3) понятие о называемом предмете, возникающее в сознании человека (ср. слово – это кратчайшая единица языка, выражающая понятие о предмете, процессе, явлении действительности, их свойствах или отношениях между ними – Д.Э. Розенталь).

Все три элемента связаны между собой, образуя так называемый семантический треугольник, вершина которого – фонетическая оболочка слова, а два противоположных угла – предмет и понятие. Фонетическая оболочка слова (т.е. последовательность его звуков) связана в сознании человека и в системе языка, с одной стороны, с предметом действительности (явлением, процессом, признаком), а с другой – с понятием, с представлением об этом предмете. Понятие является основой формирования значения слова.

Значение слова – это отображение в слове представления о предмете (явлении, процессе, признаке). В значении слова закрепляется отношение слова к обозначаемому им предмету (или, как удачно сформулировал А.А. Реформатский, отношение факта языка к внеязыковому факту). Значение слова – это продукт мыслительной

¹ Смирницкий А.И. Проблема отдельности слова. // Вопросы теории и истории языка. М., 1952, с. 7.

деятельности человека. Оно связано с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение. От других форм отражения действительности, свойственных человеку, в частности от ощущения, восприятия, представления, значение слова отличается тем, что имеет обобщенный и обобщающий характер: все эти низшие формы отражения действительности отражают индивидуальное, а значение – общее (ср. ощущение жары или холода у каждого человека может быть индивидуальным, однако в значениях слов *жара* и *холод* отражены те общие и наиболее существенные признаки, которые сформировались в процессе познания внешнего мира).

Значение слова как его содержание связано с понятием как отражением в сознании человека предметов и явлений внешнего мира. В этом смысле в значении слова закреплено диалектическое единство языкового и внеязыкового содержания. «Будучи прикреплено к определенному звуковому комплексу, – писал акад. Д.Н. Шмелев, – значение вместе с ним образует слово, являющееся единицей языка и в качестве таковой связанное фонетически, грамматически и семантически с другими словами. Будучи отображением каких-то явлений внеязыковой действительности (в том числе, конечно, и психической жизни человека) оно включает в себя понятие об этих явлениях, которое и представляет собой его внутренний стержень».¹ Лексическое значение слова определяется, таким образом, через соотношенность его, с одной стороны, с соответствующим понятием (составляющим ядро лексического значения слова), а с другой – с остальными словами языка, т.е. через его место в лексической системе языка. Значение и понятие, следовательно, тесно связаны друг с другом, хотя это категории и неоднородные.

Понятие – это категория логики и философии. Оно представляет собой «результат обобщения и выделения предметов (или явлений) некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам. Обобщение осуществляется за счет отвлечения от всех особенностей отдельных предметов и групп предметов в пределах данного класса».² С точки зрения языкознания, «понятие – это мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений».³ И в том, и в другом определении указывается на обобщающий характер этой категории. Выраженное словом

понятие соответствует не отдельному, конкретному предмету, а целому классу однородных предметов, представляя таким образом высшую форму обобщения. И в этом смысле понятие и значение слова взаимосвязаны. Однако понятие как форма абстрактно-логического мышления относится к сфере логики, а значение как содержание языкового знака – к сфере языка, поэтому в целом они не совпадают. Последние работы в области теории и философии языка показали, что соотношение между понятием и значением может быть разным:

значение слова может быть шире понятия, так как понятие в слове одно, а значений может быть несколько, особенно у многозначных слов (слово *ядро*, например, выражающее понятие «внутренняя часть чего-либо», имеет несколько значений: 1) внутренняя часть плода, заключенная в твердую оболочку (*ядро ореха*); 2) внутренняя, центральная часть чего-либо (*ядро атома*); 3) важнейшая часть клетки животного и растительного организма и др.); кроме того, значение может включать субъективный элемент, оценочный компонент (ср. *дочь* – *дочурка*, *работа* – *работенка*), а понятие является объективным отражением действительности;

значение слова может быть уже понятия, так как оно может включать в себя лишь различительные признаки, тогда как в понятии закрепляются и интегральные признаки, являющиеся нередко более существенными признаками предмета или явления (ср., например, значение слова *гриб* «низшее растение, не образующее цветков и семян, размножающееся спорами» и более широкое понятие этого же слова: «низшее споровое растение без хлорофилла, не образующее цветка и семян, состоящее из мясистой шляпки различной формы и окраски, по большей части на ножке»);

значение может полностью совпадать с понятием, что наблюдается чаще всего в терминах (ср. лингвистические термины);

значение слова может полностью расходиться с его научным понятием (ср. значение слова *прямая* в геометрии: «кратчайшее расстояние между двумя точками» и в повседневной жизни «линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз»).

Понятие имеет нежесткие связи с языковой формой, т.к. оно может быть выражено словом или его основой (ср. возможность выражения понятия «белый» не только словами *белый*, *белизна*, *белить*, но и основой *бел-*), словосочетанием с различной степенью сложности (ср. *железная дорога*), а также предложением (ср. *стол* «род мебели, на которую ставят или кладут что-либо при работе, еде и т.д.»). Языковой формой выражения лексического значения является слово (в совокупности составляющих его морфем).

¹ Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 75.

² Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 513.

³ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, с. 383.

Отношения между понятием и значением, таким образом, чрезвычайно сложные, однако связь между ними прослеживается. Она выражается в том, что понятие лежит в основе лексического значения, хотя границы его иногда могут быть и нечеткими, размытыми. Как справедливо указывает В.Г. Гак, оно имеет четкое ядро, благодаря чему обеспечивается устойчивость лексического значения слова и взаимопонимание, и нечеткую периферию, благодаря чему значение слова может как бы «растягиваться», что делает возможным возникновение переносных значений.

Понимание различий между значением слова и понятием привело ученых к пересмотру отношений между предметом, фонетической формой слова, его значением и понятием, вследствие чего «семантический треугольник» был модифицирован в «семантическую трапецию»: если в семантическом треугольнике значение слова и понятие совпадали в одной вершине и не дифференцировались, то в семантической трапеции этого не наблюдается, поскольку вершину трапеции образуют понятие и значение, а основание предмет и фонетическая оболочка слова. Такое схематическое изображение соотношения этих компонентов представляется более удачным, т.к. прямой связи между словом (знаком) и предметом нет: она опосредована мышлением и языком, отражающими существующий мир (исключение составляет лишь небольшая группа звукоподражательных слов типа *кукушка*, *мяукать*, *апчхи* и др.).

Не менее сложным является и вопрос о соотношении слова и понятия. Современное языкознание и формальная логика представили новые аргументы, свидетельствующие об отсутствии параллелизма между словом как языковой единицей и понятием как мыслительной категорией: 1) одно и то же слово может выражать несколько понятий (что ведет к возникновению явлений полисемии и омонимии); 2) одно и то же понятие может быть выражено разными словами, т.е. иметь несколько способов выражения (на этом основано явление синонимии); 3) понятие может не иметь однословного выражения (ср. *Московская область*); 4) в языке встречаются слова (например, *междометия*), которые вообще не выражают понятия и, наоборот, существуют понятия, не имеющие в языке своей узуальной единицы (ср. в русском языке есть слово *старшекласник*, но нет лексемы для обозначения учащихся младших классов); 5) с развитием общества содержание понятия может измениться, а слово (или точнее – лексема) сохраняется в языке в неизменном виде: *будильником* в русском языке назывался раньше монах, который будил монашескую братию по утрам, а сейчас так называются часы и т.д.

Сложным является и вопрос о соотношении служебных слов с понятием и значением. Одни ученые считают, что служебные слова, а также имена собственные и междометия не связаны с понятием и значением, другие полагают, что косвенная соотношенность с понятием у них есть. Она проявляется в том, что эти имена в сознании говорящих «подводятся» под тот или иной класс предметов и связываются с соответствующими понятиями (слово *Нева*, например, – под класс «река», *Борис* – под класс «лицо мужского пола», *тьфу* соотносится с понятием отвращения, презрения и т.д.).

СЛОВО И ПРЕДМЕТ

Слово как основная структурно-семантическая единица языка служит для именованья предметов и явлений действительности. Обозначаемый словом предмет (в широком смысле) в языкознании называют денотатом (< лат. *denotatum* 'обозначаемое'). Денотатами слова являются предметы (как реальные, так и ирреальные), события, свойства, действия, чувства, ощущения, связанные с внутренним миром человека, моральные и логические понятия, сложившиеся в процессе духовного развития общества и т.д. В зависимости от характера соотношения слова с его денотатом различают два основных вида предметной отнесенности слова:

1) общая предметная отнесенность, т.е. отнесенность понятия слова к целому классу однородных предметов (или денотатов), обладающих общими признаками (например, слово *стол* обозначает в русском языке любой стол независимо от того, сколько у него ножек, из какого материала он сделан, прикреплен ли он к стене или стоит отдельно);

2) частная предметная отнесенность, т.е. отнесенность понятия слова к конкретному предмету, признаку, свойству, действию (ср. предложение: «*В углу стоял поцарапанный, колченогий стол*»).

У знаменательных слов предметная отнесенность может быть разной. Имена собственные обладают только частной предметной отнесенностью (например, *Москва* – это вполне определенный город, стоящий на берегу Москвы-реки; *Пушкин* – это тоже определенный человек, родившийся в 1799 г. и погибший в 1837 г., написавший роман «*Евгений Онегин*» и т.д.), причем это относится к любому имени собственному, так как каждое из них имеет свои собственные, независимые друг от друга и не связанные друг с другом предметные отнесенности. Имена нарицательные имеют

оба вида предметной отнесенности: в системе языка, в отвлечении от конкретного текста, они выступают в общей предметной отнесенности, однако в речи или в тексте, кроме общей, они приобретают частную отнесенность (ср. «Иван Иванович – добрейший человек»: у слова *человек* в этом контексте частная предметная отнесенность. «Человек – это звучит гордо» – общая). Заместительные слова (местоимения, местоименные наречия) в системе языка обладают только общей предметной отнесенностью («я» – любой говорящий, «ты» – любой собеседник и т.д.), а в речи – только частной (ср. «я» – это вполне конкретное лицо, автор высказывания, «ты» – вполне конкретный собеседник, участвующий в разговоре).

Предметная отнесенность знаменательных слов в процессе развития языка может, однако, меняться. Имя собственное, например, может перейти в класс нарицательных (ср. *донжуан, макинтош, маузер* и т.д.) и приобрести способность обозначать целый класс однородных предметов (ср. *палех, болонья, бордо* и т.д.). Имя нарицательное, наоборот, может перейти в разряд имен собственных (ср., например, клички животных типа *Шарик, Стрелка* и др.) и потерять общую предметную отнесенность, сохранив лишь частную. Заместительные слова, когда они лексикализуются, также могут легко переходить границу с нарицательными именами (ср. *наше внутреннее «я»*). Субстантивируясь, они получают общую предметную отнесенность, свойственную этим именам.

МОТИВИРОВАННОСТЬ СЛОВА

Слово характеризуется неразрывной связью его внешней и внутренней формы, т.е. его звуковой оболочки и образным способом выражения его значения. Однако в одних словах эта связь с течением времени как бы «стирается» и говорящими уже не ощущается (ср., например, такие слова, как *дом, стол, окно* и др.), а в других она остается достаточно прозрачной и понятной носителям языка (ср., например, такие слова, как *подоконник, пятница, подснежник* и т.д.). Мотивированность слова – это сохранение в его семантической структуре связи звучания со значением, т.е. это своеобразное «обоснование» звукового облика слова, осознаваемое носителями языка, наглядный «образ» значения слова. Содержание слова благодаря мотивированности находит свое открытое выражение в его внутренней форме. Внутренняя форма слова – это его семантическая и структурная мотивация другим словом (или осно-

вой), на базе которых оно возникло (ср., например, ярко выраженную внутреннюю форму таких слов, как *мухомор, черника, подберезовик, пятьсот* и др.). Благодаря сохранившейся в этих словах внутренней форме нам становится понятно, как происходило движение мысли человека в момент называния и почему эти слова имеют такой звуковой комплекс.

Проследив судьбу отдельных слов, историю их возникновения, А.А. Потебня в свое время высказал мысль, что в основе развития языка лежит смена поэтического мышления, отражающегося во внутренней форме слова, прозаическим. В слове А.А. Потебня выделял три составных элемента: 1) внешнюю форму (т.е. звучание); 2) значение; 3) внутреннюю форму слова, его образ. На ранних ступенях развития мышления человек при наименовании того или иного предмета брал такой признак, который более всего бросался в глаза и/или имел наиболее важное значение. Внутренняя форма слова и есть тот признак, который возобладал над всеми остальными признаками предмета при его назывании. Благодаря внутренней форме слова раскрывается движение человеческой мысли в момент наименования предмета, причина, по которой то или иное значение оказалось связанным с определенным комплексом звуков (ср., например, русское слово *переулок*: значение его можно представить как ‘маленькая улица’, однако морфемное строение этого слова подсказывает еще одну деталь, связанную с городской топографией: большие улицы города, как правило, пересекаются маленькими переулками, т.е. сема ‘пересекающая’ выражена в этом слове префиксом *пере-*, а сема ‘маленькая’ – суффиксом *-ок* (<ъкъ).

Не случайно внутреннюю форму слова часто определяют как мотивационный признак, положенный в основу номинации при образовании слова или его нового лексического значения. Причем выбор этого признака не всегда определяется его существенностью, часто это может быть любой отличительный, бросающийся в глаза признак, который становится как бы «представителем предмета», характеризуя его с той или иной стороны. Именно поэтому в разных языках один и тот же предмет может быть назван по-разному (ср., например, название портного: рус. *портной* (< *порты* ‘одежда’), нем. *Schneider* (< *schneiden* ‘резать’), сч. *кројач* (< *кројити* ‘кроить’); или воскресного дня недели в блг. *неделя* (< не делать) и англ. *Sunday* буквально ‘день (бога) солнца’, т.е. в каждом из этих названий актуализируются разные признаки). Это, однако, не исключает и наличия в языках общей внутренней формы в названии одной и той же реалии (ср., например, название *подснежника*: нем. *Schneeglö-*

скачен буквально 'снежный колокольчик', англ. *snowdrop* 'снежная капля', франц. *perce-neige* 'пробивающийся через снег' и рус. *подснежник*, т.е. буквально 'находящийся под снегом').

Мотивирующие признаки могут быть самыми разными, в том числе звукоподражательными (ср. рус. *кукушка* или диал. *каркуша* 'ворона') или описательными (ср. рус. *дворник* 'работник, поддерживающий чистоту и порядок во дворе и на улице около дома' или *столяр* 'рабочий, занимающийся обработкой дерева и изготовлением изделий из него').

Внутреннюю форму имеют, как правило, два класса слов:

1) производные слова, т.е. слова, сохраняющие в своей словообразовательной структуре указание на соотношенность с другими словами или морфемами, от которых они образованы (ср., например, *волчица*, *молочница*);

2) слова, употребленные в переносном значении (ср., например, *дуб* 'о глупом человеке' или *зеленый* 'о юноше' и т.д.).

С течением времени слово, однако, может утрачивать свою внутреннюю форму (ср., например, такие слова, как *вода*, *земля*, *мать*, *хлеб*, которые утратили свою мотивированность), а иногда, изменяя вследствие переосмысления, приобретает новую (ср., например, изменения, которые произошли во внутренней форме слова *понедельник*: первоначально она была связана с древнерусским словом *недѣла* 'воскресенье', т.е. *понедельник* – это «день, идущий после воскресенья», а с утратой этого значения у слова *неделя* *понедельник* приобрел новую внутреннюю форму – «день, идущий после (предшествующей) недели». Причины утраты внутренней формы слова – самые разные. Они могут быть связаны:

1) с утратой в языке мотивирующего слова (ср., например, потерю внутренней формы словами *кольцо*, *колесо*, *калач* в связи с тем, что в русском языке вышло из употребления слово *коло* 'круг, колесо') или признака, ранее характерного для предмета (ср., например, потерю внутренней формы словом *город* в связи с утратой признака, по которому он был назван: современные города уже не огораживаются стенами; хотя в русском языке и сохранился глагол *городить*, однако связь этого глагола со словом *город* говорящими уже перестала осознаваться);

2) с фонетическими изменениями, которые претерпело слово в процессе исторического развития языка (ср., например, утрату внутренней формы словами связанными по своему происхождению *цена* и *каяться*, *коса* и *чесать*);

3) с процессами заимствования (ср., например, рус. *слесарь*, заимствованное из немецкого языка, где оно имело свою мотивацию: нем. *Schlosser* < *Schloß* 'замок') и др.

Однако самой главной причиной утраты словом своей внутренней формы, как совершенно справедливо указывает Ю.С. Маслов, является избыточность, ненужность его мотивировки с того момента, когда оно стало привычным. Употребляясь постоянно, слово становится постепенно общеизвестным, к нему привыкают, на его структуре перестают останавливаться мыслью, и его внутренняя форма уходит как бы «в тень». Достаточно небольших изменений в фонетической или лексической системе, вследствие которых мотивирующее слово уходит в пассивный запас языка (или вовсе утрачивается), как его связь с производным словом обрывается, и внутренняя форма слова забывается. Не случайно самые простые, но самые важные для человека слова относятся в современном русском языке к немотивированным, утратившим свою внутреннюю форму (ср., например, такие слова, как *мать*, *отец*, *земля*, *вода*, *солнце* и др.). Воссозданием утраченной внутренней формы слова занимается этимология – наука, изучающая происхождение слов, реконструирующая их первичную форму и значение.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Семантическая структура слова – явление многоплановое, объединяющее разные типы значений. «Слово включает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, – писал А.А. Потемня, – и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание слова подводится наравне с содержанием многих других».¹ Указание на «общие разряды» составляет сущность грамматического значения слова, указание же на «известное содержание, свойственное только ему одному» – сущность лексического значения:

Грамматическое значение слова – это обобщенное, абстрактное языковое значение, присущее словам (их словоформам, синтаксическим конструкциям), имеющее в языке регулярное (стандартное) выражение: например, в словоформе *несем* грамматическое значение 1 лица, множественного числа, настоящего времени нахо-

¹ Потемня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958, с. 35. 5-162

дит свое регулярное стандартное выражение благодаря глагольным флексиям *-ом/-ем*. Грамматическое значение слова определяется путем соотношения его с другими формами и вычленения из него лексического и словообразовательного значений: например, грамматическое значение времени в глаголах *еду – ехал – буду ехать* выявляется после исключения их лексического значения 'передвижение в пространстве с помощью транспортных средств'.

В области морфологии к грамматическим значениям относятся категориальные значения слов как частей речи (например, значение предметности у существительных, процессуальности у глаголов, признаковости у прилагательных и т.д.), а также частные значения словоформ, противопоставляемые друг другу в рамках парадигмы (например, значение лица, падежа, числа и др.). В области синтаксиса к грамматическим значениям относятся значение предикативности, значение семантического субъекта или объекта и др.

К грамматическим значениям относят нередко и словообразовательное значение как обобщенное, абстрактное значение, выраженное внутрисловными средствами производных, мотивированных слов (ср. классифицирующее значение 'носителя признака' в слове *мудрец* или 'производителя действия' в слове *учитель* и др.). Словообразовательное значение – это то новое обобщенное значение, которое появляется в слове в результате словообразовательного акта. Оно представляет собой определенное смысловое соотношение между членами словообразовательной пары – производящим и производным словами. Устанавливается оно через соотношение производного слова с его производящим. Словообразовательное значение так же, как и грамматическое, являются формально выраженным значением, присущим целому классу слов, объединенных общим аффиксом (например, слова *синеть, белеть, чернеть, зеленеть* объединены словообразовательным значением 'становиться синим, белым, черным, зеленым', а слова *домик, листик, столик* объединены значением уменьшительности).

Грамматическое и словообразовательное значения противостоят лексическому как абстрагированные языковые значения, присущие целому классу слов, значению индивидуальному, присущему одному конкретному слову, не имеющему в языке регулярного (стандартного) выражения.

Лексическое значение слова – это его содержание (т.е. устанавливаемая нашим мышлением соотношенность между звуковым комплексом, понятием и предметом, обозначаемым этим комплексом), в котором раскрывается представление о предмете, принятое

языковым коллективом и закрепленное в процессе общественной коммуникации, т.е. ставшее фактом языка.

Лексическое значение слова является менее абстрагированным, чем грамматическое и словообразовательное, которые отличаются высокой степенью абстрактности.

Лексическое значение слова является центральным, тогда как грамматическое и словообразовательное – периферийными (существует, однако, и другая точка зрения, согласно которой соотношение этих значений прямо противоположное).

Лексическое значение слова – индивидуально, хотя общие смысловые компоненты могут объединять целые группы слов (ср., например, глаголы *идти, ехать, ползти, брести, плыть, лететь* и др., в которых общим смысловым элементом является 'двигаться, перемещаться в пространстве').

Лексическое значение разных слов неодинаково по своей сложности и структуре (ср., например, лексическое значение глаголов *подняться, взойти, взобраться, вскарабкаться*, различающихся степенью сложности своего лексического значения: *подняться* 'переместиться вверх', *взойти* 'идя, подняться наверх', *взобраться* 'подняться наверх с усилием, преодолевая трудности', *вскарабкаться* 'подняться наверх, цепляясь руками и ногами'). Семантическая структура отдельных слов может быть довольно сложной. Она может состоять из нескольких типов лексического значения слова (так называемых лексико-семантических вариантов), среди которых выделяются основные (или первичные, прямые) значения и переносные (вторичные), ср., например, значение слова *стол*: прямое, основное значение этого слова 'род мебели', переносных же – несколько: 'питание' (ср. *снять комнату со столом*), 'пища' (ср. *диетический стол*), 'учреждение, ведающее каким-либо специальным кругом дел' (ср. *паспортный стол, стол заказов*) и т.д.).

Отношения прямого и переносного значений сложны и запутаны. В языкознании существует несколько точек зрения на характер этих семантических отношений, а именно: 1) все значения многозначного слова равноправны и независимы (В.А. Звегинцев); 2) значения многозначного слова находятся в иерархических отношениях (В.В. Виноградов, А.А. Уфимцева); 3) между значениями многозначного слова возможны как иерархические, так и независимые отношения (В.Г. Гак, М.В. Никитин).

Лексическое значение слова во многом определяется его местом в лексической системе языка, т.е. его связями с другими словами языка. Характер этих связей у разных слов неодинаковый: одни

слова обладают относительно автономным, т.е. не связанным с другими словами значением (они обозначают чаще всего конкретные предметы, например, *лодка, трава*), другие – семантически связанным или соотносительным значением (ср. слова *день* и *ночь*, значения которых связаны антонимическими отношениями), третьи – детерминированными значениями, т.е. значениями, обусловленными другими словами, от которых они отличаются своей стилистической или эмоционально-экспрессивной окраской (ср., например, слова *прекрасный, замечательный, великолепный, отличный* и т.д.), а также соотношением ядерных и периферийных компонентов значения: если ядерное значение является общим (или инвариантным) значением для целого класса слов, то периферийные значения могут неограниченно варьироваться (ср., например, соотношение ядерного компонента ‘говорить’ и периферийных значений ‘взаимный речевой контакт’, ‘быстро’, ‘медленно’, ‘невнятно’ в словах *говорить, произносить, разговаривать, тараторить, мямлить, бурчать, бубнить, ворчать* и т.д.).

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

Являясь основным элементом языка, слово для каждого человека представляет реальность: хотя люди говорят фразами, они понимают и знают язык прежде всего через слова, так как именно слово служит средством закрепления в памяти и передачи из поколения в поколение знаний и опыта людей.

В языке слово включено в четыре основных типа отношений: 1) отношение к предметам и явлениям внешнего мира; 2) отношение к понятию; 3) отношение к чувствам и желаниям человека; 4) отношение к другим словам языка.

В соответствии с этим в структуре лексического значения слова различают несколько его видов:

1) денотативное значение: обозначаемый словом предмет (в широком смысле) в языкознании называют денотатом (< лат. *denotatum* ‘обозначенное’), поэтому денотативное значение – это значение, которое характеризует соотношенность слова с обозначаемым предметом (ситуацией), т.е. это отношение фонетического слова к конкретному обозначаемому предмету, объекту речи (*стол, лес*);

2) сигнификативное значение: обозначаемое словом понятие (в широком смысле) в языкознании называют сигнификатом (< лат. *significatum* ‘обозначаемое’, франц. *signification* ‘смысл’), поэтому

сигнификативное значение – это отношение слова к понятию, обобщенному мысленному представлению о классе объектов (*стол* «род мебели, на которую ставят или кладут что-либо при работе, еде и т.д.»); именно сигнификативное значение является основным для лексикологов, которые часто его называют просто значением;

3) эмотивное (или коннотативное < лат. *connotatio* ‘дополнительное значение’) значение – это значение, связанное с эмоционально-экспрессивным и оценочным отражением предметов и явлений внешнего мира. В отличие от стилистически нейтрального сигнификативного значения слова, эмотивное значение стилистически маркировано, оно является эмоционально-экспрессивным выражением говорящим оценки (положительной или отрицательной), ср. *глаза* (нейтральная оценка) и *очи* (высокая); эмотивное значение всегда обусловлено значением других (нейтральных) слов, являясь их экспрессивным или стилистическим вариантом (ср. *кляча* – это не просто ‘лошадь’, а ‘старая, больная, т.е. плохая лошадь’), поэтому в словарях его часто сопровождают пометы *неодобр., презрит., уничиж.* и др. Иногда это широкое определение эмотивного значения сужается и под коннотацией понимается лишь дополнительное оценочное сознание слова (закрепленная в культуре общества ассоциация), которое известно всем носителям языка, хотя в словарях и не фиксируется (ср. коннотации слова *свинья* в русском языке – «неопрятность, примитивное и хамское поведение» или слова *заяц* – «трусость»);

4) структурное значение – это соотносительное значение, указывающее на отношение слова к другим словам языка, с которыми оно может вступать в синтагматические и парадигматические отношения, в связи с этим выделяются два подвида этого значения:

а) синтагматическое структурное значение – это значение, которое характеризует линейные отношения слова, его семантическую дистрибуцию и валентность, т.е. его способность вступать в смысловые отношения с другими лексическими единицами, например, слово *пить* может сочетаться только со словами, обозначающими жидкость (*воду, чай, кофе, молоко*), а не твердое вещество (*хлеб, сыр, сахар*), что определяется законом семантического согласования, в соответствии с которым в смысловые отношения могут вступать только те единицы, которые имеют общие семантические компоненты (таким общим семантическим компонентом в слове *пить* и *воду, чай, кофе...* является сема ‘жидкость’, она и разрешает эти сочетания и одновременно запрещает сочетания со словами, обозначающими твердые предметы). Именно семантическая валентность слова определяет его дистрибуцию в языке. У раз-

ных слов она неодинакова: одни слова обладают активной валентностью, т.е. способностью подчинять себе другие лексические единицы (ср, например, одно, двух и трехвалентные глаголы *светать*, *хранить*, *иметь*, *находиться*), другие – пассивной, т.е. способностью подчиняться другому, господствующему компоненту сочетания (ср. *бежать очень быстро*), у одних слов она обязательная (ср. *оказать помощь*), у других – факультативная (ср. *читать книгу*);

б) парадигматическое структурное значение – это значение, характеризующее вертикальные отношения слова, входящего в определенный класс (в синонимический ряд, в антонимическую или лексико-семантическую группу, в семантическое поле).

Структурное значение помогает определить место слова в лексической системе языка путем противопоставления его другим словам, входящим в систему, и установления его роли и отношений со всеми другими лексическими единицами языка. В этом случае выявляется значимость слова (т.е. то, что Ф. де Соссюр называл *va-leur*): значимость слова *вечер* определяется его промежуточным положением в парадигме между словами *день* и *ночь* как ‘конец дня’.

Лексическое значение слова формируется в нашем сознании на основе прямых или ассоциативных связей звукового комплекса с предметом и явлением внешнего мира. В зависимости от характера соотношения слова с обозначаемым им объектом, различают основное (или прямое) и производное (или переносное) значения слова.

Основное (или прямое) лексическое значение – это значение, непосредственно связанное с отражением явлений объективной действительности. Это первичное, стилистически нейтральное значение слова, у которого нет образности, которое практически не зависит от контекста и которое сразу же возникает в сознании говорящего при произнесении слова вне контекста (ср. значения слов *книга*, *тетрадь* и др.). Прямое значение слова совпадает с его главным значением (сочетаемость слова определяется предметно-логически и не знает каких-либо собственно языковых ограничений).

В процессе исторического развития языка лексическое значение слова может нередко усложняться. Наряду с обозначением конкретного предмета или явления, слово начинает употребляться в качестве названия другого объекта внешнего мира (особенно если он имеет с первым какие-либо общие свойства или признаки). Так возникает переносное или производное значение.

Производное значение – это вторичное значение слова, приобретенное им в процессе исторического развития языка и функционирующее наряду с прямым. В отличие от основного значения,

оно всегда является контекстуально обусловленным (ср. значение ‘манера письма, почерк’ у слова *рука*) и обладает живой или частично потухшей образностью (ср. *колокольчик* ‘цветок’: перенос значения с предмета на цветок произошел на основе сходства по форме).

В зависимости от способности слова реализовывать свое значение в контексте или вне его (т.е. синтагматической обусловленности или необусловленности его значения) различают свободные и несвободные значения – фразеологически связанные и синтаксически (или функционально) обусловленные.

Свободное лексическое значение – это значение слова, не предопределяемое контекстом. Это самостоятельное значение слова, которое не зависит от контекста и сохраняется у него в любой речевой ситуации. Сфера употребления слов, имеющих свободное лексическое значение, их связи и отношения с другими словами языка определяются не внутренними законами лексической системы, а предметно-логически, поэтому слова, обладающие этим значением, образуют свободные сочетания (например, слово *шея* как часть человеческого тела может быть *длинной*, *грязной*, *загорелой*, *тонкой* и т.д., однако предметно-логические связи этого слова не допускают сочетаний типа *мелкая шея* или *смысловая шея* и под.).

Фразеологически связанное значение – это значение слова, предопределяемое контекстом. Оно реализуется только в составе устойчивых оборотов, фразеологических сочетаний, т.е. полностью зависит от контекста. Слова, обладающие этим значением, могут сочетаться лишь с определенными словами (например, слово *безысходная* только со словами *тоска*, *печаль*, *скорбь*, хотя с логической точки зрения безысходными, т.е. не имеющими конца, могут быть и разговоры, и упреки, однако лексическая система русского языка «накладывает запрет» на подобные сочетания, не допускает их). Это и служит доказательством того, что связи данного слова с другими словами языка являются не свободными, обусловленными предметно-логически (как у слов со свободным лексическим значением), а избирательными, поскольку зависят от внутренних законов лексической системы русского языка. В разных языках эта избирательность проявляется по-разному, порождая национальную самобытность и своеобразие языка (ср. рус. *затеять ссору* и франц. *chercher noise* ‘искать ссору’; рус. *виновник пожара* и франц. *l'auteur de l'incendie* ‘автор пожара’).

Синтаксически (или функционально) обусловленное значение – это значение, которое приобретает словом в определенной синтаксической функции, а именно, когда оно выступает в пред-

ложении в функции сказуемого (предиката), поэтому его называют также предикативно-характеризующим значением. Этим значением обладают, как правило, слова, являющиеся экспрессивно-эмоциональными оценками лиц или предметов объективной действительности (ср., например, значение 'ротозей' у слова *ворона* в предложении: «*Эх ты, ворона, не заметил, как кошелек украли*»).

Некоторые ученые выделяют также конструктивно обусловленное значение, т.е. значение, которое возникает у слова только в определенной грамматической конструкции (в сочетании со словами, стоящими в определенной форме), например: слово *богатство* в сочетании с существительным в форме род.п. мн.ч. имеет значение 'многообразие', ср. *богатство красок* или слово *играть* в сочетании с существительным в вин.п. (*играть в футбол, вoleyбол*) имеет значение 'проводить время в каком-либо занятии', а в сочетании с существительным в предл.п. с предлогом на (*играть на фортепьяно*) имеет значение 'исполнять музыкальное произведение'.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА

Многозначность слова или полисемия (< греч. *poly* 'много' и *sema* 'знак') – это наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений. Многозначность слова возникает в процессе исторического развития языка, когда слово вследствие семантических переносов, наряду с обозначением одного предмета или явления объективной действительности, начинает использоваться для обозначения другого, сходного с ним по некоторым признакам или свойствам. Потенциально любое слово языка может приобрести новое значение, когда в этом возникнет потребность, поэтому многозначных слов в языке, как правило, больше, чем однозначных. В русском языке, например, особенно много многозначных слов среди лексики исконно русского происхождения или длительного употребления (ср., многозначные слова *дом, земля, поле, звезда, хлеб* и др.).

Семантическое развитие слова происходит, как правило, в двух направлениях: 1) путем смены денотатов, когда идет перенос наименования с одного предмета или действия на другой; 2) путем обогащения понятия и углубления значения слова. Несмотря на изменения, которые происходят в семантической структуре слова, связь между значениями многозначного слова сохраняется. Наличие этой связи и дает основания считать их значениями одного и

того же слова, но квалифицировать как лексико-семантические варианты. Любое многозначное слово состоит из совокупности взаимосвязанных элементарных лексических единиц или лексико-семантических вариантов (слово *поле* в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (1975) имеет несколько таких ЛСВ: 1) безлесная равнина; 2) обрабатываемая под посев земля; 3) большая площадка, оборудованная для спортивных состязаний; 4) чистая полоса вдоль края листа в книге и т.д., однако все эти значения (или ЛСВ слова *поле*) связывает между собой сема 'место').

Связь между значениями многозначного слова проявляется нередко в наличии общих ассоциативных признаков, объединяющих эти значения, ср., например, связь значений в слове *тень*: основное значение его 'темное отражение на чем-нибудь от предмета, который освещен с противоположной стороны' (*тень от дерева*), а одно из переносных – 'слабый след, слабое подобие чего-либо' (*тень улыбки, тень сомнения*): переносное значение связано с основным лишь по ассоциации.

Система значений многозначного слова организована иерархически, т.е. выделяются основные (или главные) и производные значения. Основные значения наименее контекстно обусловлены (именно они возникают в сознании говорящих при произнесении слова вне контекста), тогда как производные (или переносные) реализуются только в контексте (ср., например, значения глагола *смотреть*: основное его значение 'направлять взгляд, чтобы увидеть кого-нибудь или что-нибудь': *смотреть в окно, в зеркало, на часы* и т.д.; производное – 'иметь вид': *смотреть молодцом*).

При описании системы значений многозначного слова и их иерархии обычно выделяют два типа отношений его значений – главное и частное и инвариантное и вариантное значения слова.

Инвариантное значение слова – это предельно обобщенное, абстрактное и семантически наиболее простое значение, выделяемое в слове в отвлечении от его конкретных модификаций – вариантов и свойственное всем его семантическим вариантам: (например, инвариантным значением слова *вода*, имеющего такие значения, как 'прозрачная, бесцветная жидкость', 'напиток для утоления жажды', 'водная поверхность', 'водное пространство' и т.д. является значение H₂O). Отношение всех остальных значений слова (ЛСВ) к его инвариантному значению позволяет установить семантическую иерархию его значений по степени близости к инвариантному значению: центральные значения являются семантически наиболее

простыми, тогда как периферийные – семантически более сложными, а потому дальше отстоящими от инвариантного значения слова.

В процессе исторического развития языка соотношение между инвариантным и вариантным значениями слова может меняться: исторически вторичные значения могут выдвигаться на первый план, ср., например, эволюцию значений слова *трущоба*: в современном русском языке исторически переносное значение 'грязная, тесно застроенная часть города, обычно на окраинах, где живет беднота' закрепилось как инвариантное, тогда как исторически основное значение 'труднопроходимое место' превратилось в метафору, т.е. в переносное вариантное значение.

Главное и частное значения выделяются на иной основе, а именно на функциональной, когда учитывается поведение слова в контексте. Главное значение слова – это значение, в наименьшей степени обусловленное контекстом, а частные значения – это значения, в наибольшей степени зависящие от контекста. Слово в главном значении обладает широкой сочетаемостью (в чем и проявляется его независимость от контекста, ср. сочетания слова *вода* в первом значении 'прозрачная бесцветная жидкость': *прозрачная, холодная, питьевая, проливать, носить, вкус, запах, стакан, течение*). В частных значениях слово имеет ограниченную, избирательную сочетаемость (ср. сочетание слова *вода* в значении 'водное пространство': *внутренние воды, территориальные воды, нейтральные воды*).

Чем проще значение слова, тем шире его сочетаемость, и наоборот, чем оно сложнее, тем сочетаемость уже.

Развитие полисемии происходит чаще всего путем метафоризации, которая может идти в разных направлениях: от мира природы к миру человека (ср. экспрессивно-оценочные характеристики человека типа *медведь, зверь, лиса*, и т.д.), внутри самого мира природы – от одного явления к другому (ср. *хвост животного* и *хвост кометы*), внутри самого мира человека (ср. *сердечный человек*). Однако главное направление метафоризации – от мира человека к миру природы (ср. многочисленные названия предметов производства типа *головка, шляпка, ушко, кулачки* и т.д.).

Перенос значения совершается обычно на основе сходства или смежности предметов (явлений) внешнего мира. В зависимости от того, как происходит перенос значения, различают метафору, метонимию (а также синекдоху как частный случай метонимии).

Метафора (< греч. *metaphora* 'перенос') – это перенос наименования по сходству. Сходство между предметами и явлениями объективной действительности может быть основано на самых

разных признаках, ср. сходство по цвету (*изумрудная трава*), по форме (*гребень волны*), по функции (*фартук машины*), по расположению предмета (*нос лодки*), по характеру движения (*гусеница трактора*) и т.д. В разных языках это сходство может видеться по-разному (ср., например, название отверстия в иголке для продевания нитки: в русском языке оно названо по сходству с ухом (*ушко*), а во французском и английском – по сходству с глазом (англ. *eye*, франц. *oeil*). Метафора может использоваться и при именовании абстрактных понятий (ср. рус. *червь сомнений*, франц. *examen blanc* 'экзамен без оценки, зачет'), а также в названиях лиц по их характерным свойствам или качествам (ср. рус. *лиса* 'хитрый, лстивый человек', *лев* 'сильный и смелый человек', франц. *être vert* 'быть крепким (о человеке)', где сема 'крепкий' передается прилагательным *vert* 'зеленый' и т.д.). В этом случае метафорический перенос осуществляется не по внешнему, а по внутреннему сходству, лежащему в основе впечатления, оценки, ощущения (ср. рус. *сухой ответ, теплая встреча, холодный прием*). Использование слов с конкретно-предметным значением вносит в эти наименования семантический компонент оценки (ср., например, французские метафорические уничижительные названия лиц, в основе которых лежат названия овощей или фруктов, ср.: *gourde* 1) 'тыква'; 2) разг. 'балда'; *poire* 1) 'груша'; 2) разг. 'простофиля'; *cornichon* 1) 'огурчик'; 2) разг. 'придурок').

Метонимия (< греч. *metonymia* 'переименование') – это перенос наименования по смежности, на основе внешней или внутренней связи между предметами. В этом случае денотаты хотя и не сходны между собой, но определенным образом связаны друг с другом, так как находятся рядом в пространстве или во времени, один денотат может быть причиной, а другой следствием, один действием, а другой деятелем и т.д. Перенос наименования может происходить, например, на основе пространственной смежности предметов (ср. в русском языке значения слов *дом, класс, школа, квартира*, которые могут называть не только здание или помещение, но и группу, коллектив людей), смежности между предметом и материалом, из которого он сделан (ср. «Не то на серебре – на золоте едал» – А.С. Грибоедов; франц. *le cuivre* 'медь', *les cuivres* 'духовые трубы'), смежности между предметом и содержимым (ср. «Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!» – И.А. Крылов), между действием и орудием этого действия (ср. «Перо его местию дышит!» – А.К. Толстой), между автором и его произведением (ср. «Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал» – А.С. Пушкин) и т.д.

Смежность в пространстве часто является основой переноса географического названия на предмет, вещество, изделие, связанные с этим местом (например, название о. Кипр было перенесено на название меди: лат. *cuprum*, название Китая – на название фарфора: англ. *china*. Особенно характерна такая метонимия для названий вин (ср. *херес, бордо, коньяк*).

Синекдоха (< греч. *synekdochē* ‘соподразумеваемость’) – это перенос наименования по признаку количественного отношения: части вместо целого (ср. «Все флаги в гости будут к нам» – А.С. Пушкин; франц. *une paille* ‘соломинка’ и *de la paille* ‘солома’; примером переноса части на целое может служить и название недели: первоначально слово *неделя* имело значение ‘воскресенье’, это значение до сих пор сохраняется у слова в некоторых славянских языках, в русском языке оно впоследствии было перенесено на название всей недели); родового вместо видового (ср. «Ну что ж, садись, светило» – В.В. Маяковский); видового вместо родового (ср. «Пуше всего береги копейку» – Н.В. Гоголь).

Явление полисемии порождается общественной потребностью. Метафорические и метонимические переносы способствуют обогащению лексического значения слова и тем самым словарного состава языка.

ОМОНИМИЯ

Омонимия (греч. < *homonymia* ‘одноименность’) – это звуковое совпадение различных по значению языковых единиц. Омонимия как языковое явление противостоит полисемии. Если полисемия основана на связанности значений слова, их семантическом «родстве», то омонимия – на их разрыве, невыводимости одного из другого. Омонимия имеет несколько видов:

1) лексическая омонимия: звуковое совпадение различных по значению языковых единиц, принадлежащих к одной и той же части речи (ср. *заставить* ‘принудить что-то сделать’ и *заставить* ‘загородить, закрыть чем-либо’; англ. *light* ‘легкий’ и *light* ‘светлый’);

2) грамматическая омонимия: звуковое совпадение в отдельных грамматических формах различных по значению языковых единиц (ср. *печь* – имя существительное и *печь* – глагол, *возжу* – 1 лицо, единственное число, настоящего времени от глагола *водить* и *возжу* – 1 лицо, единственное число, настоящего времени от глагола *возить*; англ. *ring* ‘кольцо’ и *ring* ‘звонить’; франц. *Jean* ‘имя

собственное’ и глагольная конструкция *j'en parle*; нем. *das Messer* (ср.р.) ‘нож’ и *der Messer* (муж.р) ‘землемер’).

3) словообразовательная омонимия: звуковое совпадение различных по словообразовательному значению морфем (ср. суф. *-ец* в уменьшительном значении в слове *морозец* и в агентивном в названиях лиц, производящих действие: *чтец*);

4) синтаксическая омонимия: звуковое совпадение разных синтаксических конструкций (ср. *чтение Маяковского* – родительный субъекта и родительный объекта);

5) фонетическая омонимия: звуковое совпадение различных по значению языковых единиц, имеющих разное написание (ср. *луг* и *лук*, *род* и *рот*; англ. *die* ‘умирать’ и *dye* ‘красить’);

6) графическая омонимия: графическое совпадение языковых единиц, имеющих разное произношение (ср. рус. *мука* – *мука*).

Омонимия – явление сложное и многогранное. В зависимости от характера звуковых совпадений и степени их полноты среди омонимов выделяют:

лексические омонимы – слова, имеющие одинаковое звучание, но не имеющие общих элементов (сем) смысла и не связанные ассоциативно (ср. *брак* ‘изъян’ и *брак* ‘женитьба’). Лексические омонимы являются омонимами в собственном смысле этого слова. В зависимости от степени совпадений форм слов различают полные и частичные омонимы. Полные омонимы совпадают во всех грамматических формах (ср. рус. *ключ* ‘родник’ и *ключ* ‘металлическое приспособление для замка’). Частичные омонимы совпадают лишь в ряде грамматических форм (ср. рус. *кулак* ‘кисть руки со сжатыми пальцами’ и *кулак* ‘богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий чужой труд’: нет совпадения в форме вин.п. ед. и мн. ч.; *лук* ‘огородное растение’ и *лук* ‘оружие’: совпадение лишь в формах ед.ч.). Эти частичные омонимы называют также омоформами.

омофоны – слова, совпадающие в своем звучании, но имеющие разное написание (ср. рус. *плод* – *плот*, *кот* – *код*; франц. *voie* ‘дорога’ и *voix* ‘голос’ и др.);

омографы – слова, совпадающие в своем написании, но имеющие разное звучание (ср. *дорога* – *дорога*, *уже* – *уже* и др.).

Появление омонимов в языке вызвано разными причинами:

1) наиболее распространенная причина – это изменения в фонетической системе языка, приведшие к звуковым совпадениям (ср., например, появление в русском языке омонимов *лечу* 1 л. ед.ч., наст. вр. от глагола *лечить* и *лечу* 1 л. ед.ч., наст. вр. от глагола *лететь*, вызванное утратой в фонетической системе русского языка

звук и соответственно буквы «ять», входивших в корневую морфему глагола *лечить*); 2) разрыв первоначальной единой семантики многозначного слова, т.е. распад полисемии (ср. рус. *свет* 'лучистая энергия' и *свет* 'вселенная'); 3) образование нового слова или новой формы слова на базе уже существующего (ср. рус. *городище* 'большой город' и *городище* 'место древнего поселения'); 4) заимствование слов (ср. *брак* 'изъян', заимствованное из немецкого *Brack* 'бракованный продукт, недостаток' через польский и *брак* 'женитьба' от рус. *братъ*); 5) случайные совпадения (ср. *ключ* 'родник', этимологическая связь с глаголом *клокотать* и *ключ* 'металлическое приспособление для замка' – с существительным *клок*).

Возникновение в языке омонимов – процесс достаточно сложный и длительный, особенно когда происходит разрыв, расхождение значений многозначного слова. Сложность заключается в том, что утрата общих элементов смысла происходит постепенно, вследствие чего трудно найти грань между завершившимся и незавершившимся процессом распада значений. В качестве объективных критериев нахождения этой грани, т.е. разграничения явлений полисемии и омонимии выдвигаются чаще всего следующие:

1) многозначное слово обязательно имеет компонент значения (сему) или ассоциативный признак, который объединяет все другие, входящие в него значения (ср. *герой* 'человек, совершивший подвиг' и *герой* 'главное действующее лицо литературного произведения': общая сема 'человек'), омонимы же не имеют такой связующей семы (ср. *мешать* 'быть помехой' и *мешать* 'размешивать');

2) для омонимов характерно расхождение словообразовательных рядов, вызванное расхождением значений слова (ср. *коса* 'сельскохозяйственное орудие' и его словообразовательный ряд: *косить*, *покос*, *косьба* и т.д. и *коса* 'прическа' со словообразовательным рядом *косица*, *косичка*);

3) для омонимов, как правило, характерна разная сочетаемость (ср. *партия* 'объединение людей': *левая*, *демократическая*, *реакционная партия* и т.д. и *партия* 'игра': *незаконченная*, *результативная*, *отложенная партия* и т.д.);

4) для омонимов характерно отсутствие синонимических отношений между их синонимами, т.е. слова являются омонимами, если их синонимы не образуют синонимического ряда (ср. *брак* 'изъян' и его синонимический ряд: *недостаток*, *изъян*, *недоброкачественность* и т.д. и *брак* 'женитьба': *супружество* и т.д.).

Другие критерии (например, антонимический, этимологический) обладают меньшей различительной способностью, однако при необходимости они также могут использоваться.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

В процессе номинации предметов и явлений внешнего мира используются не только слова, но и устойчивые сочетания слов – фразеологизмы, которые так же, как и слова, регулярно воспроизводятся в речи. Фразеологизм (или фразеологический оборот) – это лексически неделимая, воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более ударных компонентов, устойчивая в своем составе, структуре и целостная по своему значению (например, *бить баклуши*, *закадычный друг* и др.). Дифференциальными признаками фразеологизмов являются: 1) лексическое значение, присущее всему обороту в целом; 2) компонентный состав; 3) наличие в его структуре грамматических категорий.

От свободного сочетания слов фразеологический оборот отличается следующими признаками:

1) воспроизводимостью: фразеологизм не создается в процессе общения, а так же, как и слово, воспроизводится в виде целостной единицы (ср. рус. *железная дорога* и *железный гвоздь*, *взять слово* и *взять книгу*); с этим свойством фразеологизма связаны все остальные его признаки;

2) целостностью своего значения, которое, как правило, не зависит от составляющих его элементов: во фразеологическом обороте происходит как бы «переосмысление» словосочетания, в результате процесса десемантизации входящих в него слов образуется новая единица со своим собственным значением (ср. рус. *перемывать косточки* 'сплетничать');

3) устойчивостью своего состава, постоянством тесно связанных между собой частей: компоненты фразеологического оборота располагаются друг за другом, как правило, в строго определенном порядке (ср. рус. *из рук вон*, но не *вон из рук*), всякое изменение состава фразеологизма ведет к образованию фразеологического неологизма (ср. у И. Ильфа и Е. Петрова: «*Телега внутреннего сгорания*»). В своих связях с составляющими его словами фразеологизм неделим на части, поэтому в предложении он выполняет роль одного из его членов (ср. «*Наступило бабье лето*», фразеологический оборот выступает здесь в функции подлежащего);

4) непроницаемостью: большинство фразеологизмов не допускают вставку других слов (ср. рус. *сломя голову*).

От слова фразеологический оборот отличается следующими признаками:

1) структурной оформленностью: если слово состоит из морфем, которые вне слова употребляться не могут, то фразеологизм состоит из слов, которые могут употребляться и за пределами фразеологического оборота (ср. рус. *держат язык за зубами* 'молчать'). В этом отношении фразеологический оборот соотносится со словом как единица высшего порядка с единицей низшего порядка;

2) грамматической оформленностью: если слово, состоящее из морфем, выступает как единица цельнооформленная, то фразеологизм, состоящий из слов, — как единица раздельнооформленная. Компоненты фразеологизма при всей их связанности друг с другом являются самостоятельными словами, имеющими свое значение и систему грамматических форм (ср. рус. *положа руку на сердце* 'чистосердечно');

3) акцентологической оформленностью: если слово имеет одно основное ударение (при условии, что оно не безударно), то фразеологический оборот может иметь два и более ударных компонента (ср. рус. *смотреть сквозь пальцы* 'намеренно не обращать внимания на что-либо'). Этим признаком фразеологический оборот отличается от составных наименований типа *изба-читальня, диван-кровать*, а также от слов, возникших лексико-синтаксическим способом словообразования типа *умалишенный, вышеизложенный*.

В качестве воспроизводимой единицы языка фразеологический оборот представляет собой единое смысловое целое. Однако соотношение значения фразеологического оборота и значения составляющих его компонентов может быть разным. С точки зрения семантической слитности фразеологического оборота, т.е. соотношения, существующего между его значением и значением образующих его слов, все фразеологические обороты (в соответствии с классификацией, предложенной Ш. Балли и В.В. Виноградовым) делятся на три группы:

1) фразеологические сращения: фразеологические обороты с абсолютной семантической спаянностью частей. Значения сращений воспринимаются как совершенно немотивированные, т.е. они представляют собой семантически неделимые фразеологические единицы, целостное значение которых не выводится из значения, составляющих их слов (ср. рус. *попасть впросак* 'оказаться в неловком положении'). Для фразеологических сращений характерна

наивысшая степень семантической слитности частей. Она достигается благодаря следующим обстоятельствам: а) наличию в этих оборотах устаревших и в силу этого непонятных слов, так называемых лексических или семантических архаизмов (ср. рус. *бить баклуши* 'бездельничать', где *баклуши* 'чурки для выделки щепных изделий', что современному носителю языка уже неизвестно, как неизвестно и значение слова *лясы* в выражении *точить лясы*, ср. также англ. *tit for tat* 'око за око', в котором неясно значение слов *tit* и *tat*); б) присутствию грамматических архаизмов (ср. оборот *сломя голову* 'быстро, стремительно', в котором *сломя* в современном русском языке является грамматическим архаизмом, так как деепричастия от глаголов совершенного вида образуются с помощью суффиксов *-в* и *-вши*); в) отсутствию в этих оборотах живой синтаксической связи между образующими его словами (ср. человек *себе на уме* 'человек, умеющий скрывать свои мысли, намерения');

2) фразеологические единства: фразеологические обороты, целостное значение которых в той или иной степени метафорически мотивируется значениями входящих в него слов. Значение фразеологического оборота является образным, оно как бы «просвечивает», возникая из слияния значений составляющих его слов (ср. *зарыть талант в землю* 'губить, не использовать свои способности': значение этого оборота выводится из значений глагола *зарыть* 'спрятать, скрыть' и существительного *талант* < греч. *talanton* 'денежная единица' — из евангельской притчи о зарытых в землю и неиспользованных деньгах);

3) фразеологические сочетания: фразеологические обороты, значение которых складывается из значения составляющих его компонентов. В состав этих семантически разложимых фразеологических единиц входят слова как со свободным, так и со связанным значением (ср. *закадычный друг*: слово *друг* имеет свободное значение, о чем свидетельствует его способность сочетаться с широким кругом слов, ср. *старый друг, бывший друг, школьный друг*, а слово *закадычный* имеет фразеологически связанное значение, т.е. оно может употребляться только со словом *друг*, но не *брат, враг* и др. Значение этого оборота складывается из значений составляющих его слов — *друг* и *закадычный* (< *залить за кадык*, т.е. выпить). Особенностью этих оборотов является то, что слова с фразеологически связанным значением можно заменить синонимами, ср. *лучший друг* или *скоростижсная смерть* — *внезапная смерть*).

Кроме этих трех типов фразеологических единиц, Н.М. Шанский предложил выделять фразеологические выражения, т.е. се-

мантически членимые фразеологические обороты, состоящие из слов со свободным значением (что сближает их со словосочетаниями), но в речи воспроизводящиеся как готовые языковые единицы, имеющие постоянный состав компонентов и определенное значение (ср. *Волков бояться – в лес не ходить*). К ним относятся пословицы, поговорки, так называемые «крылатые слова». Некоторые ученые, однако, не включают их в состав фразеологизмов.

Помимо классификации, опирающейся на семантическую слитность фразеологизма, существуют и другие, строящиеся на иных основаниях, например, на номинативно-функциональных (где используются такие критерии, как целостность/расчлененность значения фразеологического оборота, соотношенность его с определенным грамматическим классом, устойчивость его состава, экспрессивно-стилистическая окраска и др.).

Фразеологизмы составляют специфику каждого языка, поэтому они часто не поддаются переводу (ср. например, английский фразеологизм *skeleton in the cupboard* 'семейная тайна', который невозможно дословно перевести как «скелет в буфете» или немецкий *eine Nase geben* 'пожурить' – как «дать нос»). Тем не менее фразеологизмы часто калькируются, т.е. создаются по моделям другого языка, особенно много таких фразеологических калек пришло из латинского языка (ср. лат. *Non est aurum omne quod radiat* и рус. *Не все то золото, что блестит*; лат. *Ulula cum lupis cum quibus esse cupis* и рус. *С волками жить – по-волчьи выть*).

ПОНЯТИЕ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Слова в рамках лексической системы языка существуют не изолированно, а в тесной связи друг с другом, образуя системы, построенные на различных основаниях: семантико-грамматических (части речи), словообразовательных (словообразовательные гнезда), семантических (синонимы, антонимы, омонимы, семантические поля, лексико-семантические группы и т.д.). Система (в философском и лингвистическом понимании) – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство. Целостность системы достигается внутренней связанностью языковых элементов разных уровней, их зависимостью от места и функции в языке.

Язык, обладая коммуникативной и когнитивной функцией, служит средством выражения знания, проверенного общественно-исторической практикой людей. В знаменательной лексике любого языка представлен целый мир лексических значений, поскольку именно слово является простейшим знаковым средством называния фрагмента действительности (предмета, свойства, действия, состояния и т.д.). При этом «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в нашей душе независимо от нашего сознания в различные группы, и основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению», – писал известный русский семасиолог М.М. Покровский, один из первых осознавший системный характер лексики.

В современном языкознании прочно утвердился взгляд на лексику как на систему систем. Он нашел свое выражение в признании факта существования в языке различных групп слов, противопоставленных по значению, форме, степени сходства форм и значений, по характеру отношений, складывающихся между словами, образующими ту или иную группу и т.д. Однако системность лексики проявляется не только в наличии определенных семантических групп, семантических полей, классов или оппозиций (типа исконное – заимствованное, активное – пассивное, нейтральное – стилистически маркированное), но и в самом характере употребления лексических единиц, где также наблюдаются определенные закономерности (например, антонимы могут употребляться часто в одних и тех же контекстах, такая же картина наблюдается у синонимов, а разные значения одного и того же слова (ЛСВ) употребляются, как правило, в несовпадающих контекстах).

Признание лексического состава языка системой систем согласуется с постулатами общей теории систем, основными понятиями которой являются «целостность», «элемент», «структура», «связи». Язык, как известно, представляет собой длительно эволюционирующую систему, т.к. по мере развития и усложнения общества и его культуры растет, разветвляется и дифференцируется лексическая система языка, более того, эта система эволюционирует вместе с развитием грамматической и фонетической систем языка. При этом, как показали последние исследования лингвистов Института русского языка (группы Н.Ю. Шведовой), лексическая система языка даже более устойчива, чем грамматическая (с глубокой индоевропейской древности живут в русском языке такие слова, как

¹ Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1986, с. 82.

мать, сын, брат, сестра, земля, вода и др., хотя грамматический строй языка претерпел существенные изменения).

Словарный состав языка исчисляется многими тысячами слов (в 17-томном Словаре современного русского литературного языка их более 120 тыс., а его лексико-семантический уровень насчитывает еще больше), однако говорящий сравнительно быстро находит нужное ему слово. Единственным объяснением этому может быть системность лексики, которая резко упрощает поиск, так как говорящий подыскивает необходимое ему слово не во всем словарном составе языка, а в рамках небольшой его части – синонимического ряда, семантического поля, лексико-семантической группы (ЛСГ), на которую его ориентирует ситуация и сама логика мышления.

Характерной особенностью лексической системы языка является ее открытость, поскольку лексика это самый подвижный уровень языка, он в наибольшей степени отражает изменения в различных сферах жизни (одни слова устаревают и уходят из языка, другие нарождаются или заимствуются).

Слова, входящие в лексическую систему языка, объединены двумя видами отношений – синтагматическими и парадигматическими.

Синтагматические отношения (< греч. *syntagma* 'вместе построенное, соединенное') – это линейные отношения, возникающие между членами горизонтальных рядов, соотносящимися, согласно теории Ф. де Соссюра, как определяемый и определяющий. Языковые единицы, следуя одна за другой, образуют языковую цепочку – синтагму, внутри которой они находятся в синтагматических отношениях (ср. группировки слов синтагматического типа часть – целое, предмет – признак, предмет и связанное с ним действие и т.д., отношения между которыми можно назвать отношениями присущности, например, *сосна – хвоя – шишка; собака – лохматая – лает – кусается* или *ручка ребенка, карандаш и ручка, ручка кресла* и т.д.).

Парадигматические отношения (< греч. *paradeigma* 'образец') – это отношения по вертикали, возникающие между противопоставленными языковыми единицами – членами вертикальных рядов. Каждая парадигма позволяет выделить общие и дифференциальные семантические признаки входящих в нее языковых единиц. В лексико-семантическую парадигму объединяются, как правило, слова, связанные отношениями равнозначности (ср. синонимы *печальный – грустный*), противоположности (ср. антонимы *день – ночь*), соположенности (ср. семантический ряд *сосна – ель – лиственница – кедр* из слов, входящих в группу хвойных деревьев или *рука – кисть – локоть – плечо* в названиях руки), включения (ср.

родовой термин – видовой термин: *дерево – сосна*). Слова *козленок, котенок, щенок* образуют парадигму в пределах которой они объединяются на основе общей семы 'детеныш домашнего животного', но каждое из этих слов может вступать в синтагматические отношения с другими словами русского языка, при этом у них могут возникать и общие зоны сочетаемости, ср. следующую схему:

синтагматика →
парадигматика ↓ *козленок серый бежит ...* блеет, бодается ...
↓ *котенок серый бежит ...* мурлычет, царапается...
↓ *щенок серый бежит ...* лает, скулит...

Синтагматические отношения лексических единиц основываются на понятии позиции, а парадигматические отношения – на понятии оппозиции.

Позиция – это положение лексической единицы в тексте, в котором проявляется ее отношение к другим, семантически близким ей единицам. Различают сильные и слабые позиции. Сильные позиции – это позиции различения слов или их лексико-семантических вариантов (ЛСВ), ср. *свежий огурец, свежий номер газеты и свежий ветер*. Слабые позиции – это позиции неразличения, позиции нейтрализации значений слов или их ЛСВ (ср. *узкие поля: тетради, шляпы, наделы крестьян*).

Оппозиция – это семное противопоставление лексической единицы другим лексическим единицам, входящим вместе с ней в парадигму (слова *коза, кошка, собака, корова* входят в парадигму на основе общего признака 'домашние животные', но они же образуют оппозицию, т.к. корова относится к крупному рогатому скоту, коза – к мелкому, а кошка – к семейству кошачих).

Все многообразие отношений лексических единиц можно свести к четырем основным типам оппозиций и дистрибуций:

1 тип отношений – совпадающий: лексические единицы А и Б полностью совпадают по употреблению и значению, поскольку они являются абсолютными синонимами [ср. *лингвистика* (А) – *языкознание* (Б)]. Они обладают эквивалентной (< лат. *aequalis* 'равный'), т.е. совпадающей дистрибуцией и нулевой оппозицией;

2 тип отношений – включающий, родо-видовой: значение единицы А включает в себя значение единицы Б [ср. *языкознание* (А) и *наука* (Б)], однако значение единицы Б (*наука*) шире, чем А (*языкознание*), поэтому дистрибуция единицы А включается в дистрибуцию единицы Б. Такой вид дистрибуции называется включающий, а оппозиции – привативной, т.е. частной, т.к. один член оппозиции имеет какой-то семантический признак, а другой его лишен

(ср. *наука* – это не только языкознание, но и другие виды наук), такой вид оппозиции часто называют напряженным;

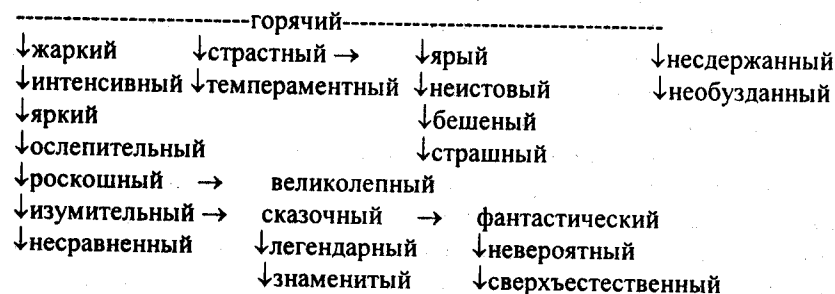
3 тип отношений – частично-совпадающий, перекрещивающийся (он ярче всего представлен в антонимах): лексические единицы А и Б лишь частично совпадают (например, слова *брат* и *сестра* лишь частично совпадают в общей для них семе ‘кровные родственники’, в остальных семах они расходятся, поэтому эти лексические единицы имеют контрастирующую дистрибуцию и эквивалентную (< лат *aequipollens* ‘имеющий одинаковое значение’), т.е. равнозначную оппозицию (различительные признаки находятся как бы в равновесии), поэтому эту оппозицию часто называют ненапряженной;

4 тип отношений – не совпадающий ни по значению, ни по употреблению, эти слова являются внеположенными (например, *стол* и *воля*), такие отношения можно наблюдать и у омонимов (*ключ* ‘инструмент для открытия замка’ и *ключ* ‘родник’ или же у слов с многозначным значением, ср. *тонкий вкус* и *тонкий ломтик хлеба*), поэтому эти лексические единицы имеют дополнительную (несовпадающую) дистрибуцию и дизъюнктивную (< лат *disjunctio* ‘разобщение, разделение, различие’) оппозицию.

Акад. Д.Н. Шмелев предложил выделять еще один вид отношений между словами лексико-семантической системы языка – эпидигматический (или формального и семантического словообразования). Эпидигматические отношения – это отношения, раскрывающие словообразовательные связи слова, благодаря которым оно способно входить в различные лексико-семантические парадигмы. Эпидигматические отношения являются чаще всего или отношениями равнозначности, отношениями параллельной деривации между производными одной и той же ступени (ср. *учить* → *учитель* // *ученик* // *учение* // *учеба*), или отношениями включения, подчиненности, отношениями последовательной деривации (ср. *учить* → *учитель* → *учительство* → *учительствовать*).

О системных отношениях в лексике свидетельствует и существование групп слов, противопоставленных друг другу в плане выражения и в плане содержания. С точки зрения плана выражения в лексике выделяются омонимы (*лук* ‘огородное растение’ и *лук* ‘оружие’), омографы (*мука* – *мука*), омофоны (*плод* – *плот*), омоформы (*печь* – имя существительное и *печь* – глагол), паронимы (*оплатить* – *уплатить*), словообразовательные гнезда (*вода* – *водяной* – *подводный* и т.д.). С точки зрения плана содержания в лексике выделяются синонимы (*спеишить* – *торопиться*), антони-

мы (*толстый* – *тонкий*), гипонимы (*дуб* – *дерево* – *растение*), синонимические ряды, лексико-семантические и тематические группы, семантические поля и т.д. Члены этих объединений связаны общностью отношений или к предметной области (так называемые предметные или денотативные поля, например, имена растений, животных, цветообозначений и т.д.), или к понятийной (так называемые понятийные или сигнификативные поля, например, имена состояний духа: чувств радости, горя, долга, процессов мышления, восприятия и т.д.). Поскольку многие слова многозначны, то они могут входить в разные семантические поля и группы, вследствие чего возникают отношения, скрепляющие эти поля и группы: связанными оказываются не только близкие, но и отдаленные, даже противоположные значения (ср., например, фрагмент системных связей слова *горячий*):

ПОНЯТИЕ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ, ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУППАХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЯХ

Языковое освоение предметов и явлений внешнего мира состоит не только в их наименовании, но и стремлении классифицировать. Структурирование словарного состава языка происходит на разных основаниях – собственно лингвистических и внеязыковых. Еще М.М. Покровский указывал на то, что в лексической системе языка существуют различные группы или «поля слов». Одни из них представляют собой внутриязыковые объединения («по сферам представлений»), другие – объединения внеязыковые («по предметным областям»). Эти идеи М.М. Покровского получили развитие в современном языкознании при разработке вопроса семантической

организации словарного состава языка, в частности, в теории семантических полей, лексико-семантических и тематических групп.

Проблема семантической организации лексической системы языка является сегодня одной из сложнейших в языкознании, до сих пор не получившей своего окончательного решения, несмотря на огромную литературу. Именно поэтому строгого определения каждой из названных семантических категорий и тем более их исчерпывающего описания пока еще нет (при том, что их лингвистическая реальность сомнений ни у кого не вызывает). Несмотря на различие подходов к описанию этих семантических категорий, в лингвистических работах последних десятилетий отчетливо прослеживается стремление к раскрытию взаимосвязанности и взаимообусловленности их членов. В качестве рабочих используются обычно следующие определения:

Лексико-семантическая группа – это совокупность слов, относящихся к одной и той же части речи, объединенных внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов значения. Члены ЛСГ связаны определенными семантико-парадигматическими отношениями (синонимии, антонимии, всякого рода включений, уточнений, дифференциации, обобщений близких и/или сопредельных значений). Классической иллюстрацией ЛСГ и процедуры ее выделения стал пример А.А. Уфимцевой, который приводится ею в монографии «Опыт изучения лексики как системы» (М., 1962). В современном русском языке слово *земля* является многозначным словом. Среди его значений выделяются следующие: 1) планета; 2) верхний слой земли; 3) территория, находящаяся в чьем-либо владении; 4) страна, государство и др. Если попытаться схематически представить семантическую структуру этого слова, то получится прямоугольник: само многозначное слово обозначено буквой А, его лексические значения (или ЛСВ) буквами a_1, b_1, c_1, d_1 и т.д. Синонимы к этим ЛСВ – буквами $a_2, b_2, c_2, d_2, a_3, b_3, c_3, d_3, \dots$

	----- a_1 -----	----- a_2 -----	----- a_3 -----
	планета	земной шар	мир...
	----- b_1 -----	----- b_2 -----	----- b_3 -----
А	почва	грунт	слой...
земля	----- c_1 -----	----- c_2 -----	----- c_3 -----
	владение	имение	поместье...
	----- d_1 -----	----- d_2 -----	----- d_3 -----
	страна	государство	держава...

Совокупность горизонтальных синонимических рядов по отношению к тому или иному лексико-семантическому варианту слова-

доминанты (в данном случае *земля*) и будет образовывать лексико-семантическую группу. Основанием для выделения лексико-семантической группы служит, таким образом, слово со всеми его лексико-семантическими вариантами. Парадигматичность членов ЛСГ базируется на интегральном семантическом признаке.

Тематическая группа – это совокупность слов, объединенных на основе внеязыковой общности обозначаемых ими предметов или понятий. Основанием для выделения тематической группы является совокупность предметов или явлений внешнего мира, объединенных по определенному признаку и выраженных различными словами (ср., например, тематическую группу *корова*, объединяющую слова *бык, теленок, коровник, коровница, пастух, говядина* и т.д.). Одним из важных признаков тематической группы является разнотипность языковых отношений между ее членами или отсутствие таковых вообще, поэтому утрата того или иного слова тематической группы или изменение у него значения не отражается на значениях других слов этой группы (например, слово *хребет* в русском языке в тематической группе названий частей человеческого тела постепенно было вытеснено словом *спина*, однако это никак не отразилось на значениях слов *рука, нога, колено* и др.). Отсутствие языковых связей между членами тематической группы не означает, однако, отсутствия у них внеязыковых связей. Благодаря именно этим внеязыковым связям слова и объединяются в тематические группы (в русском языке, например, слова *ель, сосна, пихта, лиственница* объединяются прежде всего предметно, поскольку в языке нет отдельного слова для обозначения хвойных деревьев, что составляет одну из особенностей русской лексической системы). Таким образом, тематическая группа – это объединение слов, основывающееся не на языковых лексико-семантических связях, а на внеязыковых, т.е. на классификации самих предметов и явлений внешнего мира. В этом заключается ее принципиальное отличие от лексико-семантической группы, в основе которой лежат внутриязыковые связи входящих в нее слов. Поскольку в тематические группы организуются целые «отрезки действительности», то в языке существует огромное количество этих тематических рядов (примером тематических групп могут служить названия архитектурных сооружений, внутреннего убранства жилища, частей человеческого тела, термины скотоводства, ботанические термины, названия транспортных средств, поселений и т.д.).

Семантическое поле – это совокупность языковых единиц, объединенных общностью значения и представляющих предмет-

ное, понятийное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Для слов, входящих в семантическое поле, характерно наличие общего семантического признака, на основе которого и формируется данное поле (например, для слов *отец, мать, сын, дочь, дедушка, бабушка, тетя, дядя* и т.д. таким общим признаком является признак 'родства', на основе которого они объединяются в семантическое поле «родства»). Участки семантического поля – это лексико-семантические группы, в этом смысле семантическое поле предстает как родовое понятие по отношению к лексико-семантической группе – понятию видовому. Наличие общего семантического признака, объединяющего языковые единицы поля, не исключает, однако, существование дифференциальных признаков (ср. в том же поле такие признаки, как пол, поколение, степень родства и др.). Таким образом, семантическое поле представляет собой ряд парадигматически связанных слов или их отдельных значений, (ср., например, семантическое поле глаголов движения, организованное по иерархическому принципу, так как члены его связаны отношениями включения или родо-видовыми: в центре этого поля находится слово, обозначающее родовое понятие, так называемый гипероним или «над-именя»: *передвигаться*, с ним соотносятся слова, обозначающие более узкие понятия, так называемые гипонимы или «под-имена»: *идти, бежать, лететь, плыть, ехать*, каждый из этих глаголов может быть гиперонимом по отношению к другим словам, но более узкого значения, ср. *ходить* гипероним по отношению к словам *входить, выходить, приходить* и т.д.).

Семантическое поле представляет собой сложную структуру, в которой выделяется ядро (куда входят наиболее употребительные, функционально нагруженные слова) и периферия, однако граница между ними является нечеткой, часто размытой. Поэтому элементы одного поля (особенно периферийные) могут входить в другое поле (например, глагол *окружать* может входить в поле «движения», ср. *солдаты окружили дом* и в поле «местоположения», ср. *деревья окружают дом*). Лексическую систему языка можно представить, таким образом, как совокупность частично перекрывающихся друг друга семантических полей.

В разных языках одно и то же семантическое поле может быть организовано по-разному (ср., например, членение семантического поля глаголов движения в русском, французском и немецком языках: 'передвигаться пешком': рус. *идти*, франц. *aller*, нем. *gehen*; 'передвигаться на транспорте': рус. *ехать*, франц. *aller*, нем. *fahren*; 'передвигаться на лошади': рус. *ехать*, франц. *aller*, нем. *reiten*, т.е.

если во французском языке для всех трех способов передвижения в пространстве используется всего лишь один глагол, то в немецком – три). Классическим примером семантического поля является поле цвета, детально описанное во многих языках мира. Однако описание всех семантических полей (хотя бы одного языка) пока не существует, как не существует и точных критериев их отграничения от лексико-семантических и тематических групп.

Кроме семантических, в языке выделяются и другие виды полей, а именно: морфосемантические, объединяющие слова на основе не только семантической близости, но и морфемной (по наличию общего аффикса или основы), ср., например, фрагмент морфосемантического поля глаголов движения с основой *бег-/беж-* в русском языке: *бегать, пробегать, сбегать, разбежаться, набегаться, забегаться, бежать, вбежать, добежать, забежать* и др.; ассоциативные, объединяющие слова вокруг слова-стимула по признаку общности ассоциаций (например, слово *вол* вызывает в нашем сознании такие ряды слов, как *бык, корова, теленок, рога, жвачка* и др.; грамматические, объединяющие слова на основе общности грамматического значения (ср. залоговое поле в русском языке, поле времени, поле модальности и др.); синтагматические, объединяющие слова (а точнее словосочетания) по признаку их семантической совместимости (например, наличие глагола *лаять* предполагает такие слова, как *собака, кусать, зубы* и т.д.).

Существование в языке лексико-семантических и тематических групп, а также различных видов полей свидетельствует о том, что словарный состав языка представляет собой не просто набор лексических единиц, а определенным образом организованное и структурированное единство.

СИНОНИМЫ И СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ

Синонимы (< греч. *synonymos* 'одноименный') – это слова, принадлежащие к одной и той же части речи и имеющие полностью или частично совпадающие значения (ср. *лингвистика – языкознание, страх – ужас*).

Синонимия относится к достаточно сложным лингвистическим феноменам, имеющих разное толкование. Большинство ученых под синонимией понимают такой вид семантических отношений, складывающихся между словами, при котором слова, находящиеся в синонимических отношениях, выражают одно и то же значение

(совпадение может быть полным или частичным), но имеют при этом разный предмет обозначения, так называемая синонимия по сигнификату (ср., например, синонимы *манера – повадка – замашка – хватка*: все они имеют значение 'способ действия, закрепившийся в результате привычки, ставшей характерной для кого-либо' или 'способ поведения', однако словом *манера* может быть передан способ интеллектуального и практического поведения человека, например, *манера вести беседу, манера одеваться*, словом *повадка* – поведение не только человека, но и животного, ср., например, *повадки кучера и повадки медведя*).

Существует, однако, и другая точка зрения (и сторонников ее также немало), которая заключается в том, что синонимия должна быть не только по сигнификату, но и по денотату, т.е. должно быть не только тождество значения, но и тождество предмета (или явления действительности), только в этом случае возможна полная (или частичная) взаимозаменяемость синонимов в тексте (ср., например, названия растения *Lycopodium clavatum* 'плаун': *пльвун, деряга, зеленица, змеиный мох*).

По степени синонимичности, близости значений синонимы подразделяются на полные (или абсолютные) и частичные (или относительные). Полные синонимы (или дублиеты) – это синонимы, полностью совпадающие по своему значению и употреблению (например, *орфография – правописание, лингвистика – языковедение*) или же различающиеся незначительными оттенками значения (ср. *холод – мороз, хороший – отличный*). Особенно много абсолютных синонимов в экспрессивной лексике (ср. *вздор – чушь, безголовый – безмозглый*), встречаются они и среди однокоренных слов (ср. *крохотный – крошечный, всюду – повсюду*). Эти синонимы могут, как правило, замещать друг друга в любом контексте, не меняя при этом его смысл, поэтому их называют нередко абсолютными. Частичные синонимы – это синонимы, сближающиеся своими значениями в условиях контекста, но различающиеся стилистической окраской, сочетаемостью, денотатами, поэтому их иногда называют контекстуальными синонимами (ср. *тяжелое, злое чувство; душная, гнетущая темнота*). К частичным синонимам относят и квазисинонимы, т.е. синонимы с частично совпадающими значениями, когда отношения между ними строятся по принципу либо родо-видовых (ср. *болеть – ныть – колоть – стрелять – жечь*: в этом синонимическом ряду *болеть* является гиперонимом, т.е. родовым именем для всех остальных глаголов, конкре-

зирующих его значение), либо видо-видовых (ср. *ныть – колоть – стрелять – жечь – саднить – ломить* и др.).

В зависимости от функций, которые выполняют синонимы в тексте, различают семантические, стилистические и семантико-стилистические синонимы. Семантические синонимы – это синонимы, оттеняющие разные стороны обозначаемого предмета или явления внешнего мира (ср. *робкий – несмелый – боязливый – трусливый*). Значения этих синонимов могут не совпадать полностью, поскольку они могут указывать на различную степень проявления признака (ср. *ломать – крушить – сокрушать*). Стилистические синонимы – это синонимы, дающие оценочную характеристику обозначаемого предмета (явления) и/или различающиеся стилистической окраской (ср. *лошадь – кляча*, где слово *кляча* имеет элемент оценки 'плохая лошадь' или *похитить – украсть – спереть*: *похитить* – книжное слово, *украсть* – нейтральное, *спереть* – просторечное, грубое). Семантико-стилистические синонимы – это синонимы, оттеняющие разные стороны обозначаемого предмета (явления), но различающиеся своей стилистической принадлежностью (ср. *идти – тащиться – шествовать*: *идти* – нейтральное, *тащиться* 'идти медленно, с трудом' – разговорное, *шествовать* 'идти важно, с достоинством' – книжное).

Синонимы могут различаться не только своей функцией, но и структурой. В зависимости от этого признака синонимы подразделяются на однокоренные и разнокоренные. Однокоренные синонимы – это синонимы, различающиеся вариантами корня или аффиксом (ср. *бунтарь – бунтовщик, сходный – схожий*). Они представлены разными языковыми явлениями: глагольными видовыми парами (ср. *угаснуть – погаснуть*), генетическими парами старославянское – русское (ср. *короткий – краткий*), образованиями от одних и тех же основ (ср. *всюду – повсюду*) и др. Разнокоренные синонимы – это синонимы, выраженные разными словами (ср. *холод – мороз, кидать – бросать*).

В синонимических отношениях могут находиться не только слова, но и фразеологические обороты (ср. *почить в бозе – приказать долго жить – сойти в могилу* 'умереть'), а также слова и словосочетания (ср. *ударить и нанести удар*), в том числе и устойчивые (ср. *неосканданно – как снег на голову*). В то же время слова с конкретно-предметным значением, имена собственные, числительные и местоимения в синонимические отношения не вступают.

Источниками синонимии могут быть разные языковые явления: 1) развитие и изменение значений слов (например, появление в русском языке у слова *барин* значения 'человек, уклоняющийся от труда' позволило включить его в синонимический ряд *бездельник – ло-*

дырь – лентяй); 2) словообразование, в частности, изменение словообразовательной структуры слова (ср. *невинный – невиновный*); 3) заимствование (ср. *доказательство – аргумент*); 4) проникновение в литературный язык профессионализмов, диалектизмов, арготизмов (ср. *языкознание – лингвистика, петух – кочет* (диал.), *вор – жулик – мазурик* (жарг.)).

Синонимы, объединенные общностью значения, образуют синонимические ряды с разной степенью сложности – от двучленных до многочленных (ср. *конь – лошадь, лицо – лик – морда – рожка* и т.д.). Слова, входящие в синонимический ряд, объединяются на основе общего компонента значения (например, в синонимический ряд *спать – почитать – дрыхнуть*, имеющий значение ‘быть в состоянии сна’ не может быть включено слово *дремать*, так как оно означает ‘быть в состоянии полусна’). Характер синонимического ряда определяется стилистически нейтральным словом, доминантой, т.е. словом, наиболее полно передающим общее значение синонимического ряда (например, в синонимическом ряду *бояться – страшиться – пугаться – трусить – робеть – трепетать – дрожать* и т.д. доминантой является слово *бояться*, а в синонимическом ряду *бездельник, лентяй, лодырь, лоботряс, лежебока* – доминантой является слово *лентяй*, так как все остальные слова либо принадлежат к разговорному стилю, либо отличаются компонентами своего значения). Многозначные слова имеют, как правило, разные синонимические ряды, ср. синонимические ряды прилагательного крепкий: *крепкий – здоровый – сильный* (организм), *крепкий – сильный – трескучий* (мороз), *крепкий – прочный* (материал) и т.д.

Развитие языка оказывает влияние и на синонимические ряды, которые претерпевают изменения (ср. слово *глаза* когда-то имело значение ‘шары’ и было сниженным синонимом нейтрального *очи*, однако постепенно оно превратилось в доминанту синонимического ряда, а слово *очи* стало стилистически ограниченным; нем. *Frau* ‘госпожа’ из вежливого синонима слову *Weib* (англ. *wife* ‘жена’) стало доминантой синонимического ряда, а слово *Weib* получило грубо-презрительный оттенок, примерно тот же, что и рус. *баба*).

АНТОНИМЫ

Антонимы (< греч. *anti* ‘против’ и *опута* ‘имя’) – это слова, принадлежащие к одной и той же части речи и имеющие противоположные, но соотносительные друг с другом значения (ср. рус.

молодой – старый, день – ночь; франц. *chaud* ‘теплый’ – *froid* ‘холодный’). В отличие от синонимии, антонимия ограничена двумя членами противопоставления, различающимися по звучанию и значению, но объединяющимися на основе общего семантического компонента (например, антонимы *верх – низ* связаны таким компонентом значения, как ‘пространство’, *молодой – старый* – компонентом ‘возраст’, *маленький – большой* – ‘размер’).

В зависимости от типа выражаемой противоположности антонимы подразделяются на несколько классов: 1) антонимы, выражающие качественную противоположность (ср. рус. *хороший – плохой*); они демонстрируют ступенчатые оппозиции, ср. *легкий* (нетрудный – средней трудности – нелегкий) – *трудный*), поэтому их иногда называют градуальными; 2) антонимы, выражающие логическую противоположность (ср. рус. *собирать – разбирать*); 3) антонимы, выражающие дополнительную противоположность: отрицание одного дает значение другого (ср. *не + истинный = ложный*: антонимическая пара *истинный – ложный*).

В художественной литературе антонимы могут возникать на основе эмоционально-эстетического, а не логического противопоставления (ср. антонимы в поэме А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Они сошлись. *Вода и камень, стихи и проза, лед и пламень* не столь различны меж собой»). Это т.н. авторские антонимы. Соединение в авторском тексте в одном словосочетании несовместимых по значению слов, связанных подчинительной связью, называется оксюмороном (< греч. *οξύρων* ‘остроумно-глупое’), ср. *Живой труп* (Л.Н. Толстой), *Мертвые души* (Н.В. Гоголь) и т.д.

Значение противоположности, контраста, являющееся основой антонимии, возникает благодаря наличию в семантической структуре слова признака, который может возрастать или убывать, доходя до противоположного. Поэтому так много антонимов среди прилагательных, выражающих качества (*хороший – плохой*), различные ощущения (*горячий – холодный*), цвет (*белый – черный*), психологическую оценку (*добрый – злой*), время (*ранний – поздний*), пространство (*близкий – далекий*), возраст (*молодой – старый*) и т.д.

Многозначность слова ведет к появлению антонимов, соотносимых с разными значениями слова (ср., например, антонимы к слову *свежий*: *свежий – черствый* (хлеб), *свежий – соленый* (огурец), *свежий – грязный* (воротничок), *свежий – теплый* (ветер), *свежий – старый* (журнал) и т.д.

С точки зрения структуры антонимы подразделяются на однокоренные, различающиеся лишь аффиксальными морфемами (ср. *вхо-*

дить – выходить) и разнокоренные, различающиеся всей структурой слова (ср. *начало* – *конец*).

Разновидностью антонимии является энантиосемия (< греч. *en* ‘в, при’, *enti* ‘против’ и *seta* ‘знак’), т.е. явление поляризации значений одного и того же слова (ср. *одолжить* ‘взять в долг’ и *одолжить* ‘дать в долг’, *просмотреть* ‘ознакомиться с чем-либо’ и *просмотреть* ‘не заметить, пропустить что-нибудь’).

ПАРОНИМЫ

Паронимы (< греч. *para* ‘около’ и *опута* ‘имя’) – это созвучные однокоренные слова, принадлежащие к одной части речи, имеющие структурное сходство, но различающиеся (полностью или частично) своим значением (ср. *представить* и *предоставить*). Паронимия как явление частичного звукового совпадения слов при их семантическом различии лежит на границе между синонимией и омонимией: с синонимией его сближает частичное совпадение значений слов (наличие у них общих сем), с омонимией – частичное звуковое совпадение слов. Однако в обоих случаях совпадение носит такой характер, который не позволяет квалифицировать эти слова как омонимы или синонимы (ср. рус. *советник* – *советчик*).

Несмотря на известную смысловую соотносительность паронимов, вызванную их структурным сходством, они имеют и семантические различия, что наглядно проявляется в их сочетательных возможностях, ср. *надеть* (что?) *пальто*, *шляпу* и *одеть* (кого?) *ребенка*, *больного*. Именно поэтому паронимы не могут замещать друг друга в одном контексте (что вполне возможно для синонимов). Паронимы следует отличать от паронимазов (< греч. *para* ‘около’ и *опотазō* ‘называю’), близких по звучанию, но далеких по значению слов (ср. *половник* – *полковник*, *придворный* – *притворный* и др.).

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ РАССЛОЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Словарный состав языка представляет собой сложную систему: в него входят слова, различные по происхождению, сфере употребления, стилистической значимости. Основу словарного состава любого языка составляет общеупотребительная, стилистически нейтральная лексика. Вместе с тем в каждом языке имеется лексика,

применение которой ограничено условиями речевого общения, жанрами литературы.

Стилевая система языка многомерна: язык представляет собой совокупность нескольких стилей, различающихся лексическими средствами, принципами их отбора, сферой употребления. В современных развитых национальных языках существует, как правило, три стиля: нейтральный, разговорно-бытовой и книжный. Каждый из этих стилей характеризуется определенной системой лексических средств. Несмотря на то, что жесткой границы между ними нет и лексические границы стилей не являются неподвижными (слова, например, разговорно-бытового стиля могут легко войти в книжный официально-деловой стиль), многие слова языка являются принадлежностью строго определенного стиля, что позволяет классифицировать лексику со стилистической точки зрения.

Нейтральная лексика объединяет в своем составе слова эмоционально нейтральные, экспрессивно не окрашенные. Она составляет основу лексической системы языка. Входящие в нее слова являются названиями жизненно важных предметов и явлений внешнего мира. В русском языке к этой лексике относится значительная часть имен существительных (таких, например, как *вода*, *земля*, *отец*, *мать*, *сын*, *дочь*, *зима*, *лето*, *ветер*, *гроза*, *лес*, *река* и т.д.), прилагательных (ср. *белый*, *черный*, *далекий*, *близкий*, *левый*, *правый*, *ранний*, *поздний* и т.д.), глаголов (*делать*, *бежать*, *лететь*, *ехать*, *читать* и т.д.), все числительные, практически все местоимения (за исключением местоимений *сей* и *оний*), большая часть наречий, предлогов, союзов, междометий. Будучи «чистыми», т.е. экспрессивно не окрашенными, наименованиями предметов, качеств, свойств, действий, состояний и т.д., эти имена используются во всех стилях языка, являясь основой как устной, так и письменной речи. Именно поэтому нейтральную лексику часто называют межстилевой или общеупотребительной лексикой.

Этой общеупотребительной межстилевой лексике противостоят слова, ограниченные в своем употреблении определенным стилем и имеющие эмоционально-экспрессивную окрашенность. В зависимости от сферы своего преимущественного использования (т.е. употребления в устной или письменной речи), эти стилистически ограниченные слова делятся на две большие группы, а именно: разговорно-бытовую и книжную лексику.

Разговорно-бытовая лексика объединяет в своем составе слова, употребляющиеся в непринужденной речи (использование ее в письменной речи ограничено стилями художественной литературы

и публицистики, где она применяется главным образом для достижения художественной выразительности). Эта лексика встречается практически во всех лексико-грамматических разрядах русского языка (ср., например, существительные *дрязги, ерунда, работяга, молодчина, читалка* и т.д.; прилагательные: *долговязый, прыткий, щуплый, нынешний, разбитной* и т.д.; глаголы: *выкрутиться, затеять, навязаться, огорошить, тараторить* и т.д.; наречия: *втихомолку, кувырком, помаленьку, хорошенько, чуточку* и т.д.; междометия: *ага, ого, бац, ой, ну* и т.д.).

Разговорно-бытовая лексика неоднородна с точки зрения своего употребления. Она включает в себя общенародную разговорно-бытовую лексику, а также слова, социально или диалектно ограниченные.

Общенародная лексика – это лексика, известная и употребляемая всеми носителями языка (независимо от их места жительства, профессии, образа жизни). Она составляет костяк словарного состава языка, тот фонд, на базе которого происходит пополнение и обогащение лексики литературного языка. В нее входят слова, без которых невозможно общение, поскольку они обозначают жизненно важные понятия. В зависимости от соотношения этой лексики с нормой литературного языка в ее составе выделяют разговорно-литературную лексику (т.е. лексику, не нарушающую норм литературного употребления, ср. *окошко, землица, молодчина, бедняга, болтун* и др.) и просторечную лексику (т.е. лексику, не связанную строгими нормами, ср. *лоботряс, хапать, форсить, подлюга* и др.). От нейтральной лексики эти слова отличаются своей специфической экспрессивно-стилистической окрашенностью (ср., например, присутствующую в этих словах окраску презрения, бранности, фамильярности, шутовности и т.д.), так как в лексическом значении этих слов имеется элемент оценки (ср., например, нейтральное *неправда*, разговорно-литературное *ахиня, вранье, ерунда* и просторечное *брехня* и т.д.).

В современных языках выделяется также сравнительно небольшой разряд разговорной лексики, который часто называют сленгом. Отличаясь яркой экспрессивностью, порой с шутовской окраской, а иногда и «языковой игрой», эти слова присутствуют в основном в речи молодежи (ср. *кайф* ‘удовольствие’, *совок* ‘советский человек’, *бабки* ‘деньги’, *комок* ‘комиссионный магазин’). Их отличительная особенность – необыкновенная подвижность и недолговечность пребывания в языке: просуществовав в языке некоторое время, они быстро забываются, уступая место новым «модным»

словечкам (ср., например, забытые сегодня, но употребительные в 50-60 годах слова *колеса* в значении ‘ботинки’, *хилить* ‘идти’ и др.).

Лексика социально или диалектно ограниченная – это лексика, ограниченная в своем употреблении той или иной социальной средой, группой лиц или диалектной территорией. К этой группе лексики относятся диалектизмы, профессионализмы и арготизмы.

Диалектизмы – это слова, составляющие принадлежность диалектов того или иного языка. Они не входят в общенародную лексическую систему, поскольку известны лишь в границах определенных диалектов (ср., например, южнорусское *бирюк* ‘волк’, *вечерять* ‘ужинать’, *лонись* ‘прошлым летом’; севернорусское *баить* ‘говорить’, *гашиник* ‘пояс’, *векша* ‘белка’ и др.). Будучи лексикой внелитературной, диалектизмы, однако, находят применение в языке художественной и публицистической литературы, используясь в качестве стилистических или характерологических средств, позволяющих достичь художественной выразительности (ср., например, использование диалектизмов в произведениях И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова, В.М. Шукшина). Находясь за пределами национального литературного языка, диалектизмы нередко расширяют сферу своего распространения, становясь источником пополнения и обогащения словарного состава языка (ср., например, слова, пришедшие в русский язык из диалектов: *батрак, пахать, бирюк, филин, чепуха, неуклюжий* и др.).

Профессионализмы – это слова, составляющие принадлежность речи той или иной профессиональной группы. Профессионализмы так же, как и диалектизмы, имеют ограниченную сферу употребления, однако в отличие от них, это ограничение не территориальное, а профессиональное. Другим отличием является то, что они входят в словарный состав литературного языка (ср. *выдать на гора* в речи шахтеров, *камбуз, кок, склянка* в речи моряков, *полоса, шапка, подвал* в речи полиграфистов и т.д.). В процессе исторического развития языка сфера употребления профессионализмов может расширяться, и они превращаются в общенародные слова (ср. философский термин *материя* (< лат. *materia*), который расширил сферу своего употребления и приобрел два новых значения: 1) ‘предмет речи, тема’, ср. *высокие материи*; 2) ‘ткань’).

Арготизмы (< франц. *argot* ‘жаргон’) – это слова, ограниченные в своем употреблении социально (а иногда и профессионально), являющиеся эмоционально-экспрессивными эквивалентами стилистически нейтральных слов литературного языка (ср. *срезаться* ‘не выдержать экзамен’, *хвост* ‘несданный экзамен’, *вызуб-*

речь 'выучить' в студенческом аргю). Аргю обычно принадлежит относительно замкнутой группе населения, противопоставляющей себя остальным людям. От профессионализмов арготизмы отличаются своей экспрессивно-стилистической окраской, более широкой сферой распространения (вследствие чего они достаточно легко переходят в разговорно-бытовую лексику, не связанную строгими литературными нормами), наличием синонимической связи со словами, принадлежащими нейтральной лексике, поскольку основную группу арготизмов составляют общенародные слова, которые приобрели в различных аргю специфические значения (ср. *подбросить* 'подвезти', *загорать* 'простаивать', *баранка* 'руль' в профессиональном аргю таксистов). Находясь за пределами литературной нормы, арготизмы, однако, встречаются в языке художественной литературы, где они используются в качестве средства речевой характеристики персонажа или как средство реалистического изображения обстановки (например, лагерного быта в рассказах В. Шаламова). Иногда же арготизмы проникают и в литературный язык (например, слово *филистер* 'мещанин' восходит к немецкому студенческому арготизму XVII в.: этим словом студенты немецких университетов называли горожан).

Книжная лексика объединяет в своем составе слова, стилистически ограниченные и закрепленные в своем употреблении, принадлежащие книжным стилям речи. В отличие от разговорно-бытовой лексики, сферой использования книжной лексики является строго нормированная литературная речь, стили публицистических и научных произведений, официальных бумаг и деловых документов, язык художественной литературы. Даже употребляясь в устной речи, книжная лексика не утрачивает своей стилистической окрашенности (ср. *воззрение*, *прерогатива*, *эрудиция*, *гипотетический* и т.д.). К книжной лексике относятся слова, являющиеся научными, общественно-политическими и техническими терминами (ср. *электрон*, *плазма*, *приверженец*, *рационалистический* и др.), абстрактная лексика (ср. *мировоззрение*, *профанация*, *господствовать* и т.д.), лексика деловых бумаг и официальных документов (ср. *надлежит*, *вышеизложенный*, *уведомление* и т.д.), устаревшая лексика (*перст*, *пит*, *виктория* и т.д.), поэтическая, среди которой немало архаизмов (ср. *ланиты*, *уста*, *чело*, *муза* и т.д.), а также так называемые экзотизмы, т.е. слова иноязычного происхождения, характеризующие быт, национальные особенности того или иного народа (ср. *аул*, *сакия*, *мечеть*, *шериф*, *клерк* и т.д.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Лексическая система языка, в отличие от всех других его систем, является наиболее чувствительной к общественно-историческим изменениям. Словарный состав языка, как непосредственно связанный с жизнью и деятельностью человека, изменяется практически непрерывно. Этот процесс идет в разных направлениях: появляются новые слова и фразеологические обороты, развиваются новые значения у некоторых старых, уже существующих в языке слов, происходит архаизация ряда слов, устаревшие слова и обороты уходят в пассивный словарный запас, у некоторых слов утрачиваются старые значения и развиваются новые, расширяется состав общеупотребительной лексики за счет вхождения в нее ранее стилистически ограниченных групп слов и оборотов и т.д.

Одним из наиболее важных процессов, влияющих на развитие словарного состава языка, является процесс пополнения лексики и фразеологии новыми словами. Эти новообразования возникают в языке вследствие появления в жизни общества новых явлений, вещей и понятий в результате общественно-политических, экономических и культурных изменений. Они формируются, как правило, на базе уже существующих слов по действующим в языке законам и моделям словообразования (ср., например, такие советизмы, как *колхоз*, *комсомол*, *парторг*, *агитпункт*, *воскресник*, *новатор производства*, *подхватить инициативу* и др.). Однако они могут возникать и в результате заимствований из других языков (чаще всего это научно-технические термины, ср., например, лингвистические термины *ассимиляция*, *диссимиляция*, *аккомодация*, *фонема*, *морфема* и др. или общественно-политические: *конформизм*, *конфедерация*, *космополитизм* и др.).

Помимо пополнения словарного состава языка за счет новообразований (т.е. новых лексических единиц в полном смысле этого слова), в языке идет активный процесс развития новых значений у ряда существующих слов. К таким семантическим новообразованиям можно отнести, например, слова *перестройка*, *режим экономики*, *проводить в жизнь*, *почетная грамота* и др.).

Появление в языке новых слов и оборотов сопровождается процессом их стилистического расслоения: происходит расширение состава нейтральной общеупотребительной лексики, в ней закрепляются слова и выражения, являющиеся по происхождению обще-

ственно-политическими, научными и техническими терминами, которые ранее относились к стилистически маркированным.

Наряду с процессами, ведущими к обогащению словарного состава, в языке протекают и противоположные процессы, связанные с переходом ряда слов и фразеологических оборотов из активного словарного запаса в пассивный. Эти процессы также обусловлены историческим развитием общества, теми политическими, экономическими и культурными переменами, которые повлекли за собой утрату некоторых реалий в жизни людей (например, утрата старой бюрократической машины, старых общественных отношений способствовала переходу в пассивный запас русского языка таких слов, как *урядник, городской, фрейлина, сенат, оброк, подать* и др.). Однако эти процессы не являются определяющими в развитии словарного состава языка. Общее поступательное движение языка связано прежде всего с пополнением его словарного фонда и стилистических ресурсов.

АКТИВНАЯ И ПАССИВНАЯ ЛЕКСИКА

Лексический состав любого языка представляет неоднородное явление. Его стратификация (т.е. расчленение на слои) происходит на разных основаниях: по сфере употребления, по эмоционально-стилистической окрашенности, по происхождению, по принадлежности к определенному хронологическому срезу языка, по характеру использования в речи и т.д. Так, в частности, в зависимости от употребительности лексики в словарном составе языка отчетливо выделяются два пласта слов: активный и пассивный.

Активная лексика – это часть словарного состава языка, включающая слова, активно употребляющиеся во всех сферах жизни общества. Это привычная и повседневно употребительная лексика, не имеющая оттенка устарелости или новизны. В нее входят как общеупотребительные слова, так и слова, имеющие некоторые ограничения в своем использовании (например, специальные термины, профессионализмы, эмоционально-экспрессивная лексика и т.д.). Активная лексика образует ядро лексической системы языка, она обладает высокой частотностью, поскольку используется для обозначения наиболее существенных предметов и явлений внешнего мира, высокой сочетаемостью и словообразовательной активностью. Именно активная лексика определяет «лицо» языка той или иной исторической эпохи.

Пассивная лексика – это часть словарного состава языка, включающая слова, имеющие ограниченное употребление в повседневном общении. Будучи понятной носителям языка, она не является привычной, поскольку в повседневном общении употребляется редко. Это связано с тем, что слова, входящие в пассивную лексику, означают либо довольно редкие реалии, либо известны только части носителей языка. В пассивный словарный запас языка входят: 1) слова, которые уходят из языка, т.е. устаревающие или устаревшие, но не выпавшие из его словарного состава; 2) слова, которые окончательно еще не вошли в словарный состав языка, поскольку появились недавно и сохраняют еще оттенок «свежести», необычности.

Граница между активным и пассивным запасом языка подвижна, и в каждой исторической эпохе она проходит по-разному: в современном русском языке из активного запаса в пассивный перешли такие слова, как *денщик, земский врач, титулярный советник, классная дама* и др. и вновь возвратились в активный запас слова *гимназия, лицей, дума, наместник* и др.

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА

Устаревшие слова – это слова, составляющие принадлежность пассивного запаса языка, вышедшие (или выходящие) из употребления, но в большинстве своем понятные носителям языка (ср. *аршин, вещать, сокольничий* и др.). В русском языке, например, это не только исконно русские слова (ср. *сплох* ‘тревога’, *коверзны* ‘лапти’, *семо* ‘сюда’), но и старославянизмы (ср. *вещать, уста, лобзать, глаголить*), а также заимствованные слова (ср. *политес, сатисфакция, вояж*). Устаревшая лексика объединяет в своем составе слова, различающиеся степенью своей устарелости, причинами архаизации и характером употребления.

В зависимости от степени устарелости слов выделяют: 1) слова, значение которых непонятно носителям языка без соответствующих лексикографических справок (например, *просинец* ‘февраль’, *рака* ‘могила’, *стрый* ‘дядя по отцу’ и др.); 2) слова, понятные носителям языка, но составляющие принадлежность пассивной лексики (ср. *алкать, бедство, вран, глад* и др.); 3) слова, исчезнувшие из языка в качестве самостоятельных лексических единиц, но употребляющиеся еще либо в составе фразеологических оборотов (например, *ни зги не видно*, где *зга* ‘дорога’ или *ни кола, ни двора*,

где *кол* 'небольшой участок земли'), либо в составе производных слов (ср. *руг* 'насмешка' и производное *ругать*, *говядо* 'скот' и производное *говядина*).

В зависимости от причин, вызвавших архаизацию слова, устаревшие слова делятся на: 1) историзмы, т.е. слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением реалии (предмета или явления объективной действительности), ср., например, рус. *боярин*, *стольник*, *алтын* и др. Историзмы не имеют синонимов в литературном языке и при необходимости назвать то или иное исчезнувшее явление извлекаются из пассивного запаса языка; 2) архаизмы, т.е. слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по тем или иным причинам из активного запаса синонимическими лексическими единицами (ср. рус. *ловитва* 'охота', *кои* 'который', *лоно* 'грудь' и др.). Таким образом, если историзмы – это наименования устаревших реалий, то архаизмы – это устаревшие наименования существующих реалий. Различают два вида архаизмов: а) лексические, включающие собственно лексические архаизмы, т.е. слова, устаревшие целиком как определенные звуковые комплексы (ср. *вотще* 'напрасно', *сиречь* 'то есть', *выя* 'шея' и др.), лексико-словообразовательные архаизмы, т.е. слова, устаревшие лишь в своей словообразовательной структуре (ср. *рыбарь* 'рыбак', *воитель* 'воин', *пастырь* 'пастух' и др.) и лексико-фонетические, отличающиеся от своих синонимов лишь некоторыми звуками или ударением (ср. *пиит*, *зерцало*, *златой*, *глад*, *музыка* и др.); б) семантические, т.е. слова с устаревшим значением, неизвестным уже у существующего в современном языке слова (ср. *язык* 'народ', *глагол* 'слово', *позор* 'театр', *живот* 'жизнь' и др.).

С точки зрения стилистической маркированности устаревшей лексики различают лексику стилистически нейтральную (это, как правило, историзмы) и стилистически окрашенную (чаще всего архаизмы), используемую для создания высокосторжественного стиля (ср., например, пушкинское стихотворение «Пророк») или, наоборот, сниженного как средства сатиры и юмора (ср., например, «Обращение к читателю» М.Е. Салтыкова-Щедрина в его «Истории одного города»: «Что же, по-твоему доблестнее: *глава* ли твоя, хотя и легкою начинкою начиненная, но и за всем тем *горé* устремляющаяся, или стремящаяся *дóлу* брюхо»).

В процессе исторического развития языка устаревшие слова могут иногда возвращаться в активный запас языка, приобретая либо новую стилистическую окраску (как правило, возвышенную, ср. *отрок*, *внимать*, *веление*), либо новое значение (ср., например, сло-

ва *граждане* первоначально 'жители города', *приказ* первоначально 'учреждение', *дряхлый* первоначально 'печальный' и др.).

НЕОЛОГИЗМЫ

Неологизмы (< греч. *neos* 'новый' и *logos* 'слово') – это слова (или словосочетания), обозначающие новую реалию (предмет или понятие), появившиеся в языке сравнительно недавно, сохраняющие еще оттенок свежести и необычности. В качестве недавних воспроизводимых лексических единиц неологизмы не входят в активный словарный запас языка (ср., например, недавние неологизмы *ваучер*, *компьютер*, *дисплей* и др.).

В зависимости от причин, вызвавших появление неологизмов в языке, они подразделяются на: 1) неологизмы, обозначающие новую реалию в жизни общества (ср. *прилуниться*, *примарситься*, *спонсор*, *видеоклип*, *факс* и др.), появившиеся в языке в связи с научно-техническими, общественно-политическими, социальными и др. изменениями в жизни носителей языка; 2) неологизмы, обозначающие существующие реалии, вытесняющие их устаревшие наименования (например, в XIX в. как неологизмы воспринимались такие слова, как *предложный падеж* вместо *сказательный падеж*, *мифология* вместо *баснословие*, ср. также неологизмы XX в.: *пароход* – этим словом обозначался первоначально и паровоз, *самолет*, первоначально *аэроплан*, *аэробус* и др.), они появляются в языке в связи с необходимостью дать новое, более точное наименование тому, что уже имело свое обозначение. В развитых языках количество неологизмов, появившихся в печати в течение одного года, составляет несколько тысяч.

В зависимости от характера новизны неологизма (т.е. новое ли это слово вообще или новым является лишь его значение) они подразделяются на: 1) лексические неологизмы – это неологизмы, заимствованные из других языков (ср. *ралли*, *бобслей*) или образованные на базе существующих слов (ср. *луноход*, *луномобиль*, *гидроневесомость*); 2) семантические неологизмы – это неологизмы, в которых новое понятие передается с помощью уже существующих в языке слов (например, как семантический неологизм в XIX в. воспринималось слово *подоплека* в его современном значении, обозначавшее ранее 'подкладку крестьянской рубахи', а также *шумиха*, имевшее значение 'сусальное золото', ср. также современные неологизмы *морж* 'любитель зимнего плавания', *бомбардир*

‘результативный нападающий в футболе’, *грузовик* ‘грузовой космический корабль’ *диск* ‘грампластинка’ и др.).

С точки зрения стилистической маркированности неологизмов различают стилистически нейтральные неологизмы (ср. *безразмерный, перестройка, гласность*) и стилистически окрашенные (ср. бывшие в 50-х годах неологизмы *стиляга, показуха* или современные *заводной* ‘увлекающийся’, *фанаты* ‘болельщики’ и др.).

В процессе исторического развития языка неологизмы постепенно осваиваются говорящими, становятся общеупотребительными, теряют отпечаток новизны и вливаются в активный словарный запас языка (сегодня, например, не воспринимаются уже как неологизмы слова *гражданин, колхоз, будущность, промышленность* и др.).

От неологизмов как фактов языка отличаются окказионализмы как факты контекстуально закрепленного речевого произведения. Окказионализмы (< лат. *occasionalis* ‘случайный’) – это слова, созданные автором (или говорящим) в определенных стилистических целях (ср. *громадье, многопудье, молоткастый, серпастый* у В.В. Маяковского), поэтому их часто называют индивидуально-стилистическими неологизмами. Они отличаются тем, что, как правило, не получают широкого распространения и не входят в словарный состав языка. Такие контекстуально-закрепленные слова вне соответствующей ситуации теряют свою выразительность и становятся непонятными для носителей языка (ср. пушкинские окказионализмы *кюхельбекерно, огончарован, хандрлив* и др.). Однако употребленные в контексте, они становятся средством создания образной речи, определенных художественных эффектов, тонкой словесной игры.

ПУТИ ОБОГАЩЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Основным процессом, влияющим на развитие словарного состава языка, его обогащение и совершенствование, является процесс постоянного роста лексики за счет появления новых слов. Будучи связанным с историей народа, словарный состав языка отражает все многообразие его жизни: изменения в общественно-политическом устройстве, развитии производства, науки, техники, культуры. Процесс расширения словарного состава языка особенно интенсивно протекает в периоды глубоких общественно-политических потрясений и социально-культурных перемен. Лексика языка

активно реагирует на явления, вызванные к жизни этими общественными изменениями.

Новые слова (т.н. новообразования) строятся по существующим в языке словообразовательным моделям, поскольку основным способом обогащения словарного состава языка на протяжении всей истории его развития является образование новых слов на базе имеющегося в языке строительного материала. Именно словообразование обеспечивает непрерывность пополнения лексического состава языка (ср., например, бывшие неологизмы, созданные по словообразовательным моделям русского языка: *целинник, октябренок, хлебозаготовки, соцсоревнование, застой, брежневщина* и др.).

Словообразование (в частности, его лексико-семантический способ) обогащает словарный состав языка путем расширения семантического объема слова: существующие в языке слова вследствие семантических изменений расщепляются на два или более омонима, в результате чего возникают новые слова, осознающиеся как этимологически самостоятельные и независимые (ср., например, такие слова, как *спутник, спайка, звено, перестройка* и др.).

Другим источником пополнения словарного состава языка являются заимствования. В разные исторические эпохи характер заимствований, их тематическая принадлежность, интенсивность проникновения в лексический фонд того или иного языка были неодинаковы (ср., например, заимствования в русском языке в древнерусскую эпоху XII–XIV вв.: в основном это были тюркизмы, относящиеся к быту и коневодству: *деньги, казна, карман, сундук, кушак, лошадь, табун, аркан* и др.; или заимствования в XVIII в.: особенно интенсивно они шли из французского языка: наряду со словами бытового характера (*пальто, кашне, манто*), заимствовались многочисленные общественно-политические, военные термины (*парламент, шовинизм, батальон, атака*), а также термины искусства, науки (*вальс, балет, романс, тире, диссонанс, нюанс*); ср. также интенсивный приток англицизмов и американизмов в сферу экономики и политики современного русского литературного языка (*дилер, маркетинг, бартер, брифинг, брокер, имидж* и др.). При этом при заимствовании словообразование также играет существенную роль, поскольку способствует словообразовательной адаптации слова (ср., например, суффикс *-ировать* в словах *маршировать, рететировать, дирижировать* и др. или суффикс *-ист* в словах *программист, самбист, хоккеист* и др.).

Интересно, что иногда язык дает примеры обратных заимствований, когда слово переходит из одного языка в другой, а затем

вновь возвращается назад, претерпев изменения либо в своем фонетическом облике, либо в семантике. Особенно много таких примеров дает французский язык, откуда в XII–XV вв. немало слов перешло в английский, однако в XVIII в. эти слова вновь возвратились во французский язык, но уже с иным значением (например, из английского язык во французский вернулось слово *jury* ‘жюри, присяжные’, в старофранцузском слово *jurée* означало ‘присяга’).

Займствоваться могут не только слова, но и словообразовательная структура слова, вследствие чего в языке появляются так называемые кальки, т.е. слова, состоящие из материала родного языка, но построенные по иноязычной словообразовательной модели (ср. поморфемный перевод лат. *pronomem* ‘вместо имени’ > рус. *местоимение*, франц. *subdivision*, где *sub-* передан префиксом *под-*, корень *divis-* основой *раздел-*, а суффикс *-ion* – суффиксом *-ение*). Кальки относятся, таким образом, к скрытым заимствованиям.

Иногда заимствоваться может и семантическая структура слова (например, у французского слова *paradis* ‘рай’ еще в XVII в. возникло переносное значение ‘галерка в театре’, по аналогии с ним в русском языке появилось слово *раек*).

Попадая в язык, иноязычное слово переживает процесс фонетической и грамматической адаптации. В соответствии с фонетическими нормами принимающего языка устраняются непривычные фонетические контрасты (ср. упрощение в русском языке греческого сочетания звуков *kh* в слове *khoros* ‘хор’), иногда, однако, заимствованное слово может сохранять свои фонетические особенности (ср. произношение твердого согласного перед [е] в словах *фонема*, *тембр*, хотя орфоэпическая норма русского языка требует здесь произношения мягкого согласного). Кроме фонетической, происходит и грамматическая адаптация заимствованного слова, т.е. оно приобретает регулярные формы словоизменения, свойственные принимающему языку (ср. заимствованные слова *шампунь*, *тюль*, которые приобрели в русском языке категорию рода, числа, падежа), однако и здесь бывают исключения, когда иноязычное слово (особенно оканчивающееся на гласный) оказывается вне системы словоизменения (ср. *пальто*, *метро*, *рагу*, *жюри* и др.).

Соотношение исконной и заимствованной лексики в каждом языке, как правило, бывает разным (в китайском языке, например, заимствования составляют ничтожно малую часть, даже при передаче научных понятий, пришедших из Европы, китайский язык использует свой строительный материал, создавая оригинальные сложные слова, например, понятие «электричество» передается в ки-

тайском языке корнем *дянь* ‘молния’, с помощью этого корня образуются и такие слова, как ‘трамвай’ *дяньчэ*, ‘телефон’ *дяньхуа* и др., а в английском языке заимствования составляют около 70% его словарного состава, такой же высокий процент (50%) заимствований наблюдается и в персидском языке).

Пополнение словарного состава языка может происходить и за счет диалектизмов, привлечения просторечных и разговорных элементов (ср., например, вошедшие в русский литературный язык диалектизмы: *ушанка*, *расческа*, *улыбаться*, *нудный*, *хилый* и др.).

Утрата стилистической окрашенности слова также способствует расширению лексического фонда языка (ср., например, утвердившиеся в русском литературном языке бывшие в 20-ые годы просторечными слова *афера*, *ребята*, *зря*, *учеба*, *нехватка* и др.).

Немаловажную роль в обогащении словарного состава языка играет и изменение значений существующих в языке слов (например, в древнерусском языке слово *лѣто* имело значение ‘год’, в современном русском языке – ‘одно из времен года’). Семантические изменения зависят от многих условий, однако решающим является исторический фактор, т.е. сама социальная действительность, которая и предопределяет эти изменения (ср., например, изменения в значении слова *династия*: если раньше оно имело значение ‘ряд монархов из одного и того же рода, последовательно сменявших друг друга на троне’, то современная действительность внесла свои коррективы, вследствие чего это слово получило значение ‘семья с наследуемой профессией’, ср. *династия шахтеров*, *сталеваров*, *ткачей* и т.д.). Примером языкового и функционального оживления историзма может служить и слово *дружина* (ср. *народная дружина*, *пионерская дружина*, *ледовая дружина* и т.п.). Важным в этом процессе является соотношение компонентов семантической структуры слова: перераспределение их нередко вызывает изменения его значения (ср., например, историю слова *дряхлый* в русском языке: первоначально оно имело значение ‘печальный, грустный’, однако в XVII в. это слово приобретает значение ‘немошный от старости’, что происходит вследствие перераспределения семантических компонентов слова: на первый план выдвинулось представление о внешних проявлениях, а на втором осталось душевное состояние субъекта).

Формирование новых форм общественно-экономических отношений в России вызвало к жизни множество семантических неологизмов, актуальных в современную эпоху (ср., например, такие

слова, как *перестройка, застой, перегиб, торпедировать переговоры, порог бедности, потребительская корзина* и др.).

В развитии словарного состава языка выделяются, таким образом, две основные тенденции: одна из них связана с ростом национальных элементов языка (и здесь важная роль принадлежит словообразованию), другая – с ростом интернациональных элементов, что объясняется усилением и расширением международных государственных, культурных и научных связей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ

Лексикология как наука, изучающая словарный состав языка, описывая лексику в ее системных связях и отношениях, прослеживает также пути формирования и развития словарного состава языка, изменения в различных группах слов. Изучением динамики словарного состава языка (или его отдельных участков) занимается историческая лексикология. Предметом ее исследований является история слов в связи с историей обозначаемых ими реалий. Обращаясь как к собственно языковым, так и внеязыковым факторам при описании истории слов, историческая лексикология прослеживает пути изменения их значений, исследует процессы, которые привели к этим изменениям, т.е. изучает словарный состав языка в его историческом развитии (в русском языке, например, уже не ощущается связь между такими словами, как *спасти* и *опасаться*, между тем данные исторической лексикологии говорят о том, что в прошлом эти два глагола были связаны с глаголом *паст* в значении 'беречь'; памятники древнерусского языка свидетельствуют о том, что развитие значений слов *опасный, опасение, опасаться* прошло через стадию значения 'осмотрительный', 'осторожный', ср., например, сочетание *опасная грамота*, которое в древнерусском языке имело значение 'охранная грамота').

С исторической лексикологией тесно связана этимология – наука, изучающая происхождение слов. Задачей этимологии является реконструкция словарного состава языка древнейшего (обычно дописьменного) периода. Используя определенные научно-исследовательские приемы, этимология реконструирует первичные формы и значения слов, устанавливает связь их формы и содержания. Она позволяет узнать, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, в какой форме и с каким значением возникло слово. Благодаря этимологическим исследованиям можно проследить ис-

торические изменения, которые претерпело слово в языке (например, общеславянское слово *береза*, праславянская форма которого **berza*, восходит к индоевропейскому слову **bherǵ-s*, которое является суффиксальным производным от корня **bher-* 'светлый, белый, ясный', т.е. название березы, обнаруживающее глубокую древность, произведено от индоевропейской основы со значением 'белый, светлый': дерево названо по белому цвету коры).

Этимология имеет свои методы исследования, главным из которых является сравнительно-исторический. Суть его заключается в сравнении родственных морфем с целью определения закономерностей в их историческом развитии (в фонетических изменениях, в морфонологических чередованиях и т.д.) и реконструкции прототипа или праформы. Важнейшей процедурой сравнительно-исторического анализа является реконструкция первоначальной формы слова, осуществляемая путем установления соответствий на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях (сравнивая, например, морфемы *lik-, lic-, lič-*, известные во всех славянских языках, учитывая праславянские фонетические процессы, связывавшие согласные *-k-, -c-, -č-*, этимологи восстанавливают для праславянского языка праформу **lik-ъ*). Сравнительно-исторический метод исследования позволяет проследить историю сравниваемых морфем и восстановить их древнейший прототип, учитывая фонетическое, структурное и функциональное тождество морфем. Для решения этой задачи этимологи привлекают данные не только существующих языков и диалектов, но и мертвых (например, старославянского, латинского, прусского, лувийского и др.). Основой сравнения является, как правило, язык с древнейшей письменной традицией (в индоевропеистике таким языком долгое время был санскрит, однако в последнее время эту функцию все чаще выполняют хетто-лувийские языки).

При установлении первоначальной формы и значения слова этимология использует и другие методы – типологический, лингвогеографический, методы моделирования, в частности, метод семантических параллелей. Объясняя развитие значений слова, изменения в его семантической структуре, этимолог опирается на общие закономерности человеческого мышления, на всю совокупность знаний о человеке и окружающем его мире (например, установление родства русского глагола *двигать* с немецким *Zweig* 'ветка' и его производности от слова *два* было осуществлено благодаря реконструкции для глагола *двигать* первичного значения 'поднимать' и привлечению сведений из истории техники об использова-

нии в качестве рычага для поднятия тяжестей палки или ветки с раздвоенным концом; объяснение родства лат. *rex* 'царь', *regere* 'править' со славянским **rězati*, как доказала Ж.Ж. Варбот, оказалось возможным благодаря уяснению жреческих функций царя в древнейшем обществе и их связи с сакральными измерениями, которые осуществлялись надрезами).

Таким образом, основная цель этимологических исследований – определение первоначального значения и формы слова, т.е. его этимона, поскольку в процессе исторического развития языка многие слова утратили свою внутреннюю форму: в народном сознании оказались забытыми те мотивационные признаки, которые легли в основу этих слов (ср., например, такие слова, как *река*, *солнце*, *ветер*, *стол*, *человек*, *дом* и др.), более того, у многих из них вследствие различных фонетических процессов произошел разрыв связи с однокоренными образованиями (например, в слове *щи* связь с корнем *сок* уже не прослеживается, утрачена связь с корнем *перст-* и в слове *перчатка*), что привело к перестройке их семантических связей (например, слово *мешок* в сознании говорящих уже не связывается с *мехом*, хотя первоначально эта связь существовала, так как мешки делались из звериной шкуры). Процесс утраты словом прежних смысловых и словообразовательных связей с производящей основой, вследствие которого слово теряет свою внутреннюю форму, называется деэтимологизацией. Причиной деэтимологизации являются чаще всего звуковые изменения, нарушающие смысловые связи слов (ср. потерю смысловых связей словом *повесть* с глаголом *поведать* вследствие фонетического изменения *d > c*), однако нередко такой причиной является и непродуктивность некоторых аффиксов (ср. утрату смысловых связей существительного *знамя* с глаголом *знать* вследствие архаизации суффикса *-мя*), условный характер тех или иных предметов (например, у прилагательного *голубой* утрачена связь со словом *голубь*, у глагола *красить* – со словом *краса* и т.д.). Попытки найти эту внутреннюю смысловую связь на основе чисто внешнего, звукового совпадения слов без учета реальных фактов их происхождения приводят к ложной (или *народной*) этимологии (слово *ладушки* по народной этимологии обычно связывают со словом *ладоши*, вместо *ладушка* < *лада* 'милый'). Народная этимология основана на произвольном толковании этимона слова. Она возникает вследствие звуковых совпадений, ложных ассоциаций и других причин (ср., например, слово *гульвар* вместо *бульвар* на основе сближения с глаголом *гулять* или *мелкоскоп* вместо *микроскоп* и т.д.).

ОНОМАСТИКА

Ономастика (< греч. *onomastikē* 'искусство давать имена') – это раздел лексикологии, в котором изучаются имена собственные как один из «продуктов» человеческой культуры. В соответствии с категориями объектов, носящих собственные имена, ономастика традиционно делится на следующие разделы: *антропонимика*, которая изучает имена людей, *этнонимика* – имена этносов, *топонимика*, изучающая имена географических объектов (сюда в качестве самостоятельных разделов входят *гидронимика*, исследующая названия водных объектов, *оронимика* – названия рельефа, *ойконимия* – названия населенных пунктов и др.), *зоонимика* – клички животных, *астронимика* – названия небесных тел и т.д.

Ономастика изучает историю возникновения имен собственных (онимов), функционирование их в языке и обществе, закономерности их образования и развития, устанавливает принципы номинации онимов, рассматривая их в социологическом, лингвогеографическом и собственно лингвистическом аспектах (с точки зрения фонетики, морфологии, словообразования, этимологии). Используя различные методы исследования (сравнительно-исторический, типологический, ареальный, этимологический и др.), ономастика выявляет определенные закономерности в различных языках в означивании человека и реалий внешнего мира, помогает установить универсалии (такой, например, антропонимической универсалией являются прозвища с качественно-характеризующей основой, ср. иллирийские имена-прозвища *Rufus* 'рыжий', *Valens* 'сильный', *Maximus* 'большой' или болгарские *Кара Иван* 'Черный Иван', *Каба Иван* 'Сильный Иван').

Имена собственные отличаются необыкновенной устойчивостью и традиционностью, поэтому, изучая их, ономастика, и в частности, антропонимика, позволяет понять идеалы красоты человека, его жизненные ценности, образность его мышления, природные условия его существования, поскольку все эти факторы влияют на формирование ономастического и так или иначе отражаются в именах собственных. Как показали последние исследования в области семиотики (работы В.В. Иванова, В.Н. Топорова), древнейшая ономастическая система – это не случайный набор имен, попавших в ономастическую орбиту, а своеобразный языковой текст, обнажающий систему ценностей, высшие идеалы, концептуальную модель мира древнего человека. Особенно ярко ценностные ориентации общества проявляются в посвяжительных и благопожелательных именах

(имя царя вавилонян *Навуходоносора* означало «бог Набу, храни границы»). В древнем Египте тронные имена фараонов были воплощением политических и религиозных идей: поскольку с образом солнца в долине Нила было связано учение о божественном происхождении царей, то в их именах актуализировалась идея родства с богом Солнца – Ра и Амоном (ср. *Тутанхамон* дословно ‘превосходен жизнью Амон’ или *Аменхотеп* ‘Амон доволен’); в древних славянских личных именах чаще всего использовались основы **mir-/*-mirъ*, **slav-/*-slavъ*, **vold-/*-voldъ*, актуализировавшие идею славы, власти над миром.

Ономастика древнейшей, родовой организации общества характеризовалась наличием наследственных родовых имен, обычно дававшихся по родовому тотему (< англ. *totem* из языка индейцев ‘животное, растение, предмет, которые у родовых групп были объектом религиозного почитания’), своеобразных групповых антропонимов, передававшихся по женской линии (ср., например, имена собственные родов племени ирокезов: *Волк*, *Медведь*, *Бобр*, *Черепаша*, *Сокол* и др.). Личные имена каждого рода составляли его исключительную собственность и не могли употребляться в других родах того же племени. Эти имена часто указывали на род, которому они принадлежат (например, у индейцев Америки в племенах саук и фокс имя *Длинный Рог* принадлежало роду Олень, *Орел Сидящий с Поднятой Головой* – роду Орел, *Черный Волк* – роду Волк).

В древней Греции женщины с замужеством переходили в другую семью, теряя свое прежнее родовое имя. Каждый новорожденный зачислялся во фратрию и род своего отца (поскольку поколение исчислялось по мужской линии и имущество переходило от отца к сыну). Роды в Греции имели патронимические названия, которые в большинстве своем были связаны с греческой мифологией. После революции Клизфена (509 г. до н.э.), когда были уничтожены последние остатки родового строя, родовое имя прекратило свое существование. Мужчина начал зваться личным именем, за которым следовало имя отца и название дома, к которому он принадлежал (*Эсхин сын Антромета*, *Кофикид*). Интересно, что при этом нередко наблюдалась тенденция к сохранению антропонимической основы имени отца в имени сына, что также подчеркивало идею родства (ср. *Сократ* и *Софрониск* – отец и сын или *Ликург* и *Ликуфрон*). Постепенно решающее значение приобретает не принадлежность человека к тому или иному роду, а место его постоянного проживания, а в дальнейшем и род его деятельности.

Имя в древности воспринималось как нечто материальное, как *alter ego* (лат. ‘другой я’), поэтому в различных языках мира имя табуировалось, чтобы при его произнесении не повредить человеку. О таком материальном восприятии имени свидетельствует и тот факт, что средневековые шииты, считавшие Абу-Бакра Омара и его халифа Османа узурпаторами, писали их имена у себя на пятках, чтобы при ходьбе попирать их.¹

Как свидетельствуют исследования по ономастике, в развитии антропонимического ономастикона различных народов прослеживаются определенные типологические закономерности.

Большинство древних и-е имен связаны с идеей войны, воинской славы, доблести (ср. древние германские корни *-hild* ‘бой’ в современных именах *Brunhilde*, *Klotilde*; *-helm* ‘шлем’ в *Wilhelm*; *-bald* ‘смелый’ в *Archibald*, *Baldwin*; славянские *-слав* в именах *Ярослав*, *Милослав*, *Владислав*; греческие *-kles* с тем же значением: *Perikles*, *Themistokles*, *Sophokles*; *-nik* ‘победа’ – *Andronikos*, *Nikolaos*). С этой группой имен связаны и антропонимы, в основе которых лежит идея власти, господства над миром (ср. рус. *Владимир*; герм. корни *hlud-* ‘мир’ в именах *Hludawiga*, *Ludwig*; *-wald* ‘власть’ в *Oswald*, *Walter*).

Другой, часто актуализируемой в именах идеей, является идея Бога. Теофорные имена (т.е. имена, в которых упоминался Бог или Боги) встречаются в древнегреческой антропонимии (ср. *Theokritos*, *Theodoros* или имена, связанные с Зевсом: *Diodoros*, *Diogenes*, *Dio-medes*), однако наибольшее распространение они получили в антропонимии семитских народов Ближнего Востока (ср. общесемитский корень *el-* со значением ‘бог’ в именах *Elazar* (отсюда Лазарь), *Ēliša* (отсюда Елисей), *Ēliševa* (отсюда Елизавета). Часто в антропониме присутствует и собственное имя иудейского бога *Jahwe*, ср. *Jehojaqim* (отсюда Аким), *Jehošu'a* (Иисус), а в имени собственном Илья присутствуют оба корня (*Ēlijahu*). В арабском языке при образовании антропонима имя бога используется редко (ср. *Abdallah* ‘раб Аллаха’), зато в его основу часто кладется какой-либо эпитет бога или пророка (ср. *Karim* ‘милостивый’, *Akkbar* ‘великий’, *Halid* ‘вечный’, *Mahmud* ‘достойный похвалы’).

Распространение христианства способствовало дальнейшей популяризации этого принципа номинации. Однако кроме божественной идеи (ср. греч. *Timotheos* ‘богобоязненный’, *Panteleimon* ‘всемилоостивый’), получает актуализацию идея христианских добродетелей.

¹ См. комментарии М.А. Салье к «Книге тысячи и одной ночи». М., 1959, т. 3, с. 324, 362.

телей (ср. греч. *Sophia* 'мудрость', *Galene* 'спокойствие', *Petros* 'камень', *Anastasia* 'воскресшая'). Впоследствии эти «значимые имена» (часто с религиозной или моральной окраской) благодаря латинскому языку получили широкое распространение во многих европейских языках (ср. лат. *Benedictus* 'благословенный', *Felix* 'счастливый', *Vitalis* 'жизненный', *Victor* 'победитель' и др.). В русском языке официальная роспись имен даваемых при крещении была церковнославянской, т.е. византийско-греческой по происхождению, однако вплоть до XVII в. в России удерживалась практика давать второе, некрестильное имя, которое могло быть самого разного происхождения (ср. имя новгородского посадника, обозначенное в приписке к первому русскому памятнику Остромирову Евангелию 1056 г.: «въ крщении Иосиф, а мирьскы Остромиръ»).

Некоторые типологические закономерности прослеживаются и в образовании фамилий. Чаще всего (особенно в русском и тюркских языках) встречаются патронимические фамилии, т.е. фамилии, возникшие из имени отца (ср. рус. *Иванов*, *Петров*; нем. *Peters*, *Marx*; англ. *Jones*, *Andrews*). К ним примыкают фамилии, возникшие от прозвищ, построенных либо по принципу сходства (ср. рус. *Козлов*, *Баранов*; нем. *Wolf* 'волк', *Adler* 'орел', англ. *Fox* 'лисица', *Buck* 'козел'), либо на основе какого-либо внешнего признака человека (ср. рус. *Горбунов*, *Беляев*), особенностей его поведения (ср. рус. *Смирнов*, *Молчанов*), либо обстоятельств рождения (ср. рус. *Жданов*, *Нечаев*) и т.д..

Другим, не менее продуктивным способом номинации фамилий (особенно в западноевропейских языках), является актуализация сем 'место жительства' или 'этническая принадлежность' (ср. рус. *Новгородов*, *Тамаринов*; англ. *Scott* 'шотландец', *Ford* 'брод'; нем. *Berg* 'гора', *Bach* 'ручей'; франц. *Dupont* 'у моста', *Dubois* 'у леса').

Широко распространен и такой способ номинации, который связывает фамилию с родом деятельности предков (ср. рус. *Кожевников*, англ. *Smith* 'кузнец'; нем. *Weber* 'ткач', *Wagner* 'тележник').

В ономастике, как ни в одном другом разделе лексикологии, ярче всего проявляется социальная сущность языка. Возникая в обществе, имя отражает особенности общественной жизни. Все изменения в общественно-исторической или социальной жизни общества проявляются прежде всего в его географических названиях (ср., например, непрекращающийся процесс переименования улиц Москвы, вызванный различными политическими установками общества). Изучая историю возникновения имен в синхронном и диахронном аспектах, ономастика позволяет проникнуть в глубь веков. Яв-

ляясь своеобразным «языком земли» и хронологизатором (при этом нередко безошибочным), она дает бесценный материал для понимания истории того или иного народа, его культуры и психологии.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

С лексикологией тесно связана лексикография – наука о словарях и практике их составления. Лингвистические словари (в отличие от энциклопедических, где сообщаются лишь сведения о соответствующих реалиях) объясняют значения слов, дают различную информацию о них или их перевод на другой язык. Словари выполняют несколько функций: 1) информативную (они позволяют приобщиться к накопленным знаниям); 2) коммуникативную (способствуют межъязыковому общению, обучению языку, причем как родному, так и неродному); 3) нормативную (дают описание языковых единиц, фиксируют их значения, способствуя нормализации и унификации языка как средства общения).

Лингвистические словари появились в глубокой древности: первый толковый словарь был создан в Китае в III в. до н.э., а в начале нашей эры там же появляется и первый диалектный словарь, значительно позднее создаются переводные словари, первоначально в виде небольших глоссариев (< греч. *glōssa* 'язык, речь'), сопровождающих тот или иной литературный памятник: самым старым из дошедших до нас русских глоссариев является словарик (в 174 слова) к Кормчей книге 1282 г.

В зависимости от назначения словаря, его словника (т.е. состава и количества входящих в него слов), строения словарных статей (т.е. характера объяснения значения слов), наличия/отсутствия иллюстративного материала, особой системы помет и других признаков различают одноязычные, двуязычные (или многоязычные) словари.

Среди одноязычных словарей выделяются прежде всего толковые словари, в которых объясняется значение слова, его основные грамматические свойства, употребляемость, указываются особенности произношения и место ударения, даются стилистические характеристики, приводятся типичные словосочетания и фразеологические обороты, в которых употребляется слово в том или ином значении. Одним из древнейших толковых словарей является словарь арабского языка Ибн Мансура (XIII в.), который до сих пор остается самым большим словарем арабского языка. Принципы отбора слов, входящих в толковый словарь, приемы определения

их значений, объем дополнительных сведений, а также сам объем словника в разных толковых словарях не совпадает, что объясняется во многом лексикографической традицией, типом словаря, его назначением.

Толковые словари могут быть нормативными и ненормативными. В нормативных словарях (таких, например, как «Словарь русского языка» Академии Российской 1789–1794 гг. или Академический «Словарь современного русского литературного языка» 1948–1965 гг.) отбор слов и сведения о них даются в строгом соответствии с действующими языковыми нормами. Главная их задача – объяснить значения слов и показать правила их использования в речи, содействуя тем самым нормализации разговорного языка, развитию культуры речи. Ненормативные словари (ср. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля) имеют несколько иные цели: их назначение – описать возможно большее количество слов, входящих в сокровищницу языка, поэтому в них наряду с лексикой литературного языка, приводится диалектная лексика с указанием территории ее распространения, лексика, связанная с народными промыслами, ремеслами, а в словаре В.И. Даля – даже лексика, относящаяся к тайному языку офеней.

От толковых словарей отличаются другие типы одноязычных словарей. В зависимости от объема словника, принципов отбора материала и его характеристики различаются словари тезаурусы (< греч. *thésaurus* ‘сокровище, запас’, т.е. охватывающие всю лексику языка, в полном ее объеме, ср. «Словарь церковнославянского и русского языка» Академии Российской 1847 г.) и частные словари, отражающие лишь некоторые тематические группы словарного состава языка, а также лексику, территориально или социально ограниченную. Сюда входят терминологические словари, объясняющие термины различных областей знания (ср. «Астрономический словарь» П.И. Иванова), диалектные, содержащие диалектную лексику и дающие ее объяснение (ср. «Словарь областного Архангельского наречия» А. О. Подвысоцкого), словари языка писателей, характеризующие лексику произведений того или иного писателя с указанием всех случаев ее употребления в тексте (ср. «Словарь языка А.С. Пушкина»), а также словари отдельных разновидностей слов (например, сокращений, собственных имен, географических названий и т.д.).

В зависимости от способа описания слова, целей и задач такого описания выделяют специальные научные (или аспектные) словари, раскрывающие отдельные аспекты слов и характер отношений

между ними. Это этимологические словари, дающие объяснение происхождения слов (ср. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера), исторические словари, которые отражают лексику различных хронологических срезов, зафиксированную в памятниках письменности определенных эпох, и позволяют проследить историю слов: время их появления в языке, развитие значений, изменение словообразовательной структуры и т.д. (ср. «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского), словообразовательные словари, иллюстрирующие словообразовательную структуру наиболее употребительных слов языка (ср. «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова), грамматические словари, дающие представление о грамматических свойствах слова, в том числе и его парадигме, т.е. совокупности всех его форм (ср. «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка), орфографические словари, фиксирующие нормативное написание слов (ср. «Орфографический словарь» Д.Н. Ушакова и С.Е. Крючкова), орфоэпические словари, содержащие информацию о нормативном произношении и ударении слова (ср. «Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Р.И. Аванесова); словари, посвященные описанию отдельных лексико-семантических категорий языка, например, синонимические словари, характеризующие синонимические ряды при их доминанте и дающие иллюстративный материал к ним (ср. «Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой) или появившийся недавно «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна, в котором впервые дается установка на отражение языковой картины мира), антонимические словари, фиксирующие антонимические однокоренные и разнокоренные пары (ср. «Словарь антонимов» Н.П. Колесникова), омонимические словари, в которых приводятся омонимические пары, дается квалификация омонимов с точки зрения их образования или происхождения (ср. «Словарь омонимов русского языка» О.С. Ахмановой), словари паронимов, в которых предлагается толкование слов-паронимов, указывается различие в их сочетаемости, объясняются случаи ошибочного употребления (ср. «Словарь паронимов русского языка» Н.П. Колесникова), частотные словари, в которых фиксируется частотность употребления слова в тексте (наиболее употребительные в русском языке слова представлены в «Частотном словаре русского языка» под ред. Л.Н. Засориной).

Лингвистические аспектные словари различаются и единицами лексикографического описания. Это могут быть не только словари

слов, но и словари морфем (ср. «Словарь морфем русского языка» А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой), словари сочетаний (ср. «Словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина или «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова).

В зависимости от принципов расположения материала в словаре выделяются идеографические словари (в которых слова располагаются по основным идеосферам языка, т.е. его семантическому каркасу, ср. «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой или немецкий идеографический словарь Ф. Дорнзайфа: в них лексика располагается по определенной схеме, включающей более 20 разделов, среди которых «Растительный мир», «Животный мир», «Пространство», «Время», «Человек» и др.), а также обратные словари (фиксирующие слова по алфавиту конечных букв, ср. «Обратный словарь русского языка»).

В зависимости от времени, эпохи бытования лексики, представленной в словаре, выделяются исторические словари, фиксирующие лексику различных хронологических срезов (ср. «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» (под ред. Р.И. Аванесова), «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (под ред. Ф.П. Филина и Г.А. Богатовой), «Словарь русского языка XVIII в.» (под ред. Ю.С. Сорокина) и др.). Исторические словари – это, как правило, словари-гиганты, над созданием которых трудятся целые авторские коллективы. В них содержится лексика, отражающая значительный период в истории развития языка.

В зависимости от назначения словаря, его адресата выделяют словари трудностей (ср. «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К.С. Горбачевича, в котором фиксируются слова, вызывающие акцентологические, слово- или формообразовательные трудности у носителей языка), словари ошибок, учебные словари-справочники и др.

Двуязычные или многоязычные словари в зависимости от расположения в словарной статье родного языка делятся на пассивные (родной язык в правой части) и активные (родной язык в левой части).

Толковые и двуязычные словари различаются не только своими целями и задачами, но и способом подачи материала, строением словарной статьи. В толковых словарях дается подробное толкование слова, содержащее тот же набор семантических компонентов, который представлен в объясняемом слове. Толкование может быть логическим (значение слова определяется через ближайшее

родовое или видовое понятие, ср. толкование слова *круг* ‘часть плоскости, ограниченная окружностью’), предметным (ср. толкование слова *вершина* ‘верхняя часть горы’ через часть от целого), лингвистическим (когда толкование дается через синонимы или словообразовательные формулы, ср. *грачонок* ‘птенец грача’). Кроме толкования слова, в толковых словарях приводятся пометы, указывающие на произношение слова, его стилистическую принадлежность, грамматические признаки, в частности его отнесенность к определенной части речи, а также индивидуальные грамматические особенности в склонении или спряжении, иногда указываются и особенности в сочетаемости с другими словами (особенно при управлении), дается развернутый иллюстративный материал к каждому значению слова, в некоторых толковых словарях (особенно романских языков) приводится и этимология слова.

В двуязычных (или многоязычных) словарях используется иной способ подачи материала: здесь дается перевод слова либо в виде его точного эквивалента, либо в виде расширенного толкования, которое сопровождается грамматическими (реже стилистическими пометами), дается транскрипция и лишь иногда приводятся иллюстративные примеры.

Лексикография – развивающаяся область языкознания. Она ищет новые, более надежные приемы описания словарного состава языка. Возрастающие потребности общества, высокий уровень развития различных отраслей науки и техники вызывают появление новых типов словарей – как терминологических, так и толковых.

Контрольные вопросы

1. Что такое слово? Какие существуют определения слова?
2. Какими характерными признаками обладает слово?
3. Что такое семантический треугольник?
4. Что такое значение слова и понятие? Как они связаны между собой?
5. Что такое общая и частная предметная отнесенность слова?
6. Что вы понимаете под внутренней формой слова?
7. Каковы причины утраты внутренней формы слова?
8. Чем отличается лексическое значение слова от грамматического?
9. Какие типы лексических значений вы знаете?
10. Что такое многозначность слова?
11. Что такое метафора, метонимия, синекдоха? Приведите примеры.
12. Что такое омонимия? Какие виды омонимии вы знаете?
13. Критерии разграничения явлений омонимии и полисемии.

14. Что такое фразеологический оборот? Типы фразеологических оборотов.
15. Что такое лексико-семантическая система языка?
16. Что такое синонимы и синонимический ряд?
17. Что такое антонимы?
18. Что такое паронимы?
19. Какие стили языка вы знаете?
20. Что такое нейтральная, разговорно-бытовая и книжная лексика?
21. Что такое активная и пассивная лексика?
22. Чем отличаются историзмы от архаизмов?
23. Что такое неологизмы и окказионализмы?
24. Что такое дезтимологизация слова?
25. Что такое лексикография, в чем ее отличие от лексикологии?
26. Что такое этимология? Что такое народная этимология?

Рекомендуемая литература

1. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
2. *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды, т. 3 Лексикология и лексикография. М., 1977.
3. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
4. *Головин Б.Н.* Введение в языкознание. М., 1983, гл. 3 – 4.
5. *Денисов П.Н.* Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.
6. *Ларин Б.А.* Развитие лексики русского языка. М., 1965.
7. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., 1998, гл. III.
8. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
9. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М., 1982.
10. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1967, гл. II.
11. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975, гл. I.
12. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.
13. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение. М., 1986.
14. *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
15. *Шайкевич А.Я.* Введение в лингвистику. М., 1995, гл. IV.
16. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. М., 1972.
17. *Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
18. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Глава 8

ГРАММАТИКА

Грамматика так же, как и лексикология, является семантически ориентированным разделом языкознания, однако предметом изучения ее является грамматический строй языка, его формальная организация и функционирование. Если лексический строй языка образуют конкретные единицы – слова и устойчивые идиоматические выражения (фразеологические обороты), то грамматический строй – абстрактные единицы (формы, конструкции), объединяющиеся в классы, подклассы, отражающие законы и правила образования и изменения слов, соединения их в словосочетания и предложения. В отличие от лексического строя языка, подверженного изменениям под влиянием языковых и внеязыковых факторов, грамматический строй характеризуется большей стабильностью, поэтому его часто относят к языковому центру, тогда как лексический строй – к смысловой периферии. Происходящие в нем изменения касаются, как правило, внутреннего устройства отдельных грамматических категорий (ср., например, утрату в русском языке форм двойственного числа при сохранении в целом категории числа), тогда как сам грамматический строй языка на протяжении многих веков остается без изменения. Вместе с тем грамматический строй языка тесно связан с лексическим, о чем свидетельствуют следующие факты:

1) слово как единица языка принадлежит одновременно и лексике, и грамматике: к лексике оно относится как единица, имеющая свое собственное лексическое значение, связанная разнообразными семантическими отношениями с другими единицами языка, входящая в различные лексические группы и подгруппы; к грамматике слово относится как единица морфологии (принадлежащая тому или иному грамматическому классу, обладающая грамматической формой и значением) и в то же время – как единица синтаксиса, использующаяся в словосочетаниях и предложениях;

2) двойственная природа словообразования: образование слов происходит по существующим в языке грамматическим законам сочетания морфем, в результате действия этих законов создаются новые лексические единицы – слова;

3) наличие общих грамматических признаков в мотивирующих и мотивированных словах (ср. *стирать* – *стирка*: сохранение при-

знака процессуальности и сильного управления или *читать* – чтение, *прочитать* – прочтение: сохранение следов видовых значений);

4) характер распределения слов по частям речи, которые представляют собой лексико-грамматические классы слов, объединенных общностью грамматического категориального значения (сопровождающего лексическое значение слова), морфологических признаков и синтаксических функций;

5) наличие в той или иной части речи лексико-грамматических разрядов слов, выделяющихся своими лексическими и грамматическими характеристиками (например, среди имен существительных выделяются вещественные существительные, объединяемые значением однородного по своему составу, неделимого вещества, а грамматически – тем, что имеют, как правило, форму одного какого-либо числа: единственного (ср. *творог, тушь*) или множественного (ср. *щи, белила*).

Этой связью грамматического строя языка с лексическим и объясняется тот факт, что традиционная европейская грамматика сложилась вокруг понятия слова.

Грамматический строй языка – многоуровневая система. В нее входят словообразование, морфология и синтаксис, которые в своем взаимодействии и образуют грамматический строй языка.

Грамматика изучает не только организацию грамматического строя языка, но и законы и правила образования и изменения слов, соединения их в словосочетания, правила построения предложений и объединения их в рамках более сложных синтаксических конструкций. Поэтому в грамматике в самостоятельные разделы выделяются словообразование, морфология и синтаксис. Словообразование обращено к изучению внутреннего строения слова, его членности на словообразовательные морфемы, а также к изучению правил образования слов. Морфология изучает грамматические свойства слов, явления их словоизменения (парадигматику слов), а также способы выражения абстрактных грамматических значений, разрабатывает учение о частях речи. Предмет изучения синтаксиса – явления сочетаемости слов, порядок их следования внутри предложений, общие свойства предложений, правила объединения простых предложений в составе сложных, т.е. механизмы языка, которые способствуют порождению речи.

Центральными понятиями грамматики являются грамматическая категория, грамматическое значение, грамматическая форма и грамматический способ. Все эти абстракции представлены в конкрет-

ных грамматических единицах (в слове, словосочетании, предложении), оформленных в соответствии с грамматическими законами языка.

ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА

Грамматический строй языка имеет и свои грамматические единицы, т.е. грамматически оформленные языковые образования – морфему, слово, словоформу, словосочетание и предложение, – каждое из которых характеризуется своими отличительными признаками.

Морфема – это минимальная значимая часть слова или словоформы. Морфемы являются строительным материалом слова. Есть языки (например, китайский или вьетнамский), в которых морфема совпадает со слогом и непосредственно доступна наблюдению, но обычно морфемы выделяются путем специального морфемного анализа.

В зависимости от роли морфемы в слове среди них выделяют корневые морфемы (непроизводные основы) и служебные (различные аффиксы < лат. *affixus* ‘прикрепленный’: префиксы, суффиксы, интерфиксы, инфиксы, постфиксы, флексии). В корневых морфемах понятие выражается «в чистом виде», поэтому именно они формируют лексическое значение слова, служебные же – привносят дополнительные оттенки, передают словообразовательное и грамматическое значения (ср. в слове *беловатый* корневая морфема *бел-* передает понятие «белизны», суффикс *-оват-* передает значение слабой степени проявления признака, окончание *-ый* привносит грамматическое значение признаковости, а также значение муж.р., ед.ч. и им.п.).

Слово является одной из основных грамматических единиц. Оно представляет собой единство формы (звуковая оболочка) и содержания (лексическое и грамматическое значение). К грамматическому значению слова относятся: общее категориальное значение, т.е. его значение как части речи (как единицы, принадлежащей к определенному лексико-грамматическому классу), а также все его частные грамматические значения (например, у имени существительного в русском языке – значение рода, значение одушевленности/неодушевленности, у некоторых существительных – такие частные грамматические значения, как значение собирательности, единич-

ности и др.; у глагола – значения вида, залога, времени, лица, наклонения, а в формах прошедшего времени и рода и т.д.).

К грамматическим свойствам слова относится его грамматическая и словообразовательная оформленность, его способность к формальным изменениям (например, склонению или спряжению). Будучи элементом грамматики, слово обладает не только словообразовательной структурой, но и грамматической формой, а также синтаксическими свойствами, т.е. способностью сочетаться с другими словоформами в предложении, участвуя в построении предложений и высказываний. Таким образом, слово является грамматической единицей, принадлежащей одновременно всем трем уровням грамматической системы языка – словообразованию, морфологии и синтаксису.

Словосочетание – это синтаксическая конструкция, которая состоит из двух или более знаменательных слов, связанных между собой подчинительной связью – согласованием, управлением, примыканием или в некоторых языках – соположением (в ряде языков, например, в иранских и тюркских существуют и другие виды синтаксической связи слов, в частности, изафет, а в чукотско-камчатских языках – инкорпорирование – подробнее см. с. 245). В этой синтаксической конструкции грамматически независимое слово является главным компонентом словосочетания, грамматически подчиненное – зависимым компонентом. Частеречная принадлежность стержневого компонента словосочетания определяет его тип: они подразделяются на субстантивные (ср. *новый дом*), адъективные (ср. *полный воды*), глагольные (ср. *читать книгу*) и наречные (*поблизости от дома*). Словосочетание так же, как и слово, является единицей называющей. Оно обозначает предмет, явление, процесс, качество, названные стержневым словом и конкретизируемые зависимым. Грамматическое значение словосочетания создается отношением, которое возникает между знаменательными словами, входящими в это словосочетание, соединяющимися на основе подчинительной грамматической связи согласования (ср. *зеленый май*), управления (ср. *купить книгу*) и примыкания (ср. *весело смеяться*). Словосочетание тесно связано с предложением, поскольку функционирует оно в составе предложения, обнаруживая здесь разные правила своего употребления.

Существует, однако, и другое определение словосочетания, согласно которому под словосочетанием понимается любое грамматическое соединение полнозначных слов. В этом расширительном

толковании словосочетания выделяется не только подчинительная связь, но и предикативная (связь между подлежащим и сказуемым), сочинительная (связь между однородными членами предложения), а также аппозитивная (связь между словами, поясняющими друг друга).

Предложение – это синтаксическая конструкция, представляющая грамматически организованное соединение слов (или слово), обладающее известной смысловой и интонационной законченностью. Будучи единицей общения, предложение служит для формирования и выражения мысли, в чем проявляется единство языка и мышления. В отличие от словосочетания – единицы называющей, предложение является коммуникативной единицей языка. Кроме коммуникативности, предложение отличают от словосочетания предикативность, т.е. отнесенность высказывания к действительности (В.В. Виноградов), и модальность, т.е. оценка говорящим высказывания с точки зрения реальности/ирреальности, достоверности/вероятности, возможности, целесообразности, необходимости и проч. Предложение строится по определенному синтаксическому образцу, существующему в данном языке, всегда функционально нагружено (т.е. используется с той или иной коммуникативной целью, ср., например, вопросительные, побудительные или повествовательные предложения) и интонационно оформлено. Как единица грамматики оно обладает грамматическим значением (в частности, значением предикативности), категориями семантической структуры и компонентами актуального членения (т.е. членения на исходную часть сообщения или тему и на то, что утверждается о ней или рему). Предложение, подобно слову в словосочетании, может вступать в синтаксические отношения с другими предложениями, образуя разные виды сложных предложений.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ И ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЯ

Слово как единица грамматического строя языка обладает лексическим и грамматическим значениями.

Лексическое значение слова – это его содержание, т.е. устанавливаемая нашим мышлением соотношенность между звуковым комплексом, понятием и предметом (или явлением), обозначаемым этим комплексом. Лексическое значение слова индивидуально, причем оно остается одним и тем же во всех грамматических фор-

мах слова (ср. *дом, дома, дому* и т.д.), т.е. оно принадлежит не одной словоформе, а всему слову в целом. Лексическое значение выражено в слове непосредственно, поскольку оно соотносит слово с тем или иным понятием и делает его знаком этого понятия.

Грамматическое значение – это абстрактное языковое содержание грамматической единицы, имеющее в языке регулярное (стандартное) выражение (например, грамматическим значением слов *новый, старый* является общее категориальное значение признаковости, а также частные грамматические значения – рода, числа и падежа: все эти значения имеют в языке стандартное выражение в аффиксальной морфеме *-ый*). Грамматическое значение отличается от лексического более высоким уровнем абстракции, т.к. «это абстракция признаков и отношений» (А.А. Реформатский). Грамматическое значение не индивидуально, поскольку оно принадлежит целому классу слов, объединенных общностью морфологических свойств и синтаксических функций. Некоторые частные грамматические значения могут меняться в слове в разных его грамматических формах (ср. изменение значения числа и падежа у существительных или времени в глагольных формах). В отличие от лексического значения, грамматическое не называется словом прямо, непосредственно, а выражается в нем «попутно» с помощью специальных грамматических средств (аффиксов). Оно как бы сопутствует лексическому значению слова, являясь его добавочным значением.

Абстрагированное языковое содержание, выражаемое грамматическим значением, имеет разную степень абстракции, т.е. по своей природе грамматическое значение неоднородно: оно может быть более абстрактным или менее абстрактным (ср. в слове *читал* наиболее абстрактным является значение процесса: оно присуще всем глаголам и всем его формам; за ним следует значение прошедшего времени: оно присуще всем глаголам в форме прошедшего времени; более определенным и узким является значение мужского рода: оно присуще только формам глагола, противостоящим формам женского и среднего рода и сочетающимся с местоимением *он*). В зависимости от характера грамматического значения, т.е. от того, является ли оно внутренне присущим слову (например, значение предметности у существительного) или же реализуется в словоформе в определенном контексте в составе словосочетания или предложения (например, значение числа и падежа у существительного), различаются несинтаксические или референциальные (< лат. *refere* ‘связывать, относить’) грамматиче-

ские значения, которые внутренне присущи слову (например, значение рода у существительных), и синтаксические или реляционные (< лат. *relatio* ‘сообщение’) грамматические значения, указывающее на отношение слова (а точнее словоформы) к другим словам в словосочетании или предложении (например, значение рода, числа, падежа у прилагательного). Наконец, в зависимости от соотношения грамматического значения с характером отображаемых объектов, различают объективные или диктальные (< лат. *dictare* ‘предписывать’) грамматические значения, которые передают объективные, не зависящие от субъекта признаки и отношения (ср. грамматические значения признака у прилагательных, времени и вида у глагола) и модальные (< лат. *modalis* < лат. *modus* ‘мера, способ’), отражающие отношение говорящего к тому, о чем он говорит или с кем он говорит (ср. грамматические значения субъективной оценки, наклонения и т.д.).

Грамматическое значение слова выводится из его отношения к другим единицам того же класса (например, грамматическое значение формы прошедшего времени глагола *нес* выводится путем соотношения ее с другими временными формами – *несет, будет нести*).

К грамматическому значению слова относят нередко и его словообразовательное значение (если слово производное), поскольку словообразование является частью грамматического строя языка. Словообразовательное значение – это обобщенное значение, присущее лишь мотивированным словам, выраженное словообразовательными средствами. Оно представляет собой определенное смысловое соотношение между членами словообразовательной пары – производящим и производным словами. Как и грамматическое значение, оно не индивидуально, а характеризует целые классы слов, относящихся к одному словообразовательному типу. Словообразовательное значение имеет разную степень абстрактности (ср. разную степень абстрактности следующих словообразовательных значений: ‘невзрослости’ в словах, называющих детенышей животных: *котенок, волчонок* или ‘кратковременности действия’ в глаголах *всплакнуть, прихворнуть*). Поскольку смысловые отношения между производящим и производным словом могут складываться по-разному, то различают несколько семантических типов словообразовательного значения: мутационный, при котором значение производного слова выводится из значения производящего, т.е. производное слово выступает как носитель признака, названного производящим (ср. предметно-характеризующее словообразовательное

значение 'носитель атрибутивного признака' в слове *мудрец*), при этом частеречная принадлежность производного слова может совпадать, а может и не совпадать с производящим (ср. *хлеб* – *хлебница*, *читать* – *читатель*); транспозиционный тип, при котором значение производного слова полностью сохраняет грамматическую семантику производящего, хотя оно переводится в другой частеречный класс (ср. значение опредмеченного действия в слове *ходьба* или значение отвлеченного признака в слове *мудрость*) и модификационный тип, при котором значение производного слова, получающего дополнительный семантический компонент, лишь модифицируется, поскольку значение производящего слова полностью включается в семантический объем производного, частеречная принадлежность которого не меняется (ср. значение собирательности в слове *воронье* или единичности в слове *горошина*).

Материальным выражением грамматического значения слова в широком смысле является его грамматическая форма. В узком смысле слова под грамматической формой понимается одно из регулярных видоизменений слова (например, любая форма слова при его склонении или спряжении). Грамматическое значение и грамматическая форма неотделимы друг от друга, они являются двумя сторонами языкового знака. Однако отношения между ними не однозначны: одна и та же грамматическая форма может передавать несколько грамматических значений (например, словоформа *братом* заключает в себе значения предметности, мужского рода, единственного числа, творительного падежа, одушевленности, конкретности) и наоборот, одно и то же грамматическое значение может быть передано несколькими грамматическими формами (ср. значение множественности, заключенное в словах *листья* и *листва*, которое передается разными грамматическими формами или значение уменьшительности и ласкательности, передающееся разными суффиксами: *-ик*: *домик*, *-ок*: *городок*, *-очек*: *сыночек* и др.). Совокупность грамматических форм одного слова называется парадигмой (ср. им.п. *дом*, род.п. *дома*, дат.п. *дому* и т.д.).

Несмотря на то, что грамматическое значение является как бы побочным значением слова, оно играет существенную роль в создании целостного значения предложения (ср. *я положил подарок другу ... и я положил подарок другу...*, изменение грамматического значения падежа в слове *друг* приводит к изменению смысла предложения). Яркой иллюстрацией этого положения может служить предложение, составленное Л.В. Щербой из бессмысленных, но грам-

матически правильно оформленных и связанных между собой слов, передающих определенное грамматическое значение и формирующих даже некоторый смысл предложения: *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка*. Каждое слово в нем, содержит в себе морфемы, значение которых легко выводится из отношения слов друг к другу (ср. значение женского рода, которое передается флексиями *-ая* (*глокая*), *-а* (*куздра* и *будланула*), значение времени – прошедшего – суф. *-л* (*будланула*) и настоящего – флексия *-ит* (*кудрячит*), значение незрелости – суф. *-онок* (*бокренка*), значение одушевленности – флексия *-а* (*бокра* и *бокренка*), значение однократности действия – суф. *-ну* (*будланула*) и др.).

МОРФЕМА КАК МЕЛЬЧАЙШАЯ ЗНАЧИМАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА И КАК ЧАСТЬ СЛОВА

Морфема (< греч. *morphē* 'форма') – это минимальная значимая часть слова, которая не членится на более мелкие единицы того же уровня. Будучи единицей грамматического строя языка, морфема, как правило, обладает грамматической формой и грамматическим значением. Она способна передавать разные типы значений: 1) лексическое (носителем его является корневая морфема, выражающая наиболее семантически насыщенную часть значения слова, поскольку именно корень отсылает к понятию, лежащему в основе лексического значения слова); 2) грамматическое (носителем его являются служебные морфемы, ср., например, флексивные морфемы *-и*, *-ите*, передающие значение повелительного наклонения); 3) словообразовательное (если слово производное), уточняющее значение корня (оно вносится, как правило, аффиксом, ср. значение 'слабая степень проявления признака', передаваемого суф. *-оват* в словах *зеленоватый*, *желтоватый* и т.д.).

Кроме материально выраженных, в языке иногда встречаются нулевые морфемы, т.е. морфемы, материально не выраженные, но обладающие грамматическим значением (например, в слове *дом-Ø* материально не выражена флексия, а в слове *нес-Ø* флексия и суффикс прошедшего времени *-л*), выделение их осуществляется путем противопоставления положительно выраженным морфемам в других формах той же парадигмы (ср. *дом-а*, *дом-у*; *нес-л-а*, *нес-л-и* и т.д.), причем нулевые морфемы также являются показателем грамматического значения (в слове *дом-Ø*, например, это значение мужского рода, единственного числа, именительного падежа).

Среди морфем в зависимости от их роли в слове, а также от характера и способа передаваемого ими значения выделяются как противопоставленные друг другу корневые и аффиксальные морфемы. Главной морфемой слова является корень (общая часть родственных слов), соотносящийся с понятием и предопределяющий лексическое значение слова. Корень обязательно присутствует в слове, без корня слова нет (лишь как исключение встречаются в языке слова без корня, ср. в рус. яз. глагол *вынуть*, в котором выделяются только аффиксы). Корень может употребляться и без аффиксальных морфем, тогда как аффиксы без корня употребляться не могут. Аффикс — это служебная морфема, видоизменяющая значение корня или выражающая отношения между словами в словосочетании и предложении.

Аффиксальные морфемы вносят в слово дополнительные значения — грамматические и словообразовательные (ср. суффикс *-ик* в слове *столику* передает словообразовательное значение уменьшительности, флексия *-у* — грамматическое значение дат.п., ед.ч., муж.р.). Группируясь вокруг корня, аффиксы являются периферийными элементами морфемной структуры слова. Значение корневых морфем по отношению к значению аффиксальных более конкретно, значение же аффиксальных — более абстрактно (особенно это относится к интерфиксам, значение которых сводится лишь к идее соединения). Если корень образует смысловое ядро лексического значения слова и может выражать значение слова даже самостоятельно (ср. слова *нос-Ø*, *вез-Ø*), то аффикс — смысловую периферию, поскольку самостоятельного лексического значения он не имеет. Его значение либо словообразовательное (ср. значение женскости суф. *-иц-а* в слове *волчица*), либо грамматическое (ср. значение суф. *-л*, который является показателем времени глагола), либо формально-структурное (ср. *пар-о-воз*, где интерфикс *-о-* имеет значение соединения), либо формально-классифицирующее (ср. *чит-а-ть*, *лови-ть*, где суф. *-а*, *-и* являются показателями формального разряда типа спряжения), причем во всех случаях каждое из этих значений выражается аффиксом только в сочетании с корнем. Вместе с тем аффиксы участвуют в формировании лексического значения слова (ср.: значение 'детеныш животного' в слове *слоненок* складывается из значения корневой морфемы и значения 'незрелости', вносимого аффиксом), а также грамматического (ср. образование степеней сравнения качественных прилагательных с помощью суф. *-е*, *-ее*, *-ше*). Формально-структурные и формально-классифицирующие аффиксы непосредственного участия в формировании лексического

значения слова не принимают, поскольку роль их сводится либо к соединительной функции, либо к указанию на принадлежность слова к тому или иному словоизменительному типу.

Корневые и аффиксальные морфемы различаются и в структурном отношении. Корневые морфемы могут выступать в языке и как свободные, т.е. употребляться без сопровождающих их словообразующих аффиксов, ср. *дом-Ø*, *гор-а* (такие корни называются свободными), и как связанные, когда они известны в языке лишь в сочетании со словообразующими аффиксами, ср. корень *бав-* в словах *добавка*, *прибавка* (такие корни называются связанными). А.А. Реформатский ввел для этих корней термин радикасоиды (<лат. *radix* 'корень' *oid* 'подобный'), причем некоторые из этих неполноценных корней могут сочетаться лишь с одним аффиксом (ср. рус. *ежев-ик-а*), аффиксальные же морфемы никогда невозможны в свободном употреблении, они всегда привязаны к корню.

Различия между корневыми и аффиксальными морфемами проявляются и в их употребительности: аффиксальных морфем в языке значительно меньше, чем корневых (и список их, как правило, закрыт для пополнения новыми морфемами), однако, уступая корневым морфемам по численности, они превосходят их по частотности употребления, поскольку повторяются в целом ряде одноструктурных слов. Кроме того, корневые морфемы обычно не привязаны к какой-либо одной части речи (ср. морфему *бел-* в словах, принадлежащих разным частям речи: *белить*, *белый*, *белизна*), тогда как аффиксальные являются часто показателями частеречной принадлежности слова (ср. в русском языке именные суффиксы *-иц-а*, *-ик*, *-ун* или глагольные *-ти*, *-ть* и др.)

Характерной чертой морфем (как корневых, так и аффиксальных) является их повторяемость в структуре разных слов (ср. *дом*, *домашний*, *домовой* или *учитель*, *писатель*, *читатель* и т.д.). Это свойство морфемы позволяет выявлять ее значение, поскольку значение морфемы определяется в ряду слов, содержащих данную морфему (ср. значение морфемы *-тель* в приведенных примерах: 'лицо, совершающее действие').

В зависимости от фонетических и морфологических условий состав одной и той же морфемы в разных словах и словоформах одного слова может меняться (ср. *рука* — *ручка* или *соберу* — *собираю* — *собрание* — *сбор* и т.д.). Это формальное видоизменение морфемы приводит к возникновению морфов.

Морф – это одна из формальных разновидностей морфемы, выступающая в разных словах и словоформах (например, корневая морфема *друг-* в словоформах *другу*, *другом* выступает в виде морфа *друг-*, в словоформе *о друге* – в виде морфа *друг'*, в словоформе *другья* – в виде морфа *друг'*, а в словоформе *дружбу* – в виде морфа *друж-*). Таким образом, морфы являются конкретными представителями морфемы, которая по отношению к ним является единицей более обобщенной и свободной.

К одной морфеме относятся морфы, обладающие тождеством значения, а также частичным формальным тождеством. В зависимости от условий употребления морфов различают алломорфы и варианты.

Алломорфы – это тождественные по значению морфы, употребление которых обусловлено их позицией в словоформе (в частности, качеством соседних звуков), например, русские суффиксы *-чик/-щик*, распределяются следующим образом: после морфа, оканчивающегося на согласный *т* или *д* употребляется суф. *-чик* (ср. *буфетчик*, *водопроводчик*), в остальных случаях используется суф. *-щик* (ср. *сварщик*, *банищик*), в том числе и в тех случаях, когда перед согласными *т* и *д* находится сонорный (ср. *процентищик*).

Варианты – это морфы, тождественные не только по значению, но и по позиции, поскольку для них характерна свободная взаимозаменяемость в любых позиционных условиях (ср. окончания *-ой/-ю* у существительных в тв.п. ед.ч. ж.р.: *водой /водою*).

Морф как представитель морфемы необходимо отличать от субморфа. Субморф – это часть корня, внешне похожая на аффикс, но не имеющая своего значения и потому не вычленяемая в качестве самостоятельного элемента морфемной структуры слова (например, субморф *ак* в слове *табак* или *колпак*; субморф *ец* в словах *огурец*, *венец*).

Корневые и служебные морфемы (за исключением окончания) входят в основу слова, которая представляет собой часть слова без окончания. Из всех морфем, выделяемых в слове, только корень может совпадать с основой слова (аффиксы никогда не совпадают с основой). В зависимости от способности основы члениться на составляющие ее морфемы в языкознании выделяют производную (или мотивированную) основу и непроизводную (или немотивированную). Производная основа представляет собой единство, состоящее из отдельных значимых частей слова (корня и аффиксов) ср. рус. *пригород*, *надомник*. Непроизводная основа представляет собой

единое целое (корень), которое далее со словообразовательной точки зрения расчленено быть не может (ср. рус. *дом*, *город*). В связи с этим выделяют еще одно свойство основы – ее членимость/нечленимость: непроизводная основа – это основа, как правило, нечленимая (исключение составляют лишь отдельные слова типа рус. *буженина*, членение которых происходит по аналогии со словами типа *кон-ин-а*, *свин-ин-а*), а производная – членимая. Таким образом, разница между производной и непроизводной основой заключается: 1) в самой структуре основ: непроизводная основа является неделимой на более мелкие части и имеет характер единого по своему строению, далее не членимого целого, а производная основа делится на части, каждая из которых имеет свое значение; 2) в отношениях между ними: производная основа всегда зависит от непроизводной, с которой она соотносится, как только непроизводная основа уходит из языка, производная основа превращается в непроизводную (ср. слово *басня* имеет непроизводную основу, т.к. глагол *баять*, от которого оно образовалось, утратился в русском языке); 3) в выражении ими лексического значения: если значение непроизводной основы заложено в ней самой, то значение производной основы часто складывается из составляющих ее морфем.

При каждой производной (редко непроизводной) основе имеется производящая основа, т.е. основа, от которой она образована, а точнее производящая база, т.к. в качестве производящих выступают не только основы, но и слова (ср. *пригород*), словосочетания (ср. *железная дорога – железнодорожный*), отдельные формы слова, в том числе предложно-падежные (ср. *телят-ник*, *за рекой – заречье*), инфинитив (ср. *женитьба*) и даже фразеологические обороты (ср. *сшибать с ног – сносшибательный*), при этом формально-смысловые отношения между производящей и производной основой могут быть разными (ср. производная основа может быть сложнее производящей по форме или значению, либо по обоим признакам одновременно и т.д.).

В зависимости от того, имеет или нет то или иное слово словообразовательную мотивированность (т.е. соотносимость с производящей основой), все слова в языке делятся на производные и непроизводные. Непроизводное слово – это слово в синхронии ничем не мотивированное, т.е. не имеющее соотношения с производящей основой или словом (ср. рус. *стол*, *дом*, *окно*). Производное слово – это слово, основа которого мотивирована по форме и значению основой другого слова (или других слов), т.е. слово нас как бы «отсылает» к тому слову (или сочетанию слов), от которого

оно произошло (ср. *подоконник*). Среди производных слов условно можно выделить две большие группы:

1) слова, значения которых полностью складываются из значений составляющих их частей (ср. рус. *лист-ик* 'маленький лист', *дом-ищ-е* 'большой дом', *чита-тель* 'человек, который читает');

2) слова, значения которых не являются простой суммой составляющих их частей (ср. *носильщик* это не просто лицо, которое носит что-либо, а 'человек, профессия которого носить багаж', т.е. это слово имеет добавочные семантические компоненты 'профессия' и 'багаж', которые не входят в значение мотивирующей основы глагола *носить*). Эту часть семантики производного слова, в отличие от слова *читатель*, нельзя вывести из его частей, ее надо знать. В этом случае говорят о производном слове с фразеологической семантикой (это понятие и сам термин ввел М.В. Панов).

Словообразовательная производность – это отношения формально-смысловые, предполагающие формальную или семантическую соотнесенность слова с производящей основой, т.е. необходим хотя бы один общий неграмматический компонент в значении двух слов, имеющих формальную общность. При этом значение производного слова может включать в себя семантику производящей основы полностью (ср. рус. *столлик* < стол, *домище* < дом) – в этом случае говорят о прямой производности – или частично (ср. *кашевар* < это человек, который готовит пищу, в том числе и кашу) – в этом случае говорят о переносной производности. Когда производное слово представляет собой метафору (ср. рус. *попугайничать* 'повторять чужие слова'), возникает метафорическая производность, когда же производное слово являет собой случай метонимии (ср. *кашевар*), говорят о метонимической производности.

КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ

Морфемы, выделяемые в слове, их место, функции, степень воспроизводимости разные. В зависимости от положения морфем в слове, их значения и функции они подразделяются на корневые, формирующие смысловое ядро лексического значения слова, и аффиксальные или служебные. В классификации служебных морфем учитывается не только их местоположение по отношению к корневой морфеме, но и выполняемая ими функция, а также способность сочетаться с другими элементами этого же уровня.

Морфема, стоящая перед корнем, называется префиксом (< лат. *praefixus* 'приставленный впереди') или приставкой. Префикс служит для образования новых слов (ср. *дед* – *прадед*) или форм слова (ср. *забавный* – *презабавный*). Морфема, стоящая после корня, называется суффиксом (< лат. *suffixus* 'подставленный'). Суффикс также служит для образования новых слов (ср. *старый* – *старик*) или новых форм слова (ср. *плавать* – *плавал*). Морфема, вставленная в корень, называется инфиксом (< лат. *infixus* 'вставленный'); для русского языка инфиксы не характерны, это вообще относительно редкий вид аффиксов, однако они встречаются в некоторых индоевропейских языках, например, в английском, греческом, латинском, ср. лат. *vici* «победил» и *vinco* «побеждаю», где *n* – инфикс настоящего времени. Инфикс служит для образования новых форм слова. Морфема, стоящая между основами сложного слова или между корнем и суффиксом, служащая для соединения их в единое целое, называется интерфиксом (< лат. *inter* 'между' и *fixus* 'приставленный'). Интерфиксы служат для образования новых слов (ср. *дом-о-строй*, *шоссе-й-ный*). Морфема, опоясывающая корень, т.е. состоящая из двух аффиксов, находящихся перед и после корня и несущих единое, нерасчлененное значение, называется конфи́ксом (< лат. *confixum* 'совместно взятое'), ср. *под-окон-ник*. Конфигсы служат для образования новых слов и новых форм слова (ср. нем. *gemacht* «сделанный», где *ge...t* является конфи́ксом, образующим причастие от глагола *machen* 'делать'). Морфема, стоящая в конце слова и служащая для связи слов в словосочетании или предложении, называется окончанием или флексией (< лат. *flexio* 'сгибание'). Путем присоединения окончаний к основе образуется не новое слово, а новая форма слова (*дом-а*, *дом-у* и т.д.). В отличие от всех остальных аффиксов, флексия – это изменяемая часть слова, она меняется в зависимости от сочетаемости слова (ср. *читать книгу*, но *зачитываться книгой*). Другим отличием флексии от формообразующих аффиксов, передающих какое-либо одно грамматическое значение, является ее способность служить средством выражения целого набора грамматических значений (например, флексия *-у* в словоформе *сестру* передает значения рода, одушевленности, числа и падежа). Морфема, стоящая после флексии, называется постфиксом (< лат. *post* 'позади' и *fixus* 'приставленный'). Постфикс служит для образования новых слов (ср. *кто-то*, *что-нибудь*) или новых форм слова (ср. *пойдемте*, *идите*).

Из всех видов служебных морфем наибольшее распространение имеют суффиксы. Если в языке нет суффиксов, то в нем нет и других аффиксов. Есть языки (например, алтайские, уральские), в которых нет ни префиксов, ни инфиксов, но есть суффиксы.

В зависимости от функциональной нагрузки аффиксальной морфемы, т.е. от функции, которую она выполняет в слове, аффиксы подразделяются на словообразующие и формообразующие. Словообразующие аффиксы служат для образования нового слова. Они присущи слову в целом, во всех его формах и выражают словообразовательное значение (ср. *старый* – *старость*). Словообразующими являются префиксы, суффиксы, интерфиксы, постфиксы. Формообразующие аффиксы служат для образования форм слова. Они присущи не всему слову в целом, а лишь отдельным его словоформам и, не меняя лексического значения слова, выражают лишь грамматические значения (ср. *старый* – *старее*). Формообразующими являются инфиксы и флексии, однако ими могут быть префиксы, суффиксы и постфиксы (в русском языке, например, к формообразующим суффиксам относятся суффиксы инфинитива, причастий и деепричастий, суффиксы прошедшего времени, повелительного наклонения, сравнительной степени прилагательных и наречий). Иногда выделяют также словоформообразующие аффиксы, т.е. аффиксы, которые совмещают в себе функции словообразования и формообразования (ср. *кум* – *кум-а*, *супруг* – *супруг-а*: флексия *-а* выражает не только грамматическое значение ж.р., ед.ч., им.п., но и словообразовательное – ‘женскости’, которое в русском языке передается обычно при помощи суффиксации).

По характеру своей воспроизводимости аффиксы делятся на регулярные и нерегулярные. Регулярные аффиксы воспроизводятся постоянно. Их повторяемость является основой для формирования в языке словообразовательной модели (ср. глагольная основа + суффикс *-тель* → ‘лицо, производящее действие’: *учитель*, *строитель*, *водитель*). Нерегулярные аффиксы встречаются в единичных образованиях, поэтому их иногда называют унификсами, т.е. уникальными аффиксами (ср. *люб-овь*, *поп-адь-я*). Они не обладают важнейшим свойством регулярных аффиксов – повторяемостью. Их выделение в слове основывается на повторяемости корня. Иногда в процессе развития языка нерегулярные аффиксы переходят в разряд регулярных (ср. аффикс *-дром*, выделявшийся первоначально лишь в слове *иптодром*, однако в настоящее время он представлен в словах *велодром*, *танкодром*, *космодром* и др.).

По степени участия аффикса в образовании новых слов, т.е. по степени его производительности различают аффиксы продуктивные и непродуктивные. Продуктивные аффиксы широко используются для образования новых слов или новых форм слова (ср. суффикс *-ник* в словах со значением ‘помещение для кого-нибудь’: *коровник*, *птичник*, *обезьянник* и т.д. или окончание *-у* в глаголах 1 л. ед.ч. настоящего времени: *бегу*, *везу*, *несу*). Непродуктивные аффиксы – это аффиксы, которые не участвуют или используются редко в образовании новых слов или форм слова (ср. рус. суф. *-ба* в словах со значением ‘действия’: *пальба*, *стрельба* или окончание *-м* в глаголах 1 л. ед.ч. будущего времени: *дам*, *съем*). Продуктивность/непродуктивность аффикса – это динамическая характеристика аффикса, связанная с его словообразовательным потенциалом. На разных этапах развития языка она может меняться (ср. непродуктивный в современном русском языке суф. *-ба* в древнерусском языке был продуктивным), т.к. усиление продуктивности одних аффиксов ведет часто к затуханию или полной потере продуктивности других, синонимичных им (потеря продуктивности суф. *-ба* в русском языке была вызвана усилением продуктивности суффиксов *-ние* и *-ка*).

Важным критерием описания морфемы является ее валентность, т.е. способность сочетаться с другими морфемами. Большинство морфем является мультивалентными (т.е. мновалентными), поскольку они легко сочетаются с другими морфемами (ср. рус. глагольную флексию *-у*, которая сочетается со всеми основами глаголов настоящего времени, за исключением бывших нетематических глаголов типа *ем*, *дам*). Морфемы, которые обладают ограниченной способностью к сочетанию с другими морфемами являются унивалентными (т.е. одновалентными), ср. унивалентные корневые морфемы в русских словах *брусника*, *говядина*, *буженина* или унивалентные суффиксальные морфемы в словах *женех* (*-их*), *стеклярус* (*-арус*), *попадья* (*-адь*).

Какие же закономерности регулируют сочетаемость морфем? В каждом языке имеются запреты, которые накладываются самой системой языка на сочетаемость морфем. В русском языке, например, по наблюдениям Е.А. Земской, к таким ограничениям относятся:

1) семантические ограничения, которые связаны с семантической несовместимостью морфем (ср. в русском языке суффикс действующего лица *-тель*, который не может сочетаться с основами существительных и прилагательных, для него возможны только сочетания с основами глаголов: *учитель*, *строитель*); иногда на эти

ограничения накладываются прагматические, ср. русский суффикс прилагательных *-оват-ый*, обозначающий неполноту признака – *беловатый, сероватый*: он сочетается не со всеми основами прилагательных, а только с основами качественных прилагательных, причем опять же только с теми, которые обозначают нежелательные или отрицательные признаки (ср. *глуповатый, староватый*, но невозможны прилагательные типа *умноватый* или *молодоватый*, т.к. человек не желает уменьшать эти положительно оцениваемые признаки);

2) словообразовательные ограничения, связанные со словообразовательной исчерпанностью некоторых основ, от которых уже невозможно образовать новое слово, ср. в русском языке прилагательные с суффиксами субъективной оценки *-еньк-* (*маленький, беленький*) или *-уц-* (*большущий, здоровущий*);

3) морфологические ограничения, связанные с родовой принадлежностью основ производящего слова: в русском языке суффиксы *-к-а*, (*коровка*), *-'онк-а* (*коровенка*), *-енциц-а* (*собаченция*) соединяются только с основами существительных женского рода, и хотя слова *коровенция* в узусе русского языка нет, но оно может быть образовано, т.к. сцепление этого суффикса с основами существительных ж.р. не противоречит системным связям этих единиц. Однако с основами существительных мужского рода эти суффиксы соединиться не могут, т.к. они спаяны с окончаниями ж.р. (невозможно сказать *бараненция* или *волчка*). Основы существительных муж.р. обслуживаются уменьшительными суффиксами *-ик* (*слоник*), *-ок* (*волчок*), *-ец* (*хлебец*), которые спаяны с системой флексий муж.р.;

4) фонетические (или формальные ограничения), связанные с несовместимостью фонем на морфемных швах (ср. суффикс прилагательных *-н-*, который не может сочетаться с основами существительных, которые имеют в своем исходе группу согласных, типа *парк, воск*, в этом случае используется суф. *-ов*: *парковый, восковой*);

5) стилистические ограничения, связанные со стилистической несовместимостью морфем, т.к. словообразовательные морфемы так же, как и слова, могут обладать стилистической окрашенностью (ср. в русском языке прилагательные типа *здоровуцый, большуцый* и невозможность прилагательного *культурнуцый*), т.к. суффикс *-уц-ий* имеет сниженную стилистическую окраску и тяготеет к сочетанию с нейтральными или сниженными основами, но не книжными);

б) лексические ограничения – это ограничения, идущие со стороны лексики, которая накладывает запрет на сочетаемость морфем вследствие возникновения омонимии – явления нежелательного для языка (ср. невозможность образования названий лиц женского пола от соответствующего названия лица мужского пола с помощью суф.- *к-а* по модели *пилот – пилотка*, хотя эта модель работает в других случаях (ср. *пионер – пионерка*) или лексической избыточности, т.к. «семантическое место» уже занято в языке другим словом (ср. невозможность образования названий детенышей животных типа *лошаденок, овчонок*, т.к. в языке это «семантическое место» уже занято словами *жеребенок* и *ягненок*).

В некоторых языках мира, кроме корневых и аффиксальных морфем, существуют аффиксоидные. Аффиксоид – это морфема, приближающаяся по своей словообразовательной функции к аффиксу, например, *вед-* (*языковед*), *полу-* (*полукруг*), *фил-* (*славянофил*) и др. Аффиксоиды занимают промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами, поэтому их нередко называют морфемами переходного типа. Повторяясь с одним и тем же значением в составе производных слов, аффиксоиды участвуют в формировании определенной словообразовательной модели, и в этом они близки аффиксам. Не случайно они часто оказываются синонимичными тем или иным аффиксам (ср. *сад-о-вод* и *сад-ов-ник*, *славян-о-вед* и *слав-ист*). Выполняя функцию аффиксов, аффиксоиды не утрачивают смысловых связей с однокоренными словами (ср. *ведать, ведение* и *краевед, литературоведение*). В зависимости от позиции и функций в слове аффиксоиды подразделяются на префиксоиды и суффиксоиды. Префиксоиды – это морфемы, употребляющиеся в функции префиксов и занимающие в слове их позицию (ср. *авиалинии, самоанализ*). Суффиксоиды – это морфемы, употребляющиеся в функции суффиксов и занимающие их позицию в слове (ср. *шарообразный, стекловидный, змеевидный*).

ПОНЯТИЕ ФОРМЫ СЛОВА

Форма слова – это морфологическая разновидность слова, обладающая грамматическим значением, имеющим регулярное (стандартное) выражение. Каждое грамматическое явление всегда имеет две стороны: внутреннюю (грамматическое значение) и внешнюю (грамматический способ выражения). Грамматическое

значение находит свое выражение в формальных показателях слова при его словоизменении (т.е. склонении и спряжении), а при отсутствии словоизменения – синтаксически, через сочетаемость неизменяемых слов с другими словами в предложении (ср. слово *стол* выступает в таких формах, как *стол-а*, *стол-у*, *стол-ом* и т.д.). Таким образом, грамматическая форма слова – это единство грамматического значения (в данном случае значения предметности, муж.р. ед.ч. и определенного падежа) и грамматического способа, т.е. материального выражения грамматического значения, той системы формальных средств, с помощью которых оно выражается (в данном случае формальных показателей этого слова, т.е. флексий). Поскольку грамматическое значение может быть присуще как одному слову, так и целому классу слов, объединенных общностью категориальной семантики, постольку и термин «форма слова» может относиться как к отдельному слову (в этом случае употребляется термин словоформа), так и к целому классу слов, выступающему в данной морфологической разновидности (ср. формы инфинитива или формы глагола 3 л. мн.ч.).

Словоформа – это двусторонняя единица, представляющая в единстве ее внешней формы (последовательности фонем, ударения) и внутренней (ее значения). Значение формы слова – понятие сложное, определенным образом структурированное. Согласно теории А.И. Смирницкого, в значении словоформы выделяются три компонента: 1) лексический, выражаемый корнем слова; 2) грамматический; 3) собственно формальный (ср. в слове *дремала*: лексический компонент – ‘быть в состоянии полусна’, грамматический – ‘процессуальность’, формальный – прош. вр., ж.р., ед.ч., нес.в.). Таким образом, форма слова неразрывно связана с грамматическим значением, она представляет собой единство грамматического значения и средств его выражения (различных формальных показателей, например, аффиксов, флексий).

Формы изменяемых слов имеют определенную морфологическую структуру: формообразующую основу и формообразующий аффикс. Постоянная часть слова, присутствующая во всех словоформах и состоящая из одних и тех же морфем, называется формообразующей основой (ср. в словах *книг-а*, *книг-и*, *книг-у* формообразующей основой является *книг-*). Формообразующая основа может состоять не только из корня, но и корня и словообразующего аффикса (ср. *под-стакан-ник-*), из нескольких корней (ср. *лед-о-ход-*), нескольких корней и словообразующих аффиксов (ср. *пар-о-ход-н-*). Ино-

гда слово может иметь несколько формообразующих основ, т.к. разные словоформы образуются от разных основ (ср. глагол *идти* имеет две такие основы: *ид-* основа наст. вр. и *ш(ед)-* основа причастия прош. вр.). Изменяемая часть слова, представленная в его словоформах разными морфемами, называется формативом (или формообразующим аффиксом), ср. формативы *-а*, *-у*, *-ой* в словах *книг-а*, *книг-у*, *книг-ой*. Форматив может быть не только одноморфемным, но и многоморфемным (ср. форматив *-л-а* в глаголах прош. вр., ед.ч., ж.р.). К формообразующим аффиксам в русском языке относятся, например, суффиксы инфинитива (*-ть*, *-ти*, *-сти*, *-чь*), прошедшего времени (*-л*, *-л*), повелительного наклонения (*-и*, *-и*), причастий (*-ущ*, *-ющ*, *-ащ*, *-ящ*, *-енн*, *-т*, *-ом*, *-им* и др.), деепричастий (*-а*, *-в*, *-вши*, *-ши*, *-учи*), сравнительной степени прилагательных и наречий (*-е*, *-ее*, *-ше*, *-же*), превосходной степени прилагательных (*-ейш*, *-айш*). Формообразующие аффиксы служат для образования разных форм одного и того же слова, не меняя его значения, и в этом они противостоят словообразующим аффиксам, которые служат для образования новых слов. Основная функция формообразующих аффиксов – выражение грамматического значения, составляющего принадлежность целого ряда словоформ, образующих частную парадигму лексемы.

СИНТЕТИЧЕСКИЕ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СЛОВА.

Слово как единица языка представляет собой систему взаимосвязанных форм. Формы слова могут быть простыми (или синтетическими < греч. *synthetikos* ‘соединение’) и сложными (или аналитическими < греч. *analytikos* ‘расчлененный’). Синтетические формы образуются путем слияния основы и формообразующего аффикса (ср. *нес-ти*, *нес-ущ-ий*), аналитические – путем сочетания служебного и знаменательного слова (ср. *более сильный*, *самый сильный*), причем функционируют эти формы как одно слово. Несмотря на то, что аналитические формы состоят из двух слов, они образуют единую словоформу, обладающую общим грамматическим значением (например, словоформа *буду писать* – значением будущего времени, *быть сделанным* – значением страдательного залога и т.д.). В предложении аналитические формы выступают как единый член предложения (ср. сказуемое: *я буду петь*). Поэтому и синтаксически, и функционально аналитические формы равнознач-

значны слову, хотя, в отличие от него, они организованы как словосочетание, т.е. допускают перестановку компонентов (ср. *он будет работать* и *он работать будет*), включение новых слов (ср. *он будет долго работать*) или, наоборот, усечение (ср. *он будет слушать* и *записывать*). Аналитические формы могут сосуществовать с синтетическими формами в рамках одного и того же слова (ср. *никто* и *ни у кого*). С развитием языка на базе аналитических форм могут образовываться синтетические (например, в русском языке формы прошедшего времени образовались путем утраты служебного элемента аналитической формы: *ходил* < *къмъ ходилъ*), так же как и синтетические формы могут замещаться аналитическими (ср. имперфект глаголов совершенного вида в древнерусском языке, который в современном русском языке передается конструкцией *бывало* + глагол будущего времени: *бывало подойдет* и *скажет* ...).

Словоформы, различающиеся внешней формой, но имеющие одно и то же грамматическое значение, являются вариантами (ср. варианты словоформы с окончаниями *-ой/-ю* существительных ж.р. ед.ч. тв.п. *водой* – *водою*: имея одно и то же грамматическое значение, они различаются лишь стилистически). Словоформы, различающиеся своим грамматическим значением, но совпадающие в своем формальном выражении, называются омоформами (ср. *печь* глагол и *печь* существительное или *супруга* – форма им.п. ед.ч. ж.р. и *супруга* род.п. ед.ч. м.р.).

Совокупность всех словоформ слова образует его парадигму. Парадигма (< греч. *paradeigma* ‘образец’) – это система (или ряд) форм словоизменения одного и того же слова (или класса слов), например, *стол-Ø, стол-а, стол-у* и т.д. – парадигма существительного *стол*; *нес-у, нес-ешь, нес-ет* – парадигма глагола *нести*. Термин парадигма используется применительно к системе всех словоформ как определенного слова, так и словоизменительного типа, характеризующего целый грамматический класс или разряд слов (ср. глагольные парадигмы). Понятие парадигма впервые было введено в античных грамматиках, где оно использовалось при распределении слов по типам склонения или спряжения в качестве образца словоизменения. В современном языкознании это понятие широко применяется в фонологии, лексике, словообразовании, синтаксисе, где оно имеет соответственно разный объем и структуру. В морфологии структура парадигмы определяется характером грамматических категорий и их связями внутри части речи (в рус-

ском языке, например, существительное имеет падежно-числовую парадигму, в которую входят две числовые парадигмы; в парадигме прилагательных отражаются системные связи родо-падежно-числовой парадигмы полных прилагательных с родо-числовой парадигмой кратких). Объем парадигмы конкретного слова определяется его принадлежностью к той или иной части речи (ср. разные парадигмы имени и глагола), а также – к определенному лексико-грамматическому разряду внутри этой части речи (ср., например, разные парадигмы качественных и притяжательных прилагательных). Парадигма слов одной части речи характеризуется одинаковым набором окончаний (таким образом устанавливается тип склонения или спряжения в любом языке), общей структурой основ (таким способом выделяются формальные классы глаголов), а иногда и общими акцентными явлениями. Основным критерием объединения словоформ в одну парадигму является тождество их лексического значения (ср. *дом-Ø, дом-а, дом-у* и т.д., все эти формы различаются лишь грамматическим значением падежа), а также формальное тождество основы, хотя иногда в одну парадигму могут входить формы одного и того же слова, образованные от разных корней (ср. *я, меня, человек, люди* и т.д.). Формы с разными лексическими значениями являются разными словами (лексемами) и относятся к словообразованию (ср. *писать* – *подписать* – *стирать*).

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Словообразование (или деривация < лат. *derivatio* ‘отведение’) – это образование нового слова на базе однокоренного слова (или слов) по существующим в языке словообразовательным моделям. Словообразование отличается от формообразования, и отличие это носит принципиальный характер: если формообразование связывает формы одного и того же слова (ср. рус. *читать* – *читал*: суффикс *-л* не меняет лексического значения слова), то словообразование связывает слова с разными значениями (ср. рус. *читать* – *читатель*: суффикс *-тель* формирует новое значение слова – ‘лицо, производящее действие’), поэтому словообразование обращено не только к грамматике, но и к лексике: в словообразовании находят отражение изменения в словарном составе языка.

В языках мира существует несколько способов словообразования, причем степень их продуктивности различна. Среди них выделяются:

1) морфологический (наиболее продуктивный способ словообразования во всех славянских языках): он заключается в создании новых слов путем сочетания морфем по существующим в языке правилам, т.е. это словопроизводство в полном смысле этого слова, поэтому морфологический способ является наиболее действенным средством обогащения словарного состава языка. Он включает в себя аффиксацию, сложение и безаффиксный способ словообразования.

Аффиксация – это создание нового слова посредством присоединения к производящей основе (или слову) тех или иных аффиксов. В зависимости от того, какие формо- или словообразовательные аффиксы участвуют в образовании слова и как они присоединяются к производящей основе (слову), в аффиксации выделяются: суффиксальный способ словообразования, т.е. образование нового слова или новой формы слова путем присоединения к производящей основе или слову суффикса (ср. рус. *молод-ость, сильн-ее, сын-ок*; франц. *blanch-eur, dent-iste*); префиксальный: образование нового слова или новой формы слова путем присоединения к производящему слову префикса (ср. рус. *пра-родина, пре-забавный*; франц. *marche – dé-marche*); постфиксальный: образование нового слова или новой формы слова путем присоединения к производящему слову постфикса (ср. рус. *стричь-ся, читай-те*); смешанно-аффиксальный способ: суффиксально-префиксальный: образование нового слова путем одновременного присоединения к производящей основе или слову суффикса и префикса (ср. рус. *па-сын-ок*); префиксально-постфиксальный способ: образование нового слова путем одновременного присоединения к производящему слову префикса и постфикса (ср. рус. *раз-бежать-ся*); суффиксально-постфиксальный: образование нового слова путем одновременного присоединения к производящей основе суффикса и постфикса (ср. рус. *горд-и-ть-ся*); префиксально-суффиксально-постфиксальный способ: образование нового слова путем одновременного присоединения к производящей основе префикса, суффикса, постфикса (ср. рус. *за-блуд-и-ть-ся*).

Безаффиксный способ словообразования – это создание нового слова на базе производящей основы без участия аффикса, т.е.

производящая основа сама становится основой нового слова (ср. рус. *удалой – удаль, синий – синь*).

Сложение – образование нового слова путем объединения в одно словесное целое двух или более основ (ср. рус. *лес-о-стень*). Особенно продуктивен этот способ словообразования был в санскрите (например, основа *go-* ‘корова, бык’ была представлена в классическом санскрите в десятках сложных слов, ср. *gopás* ‘пастух’, *gópatis* ‘хозяин стада’, *gopālās* ‘царь, правитель’). Высокая степень продуктивности словосложения наблюдалась и в древнегреческом языке, благодаря чему сложение стало продуктивным способом создания европейских интернациональных научных терминов (ср. интернационализмы, пришедшие из греческого языка: *horōskopos* ‘гороскоп’ < *hōra* ‘время’ и *skopeō* ‘смотрю’; *hippodromos* ‘ипподром’ < *hippos* ‘конь’ и *dromos* ‘бег, состязание’). Среди европейских языков этот способ словообразования особенно продуктивен в немецком языке (ср. *Bildhauer* «скульптор» и *Bildhauerkunst* «скульптура»). Словосложение играет важную роль и в языках изолирующего типа, например, в китайском, где этот способ словообразования является господствующим. Поскольку корень слова здесь всегда совпадает со слогом, а аффиксация практически не развита, то образование нового слова происходит путем словосложения (например, корень *лин* имеет значение ‘лес’, присоединение к нему других корней создает новые слова: *сяолин* ‘роща’, где *сяо* ‘молодой, маленький’, *милинь* ‘чаща’, где *ми* ‘густой’).

В зависимости от того, как происходит сложение, какие типы основ в нем участвуют, различают чистое сложение: образование нового слова путем объединения двух или более полных основ (ср. рус. *пар-о-ход*); сложно-суффиксальный способ: образование нового слова путем объединения двух основ с одновременной суффиксацией опорной основы (ср. рус. *редк-о-лес-я-е*); аббревиацию: образование нового слова путем усечения слов, входящих в исходное словосочетание (ср. рус. *продмаг, вуз*). В разговорном языке под влиянием аббревиации часто используется еще один способ словообразования – усечение производящей основы по аббревиатурному способу (ср. рус. *заведующий – зав, магнитофон – маг*; франц. *labo* < *laboratoire, bac* < *bacalauréat*);

2) семантический (или лексико-семантический) способ словообразования, заключающийся в создании нового слова путем расщепления старого на два или более омонима (ср. рус. *лайка* ‘порода собак’ и *лайка* ‘вид кожи’);

3) конверсия (< лат. *conversio* 'превращение') или морфолого-синтаксический способ словообразования: образование нового слова путем перехода его из одной части речи в другую (ср. рус. *рабочий, весной*; франц. *un Parisien*). Слово при этом приобретает новые грамматические признаки. Особенно продуктивен этот способ словообразования в английском языке, где путем конверсии можно образовать существительное практически от любого глагола и наоборот (ср. *sleep* 'сон' и *sleep* 'спать'; *look* 'смотреть' и *look* 'взгляд');

4) лексико-синтаксический способ, заключающийся в создании нового слова путем сращения в одну лексическую единицу целого сочетания слов (ср. рус. *тот час > тотчас, сего дня > сегодня*; франц. *bonne homme > bonhomme*). Сращения отличаются от сложений тем, что во всех своих формах они тождественны словосочетаниям, на базе которых они возникли, но в отличие от словосочетаний они имеют единое ударение, закрепленный порядок частей и ограниченную сочетаемость с существительными.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Грамматические значения могут выражаться в слове разными способами. Основным средством выражения грамматических значений является аффиксация, когда грамматические формы слова образуются при помощи аффиксов: окончаний (ср. *дом-а, дом-у*), префиксов (*делать - сделать*), суффиксов (*делать - делал*), присоединяемых к формообразующей основе, причем аффиксы могут быть не только материально выраженными, но и нулевыми (ср. в русском языке значащее отсутствие суффикса прошедшего времени в глаголах *нес-Ø, пек-Ø, высох-Ø* или окончания в им.п. ед.ч. существительных мужского рода *стол-Ø, дом-Ø, конь-Ø, май-Ø*).

В языках мира существуют два типа аффиксации, влияющих на структурную организацию слов и виды их синтаксических связей в предложении: 1) флективность (< лат. *flexio* 'сгибание'); 2) агглютинация (< лат. *agglutinare* 'приклеивать'). Основное различие между ними в характере связи аффиксов с формообразующей основой и их функциональной нагрузке. При агглютинации каждое грамматическое значение слова выражено отдельным стандартным аффиксом, и каждый аффикс имеет одну функцию. Корень слова или формообразующая основа остаются при этом, как правило, неизменными (например, в тюркских языках суффикс *-лар* передает

значение множественного числа, суффикс *-га* - значение дательного падежа, поэтому в казахском языке слово *ара* 'пила' в им.п. мн.ч. будет иметь форму *ара-лар*, в дат.п. мн.ч. *ара-лар-га*, т.е. способ образования слова происходит механически, путем «приклеивания» в определенной последовательности стандартных аффиксов к неизменяемым основам или корням). Структура слова прозрачна, так как границы морфем отчетливы, каких-либо изменений на морфемных швах не наблюдается (если же они возникают, то носят единичный характер). Агглютинация широко распространена в языках агглютинирующего типа (например, в тюркских и финно-угорских).

Агглютинации как способу соединения морфем противостоит флективность, т.е. словоизменятельная аффиксация или словоизменение посредством флексии. Флексия при этом может передавать несколько грамматических значений одновременно (ср. флексию *-у* в глаголах *несу, пишу, лечу*: она выражает значение 1 лица, единственного числа, настоящего времени, изъявительного наклонения), более того, одно и то же грамматическое значение может быть передано разными флексиями (например, в русском языке значение дательного падежа у существительных передают флексии *-е, -и, -у, -ам*). Связь между формообразующей основой и аффиксом настолько тесная, что нередко происходит взаимопроникновение контактирующих морфем, т.е. явление *фузии* (< лат. *fusio* 'сплавление'), слияние морфем, сопровождающееся изменением их фонемного состава, при котором проведение морфемных границ между основой и аффиксом становится затруднительным (ср. *мужик + суффикс -ск → мужицкий*). Это явление наблюдается чаще всего в следующих случаях: 1) при соединении префикса и корня, когда один и тот же звук принадлежит обоим морфемам (ср. *при + иду → приду*); 2) при слиянии конечного звука корня с начальным звуком суффикса (ср. *раст + -ти → расти*); 3) при слиянии двух аффиксов (ср. *Бий-ск + -ск → бийский*, где первый суффикс *-ск* входит в основу, а второй является суффиксом относительного прилагательного); 4) при сплетении частей в сложном слове в результате чего происходит выпадение одного из двух следующих друг за другом одинаковых слогов (ср. *дик-о-обрас → дикобрас*). В результате этих регулярных морфонологических преобразований происходит сокращение неудобнопроизносимых слогов. Флективность широко представлена в языках флективного типа (особенно в индоевропейских, большинство из которых является языками флективного типа, а также во многих афразийских). Для флективных языков характерна не толь-

ко тесная связь аффиксов с основой, но и так называемая внутренняя флексия (чередование звуков), с помощью которой передаются различные грамматические значения (ср. в русском языке, например, с помощью внутренней флексии выражаются видовые противопоставления: *запереть* – *запирать*, *умереть* – *умирать*). Особенно широкое распространение внутренняя флексия получила в германских языках, где она может быть представлена двумя, тремя и даже пятью фонемами: с помощью внутренней флексии передается значение времени, наклонения или залога в причастиях (ср. нем. *helfen* ‘помогать’, *hilft* ‘помогает’, *half* ‘помог’, *hölfe* ‘помог бы’, *geholfen* ‘причастие пассивного залога’); в английском и немецком языках внутренняя флексия используется и для выражения грамматической категории числа (ср. нем. *Bruder* ‘брат’ – *Brüder* ‘братья’; англ. *foot* ‘нога’ – *feet* ‘ноги’); регулярна внутренняя флексия и в семитских языках, в арабском, например, внутренняя флексия служит единственным суффиксом различения единственного и множественного числа (ср. *kitab* ‘книга’ и *kutub* ‘книги’).

Кроме аффиксации, грамматические значения могут быть переданы супraseгментными морфемами, т.е. морфемами-операциями, которые по своей функции являются аналогами аффиксов, поскольку они описываются как операции, производимые над сегментными морфемами с целью выразить то или иное грамматическое значение. К таким морфемам-операциям относятся: 1) ударение (ср. рус. *насыпать* – *насыпать* или *разрезать* – *разрезать*, где с помощью сдвига ударения выражаются видовые противопоставления); причем даже в языках с фиксированным ударением может наблюдаться сдвиг ударения для передачи того или иного грамматического значения (например, в цыганском языке для образования звательной формы наблюдается сдвиг ударения с последнего слога на предпоследний, ср. *чяво* ‘мальчик’, но *чява* ‘эй, мальчик’); 2) значащее чередование (ср. рус. *рваный* – *рвань*, *голый* – *голь*), в котором различие в качестве последнего согласного основы является показателем грамматической характеристики слова: твердый согласный – прилагательное, мягкий – существительное; при этом участвовать в чередовании могут не только материально выраженные морфемы, но и нулевые (ср. передачу родовых различий в прилагательных во французском языке: ж.р. *douce* [dus] ‘сладкая’, от которого образуется прилагательное муж.р. *doux* [du] ‘сладкий’); 3) супплетивизм, т.е. образование грамматических форм от разных основ (ср. в русском языке с помощью супплетивизма переда-

ется грамматическое значение числа: *ребенок* – *дети*; вида: *ловить* – *поймать*; степени сравнения: *хорошо* – *лучше*; времени: *иду* – *шел*; падежа: *я* – *меня* и др.); в индоевропейских языках супплетивность часто наблюдается в глаголе со значением ‘быть’ (ср. франц. 3 л. ед. и мн. числа настоящего времени: *est* – *sont* и прошедшего времени: *fut*), а также в глаголах со значением ‘идти’ (ср. рус. *иду* и *шел*; франц. *je vais* ‘я иду’, *j’allais* ‘я шел’, *j’irai* ‘я пойду’); 4) удвоение или редупликация, т.е. полное или частичное повторение корня (в русском языке, например, с помощью редупликации передается значение усиления признака предмета: *белый-белый* или действия: *еле-еле доплыл*; значение интенсивности действия: *просил-просил о помощи*; значение непрерывности процесса: *сидел-сидел* и т.д., однако в некоторых языках редупликация служит для обозначения ослабленного признака, ср. в языке маори, принадлежащем полинезийским языкам: *wera* ‘жаркий’, а *wera-wera* ‘теплый’). Этот способ выражения грамматического значения известен и в других языках (в частности, в армянском, японском, малайском: в армянском, например, с помощью редупликации передается значение числа, ср.: *gund* ‘полк’ и *gund-gund* ‘полки’), однако наибольшее распространение редупликация получила в австронезийских языках, где она используется как для словообразования, так и словоизменения (ср., например, полную редупликацию в индонезийском слове ‘спички’: *api-api*, где *api* ‘огонь’) или частичную в яванском слове ‘болезнь’ *lelara*, где *lara* ‘больной’).

Все эти способы выражения грамматического значения относятся к синтетическим, однако существуют и аналитические способы, проявляющиеся в раздельном выражении лексического и грамматического значений слова. В этом случае употребляются сложные конструкции, представляющие собой сочетание знаменательного и служебного слова (ср. в русском языке выражение будущего времени, сослагательного наклонения или степени сравнения: *буду читать*, *прочитал бы*, *более красивый*). В качестве служебного элемента используются предлоги, послеслоги, следующие за именем (ср. фин. *talon alla* ‘под домом’), артикли, полнозначные слова, подвергшиеся десемантизации (глаголы *быть*, *иметь*, *становиться* в составных сказуемых и др.). Кроме русского, этот способ выражения грамматического значения продуктивен в английском, французском, болгарском языках, в которых падежные значения передаются с помощью предлогов.

К аналитическому способу выражения грамматического значения относится и особый порядок слов (в русском языке, например, этим способом передается значение приблизительности, ср. *двадцать человек* и *человек двадцать*), особенно продуктивен этот способ передачи грамматического значения в языках с фиксированным порядком членов предложения (например, в английском и французском, где всегда на первом месте подлежащее, на втором — сказуемое, на третьем — дополнение). Здесь порядок слов является единственным способом определения синтаксической роли имени в предложении, т.е. он выполняет смысловозначительную функцию (ср. франц. *Pierre voit Paul, mais Paul ne voit pas Pierre* 'Пьер видит Поля, но Поль не видит Пьера', если переставить местами существительные, то предложение будет иметь иной смысл).

Интонация также может использоваться в качестве способа выражения грамматического значения (с помощью интонации передается вопрос, побуждение, перечисление, пояснение и т.д.). Этот способ передачи грамматического значения распространен во вьетнамском и китайском языках, где интонация используется в качестве средства выражения не только грамматического, но также лексического и синтаксического значений.

Аналитический способ выражения грамматического значения наибольшее распространение получил в языках агглютинативного типа и в меньшей степени во флективных языках.

Существует и гибридный или смешанный способ выражения грамматического значения, когда оно передается и знаменательным словом, имеющим формы словоизменения, и служебным (ср. рус. *в дом-е*: значение предл. п. здесь выражено предлогом и флексией) или двумя знаменательными словами, ср. рус. *я нес-у*: категория лица здесь выражена аналитически (с помощью местоимения *я*) и синтетически (с помощью флексии *-у*).

ОПРОЩЕНИЕ, ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ ПО АНАЛОГИИ

Способы выражения грамматических значений в истории языка могут претерпевать различные изменения. В ходе языковой эволюции звуковые и семантические отношения между словами могут меняться и, следовательно, может измениться морфемное членение слова. Нередко базой для изменения морфемной структуры слова становится фузия, т.е. слияние и взаимопроникновение контактиру-

ющих морфем. В результате в языке (особенно флективного типа) могут возникнуть процессы переразложения или опрощения.

Переразложение — это изменение морфемной структуры слова, связанное с перемещением границ морфем, входящих в его состав. Слово остается производным, т.е. сохраняет морфемную членимость, но членится оно уже иначе, чем прежде (ср. в современном русском языке существительное *живность* членится как *жив-ность*, так как вышло из употребления прилагательное *живный*, от основы которого оно было образовано, хотя еще в XVIII в. оно имело морфемную структуру *живн-ость*). Иногда прежде нечленимая основа превращается в членимую, т.е. в ней начинают выделяться корневая и аффиксальная морфемы. Чаще всего это происходит при заимствовании слова, ср.: голландское слово *zondek* < *zon* 'солнце' и *dek* 'покрышка' при заимствовании его русским языком пережило фонетическую адаптацию и потеряло свое членение на морфемы, однако вскоре конец слова стал восприниматься как уменьшительный суффикс *-ик*, а остальная часть слова не только стала новым корнем, но и превратилась в самостоятельное слово *зонт*, таким образом, в русском языке сформировалась пара *зонт* — *зонтик*, подобно паре *лист* — *листик*. Это изменение морфемной структуры слова, при котором непроемная основа превращается в производную, называется усложнением.

Иногда переразложение может происходить не только на границах морфем, но и на границах слов: в древнерусском языке, например, некоторые предлоги имели на конце звук *н*: *кън*, *сън*, который обычно исчезал перед согласным (ср. *къ мнѣ*), но сохранялся перед гласным (ср. *кън кмоу*). После процесса падения редуцированных, когда произошло перемещение границы слова, этот согласный *н* отошел к следующему слову (ср. рус. *к нему*, *с ним*).

Вследствие процесса переразложения в языке появляются новые предлоги и аффиксы (ср. суф. *-инк-а*, возникший из сочетания суффикса единичности *-ин-а* с суффиксом уменьшительности *-к-а*).

Причиной переразложения является выход из употребления родственного слова: появление префикса *обес-* в рус. яз. вызвано изменением морфемной структуры слова *обессилеть*, которое первоначально членилось как *о-бессилеть*, однако глагол *бессилеть* в значении 'слабеть' вышел из употребления, и слово стало соотноситься с производящей основой *сил-*, вследствие чего выделился префикс *обес-*.

Опрощение — это такое изменение в морфемной структуре слова, в результате которого основа теряет способность члениться на

морфемы и из производной превращается в непроизводную, равную корню, т.е. корень и аффикс сливаются в одну морфему (ср. рус. *басн-я*: раньше это слово членилось как *ба-сн-я*, поскольку существовал глагол *баять*, имевший значение 'говорить, рассказывать', ср. *петь – песня*, однако в процессе развития языка глагол, от которого было образовано это слово, устарел и вышел из употребления, в результате основа перестала выделять суффикс *-сн-* и превратилась в нечленимую; то же произошло со словами *вкус, орел*, которые раньше членились как *в-кус, ор-ел*: в современном русском языке разложить эти слова на корневую и аффиксальную морфемы нельзя, произошло слияние этих морфем; современное английское слово *woman* также подверглось опрощению, т.к. в древнеанглийском языке оно состояло из двух корней *wif* 'жена' и *man* 'человек').

Причины возникновения опрощения разные: 1) утрата производящего слова или основы (ср. в слове *лепесток* утрату производящей основы *лепест-*); 2) потеря семантической связи с мотивирующей основой (ср. слово *дворец*, которое утратило семантическую связь со словом *двор*, на базе которого оно было образовано; или слово *обруч*, которое потеряло семантическую связь со словом *рука* и свое первоначальное значение 'браслет', поэтому корень *руч-* в этом слове уже не выделяется); 3) утрата продуктивности словообразовательным аффиксом (ср. в словах *дар, тир* произошло опрощение вследствие утраты продуктивности суффиксом *-р*); 4) фонетические изменения в структуре слова (ср. в слове *облако* произошло опрощение вследствие фонетических изменений, связанных с падением редуцированных в древнерусском языке и упрощением группы губных согласных: др.-рус. *объвлако* → *облако*, но это сочетание губных согласных сохранилось в глаголе *обволакивать*).

Кроме грамматических процессов переразложения и опрощения, в языке существуют и изменения по аналогии (< греч. *analogia* 'соответствие'). Аналогия – это процесс уподобления одних элементов языка другим, связанным с ними, но более распространенным или продуктивным. Аналогия – одна из причин нефонетических изменений звуковой оболочки слова. Нарушая последовательность действия тех или иных фонетических законов, аналогия способствует некоторой упорядоченности словоизменительных и словообразовательных парадигм, которые вследствие действия различных фонетических процессов оказались разобщенными (ср. целую цепь грамматических аналогий в системе склонения существительных в древнерусском языке, благодаря которым в ней усилилось влияние

категории рода и многотипная система склонения трансформировалась в трехтипную). Аналогия предполагает существование в языке модели в качестве источника «подражания», подравнивания (ср. появление в детской речи *коша* вместо *кошка*, *пала* вместо *палка* по аналогии с *книга – книжка, нога – ножка*). Аналогия является важным фактором развития и функционирования языка, поскольку следование определенной модели помогает говорящему легко создавать новые формы. В этом смысле аналогия выступает в качестве упорядочивающего начала, т.к. она увеличивает ряды правильных форм, воспроизводя и повторяя определенную модель в широком масштабе. Вместе с тем в начале, в момент своего появления, аналогия выступает как некое отклонение, исключение из общего правила.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Центральными понятиями грамматики являются грамматическое значение, грамматическая форма и грамматическая категория. Это абстракции, представляющие собой результат отвлечения от свойств множества конкретных грамматических единиц и дальнейшего обобщения этих отвлечений. Если грамматическое значение – это абстрагированное языковое содержание грамматической единицы, а грамматическая форма – материальный вид выражения этого грамматического значения, то грамматическая категория – это совокупность однородных грамматических значений, представленных рядами противопоставленных друг другу грамматических форм. Грамматическая категория в своих связях и отношениях формирует ядро грамматического строя языка.

Грамматическая категория существует как класс значений, объединенных в системе противопоставлений (например, грамматическая категория падежа объединяется единством самого отвлеченного значения отношений: 'некто относится к чему-то' и противопоставленностью частных отношений – объектного, субъектного, определительного и др.). Соотношение грамматической категории и грамматического значения – это отношение общего (грамматической категории) к частному (грамматическому значению). Необходимым признаком грамматической категории является также единство выражения грамматического значения в системе грамматических форм, поэтому каждая грамматическая категория – это сложная структура, объединяющая ряды противопоставленных друг другу

форм (например, во многих языках мира внутри категории рода имен существительных выделяются формы мужского, женского и среднего рода или по крайней мере – мужского и женского). Противопоставление рядов форм в пределах грамматической категории основывается на наличии/отсутствии у противопоставленных форм формально выраженного значения (например, в русском языке мужской и женский род существительных противопоставлен среднему роду по признаку отсутствия у существительных среднего рода способности к образованию названий лиц мужского и женского пола). В разных языках одна и та же грамматическая категория в зависимости от количества противопоставленных членов может быть организована по-разному: есть категории двучленные (ср. категорию числа в русском языке, где различаются единственное и множественное число), трехчленные (ср. ту же категорию в словенском языке, где существует единственное, множественное и двойственное число), многочленные (как, например, в папуасских языках, где эта же категория имеет еще и тройственное число).

Грамматические категории языка находятся в тесном взаимодействии друг с другом и обнаруживают тенденцию к взаимопроникновению (например, категория лица связывает глаголы и местоимения, категория вида тесно связана с категорией времени и т.д.), причем это взаимодействие грамматических категорий наблюдается не только в рамках одной части речи, но и разных (ср., например, категорию числа, связывающую имя и глагол).

Грамматические категории подразделяются на морфологические и синтаксические. Морфологические грамматические категории выражаются лексико-грамматическими классами слов – знаменательными частями речи (именем существительным, прилагательным, глаголом, наречием, числительным, местоимением), ср. категории вида, залога, времени, наклонения, принадлежащие глаголу или рода, числа, падежа – имени. Среди этих категорий выделяют словоизменяемые и классификационные. Морфологические категории словоизменяемого типа – это категории, члены которых представлены формами одного и того же слова в рамках его парадигмы (ср. в русском языке категорию падежа у имени или категорию лица у глагола). Морфологические категории классификационного типа – это категории, члены которых не могут быть представлены формами одного и того же слова, т.е. это категории, внутренне присущие слову и не зависят от его употребления в пре-

дложении (ср. в русском языке категорию рода, одушевленности/неодушевленности существительных или категорию вида глагола).

Синтаксические грамматические категории – это категории, принадлежащие прежде всего синтаксическим единицам языка (ср. категорию предикативности или категорию членов предложения, которые составляют принадлежность такой синтаксической единицы, как предложение), однако они могут быть выражены и единицами, относящимися к другим языковым уровням (в частности, словом и его формой, которые участвуют в организации предикативной основы предложения и формируют его предикативность, например, грамматическую категорию синтаксического времени и наклонения).

Деление грамматических категорий на морфологические и синтаксические характерно в основном для языков флективного типа, в языках агглютинативного типа границы между морфологическими и синтаксическими категориями стерты.

От грамматических категорий отличаются лексико-грамматические категории (или разряды). Лексико-грамматические категории представляют собой объединения слов, обладающих общим семантическим признаком, влияющим на способность слова выражать то или иное морфологическое значение (например, в русском языке среди имен существительных выделяются такие лексико-грамматические разряды, как собирательные, отвлеченные, вещественные существительные, которые имеют особенности в выражении категории числа, а именно: они не способны к образованию форм числа, поэтому употребляются, как правило, в форме одного числа, чаще всего единственного).

В зависимости от того, на основании каких признаков объединяются эти слова в разряды, а также их принадлежности к одной или разным частям речи, лексико-грамматические категории подразделяются на два типа:

- 1) категории, объединяющие в своем составе слова, принадлежащие одной части речи, обладающие общим семантическим признаком и сходством в выражении морфологических категориальных значений (например, во всех языках мира среди имен существительных выделяются разряды имен собственных и нарицательных или разряду конкретных существительных противопоставлен разряд абстрактных и т.д.);

- 2) категории, представляющие собой группировку слов, принадлежащих разным частям речи, но объединенных на основе общно-

сти семантических и синтаксических признаков (ср. в русском языке разряд местоименных слов, объединяющий в своем составе местоименные существительные: *я, ты, мы, вы, кто* и др., местоименные прилагательные: *какой, такой, всякий, мой, наш* и др., местоименные числительные: *столько, несколько, сколько* и др., местоименные наречия: *где, когда, там, всюду* и др.; или разряд счетных слов, куда, кроме числительных, входят порядковые относительные прилагательные: *первый, второй, пятый* и др., некоторые существительные: *тысяча, миллион, сотня, ноль* и др.).

Грамматические системы языков мира могут различаться:

1) составом грамматических категорий и их количеством (например, категория вида присуща в основном славянским языкам, категория вежливости – японскому и корейскому, категория определенности/неопределенности – английскому, французскому, немецкому языкам, категория человека или вещи – иберийско-кавказским языкам и т.д.);

2) количеством противопоставленных членов в рамках одной и той же категории (ср., например, категорию падежа: число падежных форм в языках, где есть эта категория, варьируется от 2, например, в английском, до 44 в табасаранском языке);

3) принадлежностью грамматических категорий к одной части речи (например, существительные в ненецком языке обладают категорией лица и времени, в мордовском – категорией определенности/неопределенности и лично-притяжательности, а в абхазском языке – категорией человека/не-человека, чего нет ни в одном из славянских языков);

4) устройством грамматических категорий (ср. в язгулямском языке, принадлежащем к группе памирских языков, категория рода устроена по принципу семантических классов: мужской род – названия мужчин и неодушевленных предметов, женский род – названия женщин и всех животных).

В процессе исторического развития языка объем грамматических категорий может меняться (ср. в др.-рус.яз. грамматическая категория числа была представлена единственным, двойственным и множественным числом, однако в процессе языковой эволюции дв.ч. было утрачено, в связи с чем в современном рус.яз. эту категорию формируют только две формы – ед.ч. и мн.ч.; то же относится и к категории падежа: существовавшая в др.-рус.яз. особая форма звательного падежа к XIV–XV вв. была уже утрачена, в связи с чем в современном рус.яз. сформировалась шестипадежная система).

ЧАСТИ РЕЧИ КАК ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ

Части речи – это основные лексико-грамматические классы, по которым распределяются слова языка. Сам термин «части речи» обязан своим возникновением древнегреческой грамматической традиции, в которой предложение не отделялось от речи, поэтому он давно уже потерял мотивационную связь с обозначаемым явлением.

Проблема частей речи относится к одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем языкознания, которая до сих пор не получила своего окончательного решения. Трудности проистекают из разного решения следующих принципиально важных вопросов: 1) что следует считать одним и тем же словом, хотя и разными его формами? 2) на каких принципах должна строиться грамматическая классификация слов? 3) какова иерархия признаков, лежащих в основе выделения частей речи?

Не выработаны, к сожалению, до сих пор и собственно лингвистические принципы выделения частей речи. Главное препятствие – давление категорий логики, идущее еще от рациональной грамматики Пор-Рояль. Части речи рассматривались как универсальные представители логических категорий (имя существительное обозначает всегда предмет, глагол – действие, имя прилагательное – качество и т.д.). И поскольку эти логические категории присутствуют во всех языках, то, следовательно, все языки мира должны иметь одни и те же части речи. Эти старые представления до сих пор не изжиты, хотя лингвистические исследования последних лет доказали, что состав частей речи от языка к языку может меняться.

Вопрос о частях речи, принципах распределения слов языка на классы неоднократно вставал перед грамматистами разных эпох. Еще в IV в. до н.э. Аристотель выделил в греческом языке четыре части речи: «значащие» – имя и глагол и «незначащие» – член и союз (или связка). Древнеиндийские грамматисты Панини и Яска (IV в. до н.э.) обнаружили в санскрите аналогичные части речи, а именно имя, глагол, предлог, союзы и частицы. Позднее число лексико-грамматических классов возросло: стойки, развивавшие греческое учение о частях речи, выделяли уже пять разрядов: имя собственное, имя нарицательное, глагол, союз (союзы и предлоги), член (местоимения и артикли), а Дионисий Фракийский (II – I в. до н.э.) называет восемь разрядов: имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие, союз. В римской грамматике Вар-

рона (I в. до н.э.), развивавшей традиции Александрийской школы филологии, впервые был предложен критерий морфологического словоизменения (наличие или отсутствие у слова форм падежа или времени), в связи с чем Варрон предлагает выделять четыре больших класса слов: имя, которое имеет падеж, но не имеет времени (сюда входят существительное, прилагательное, числительное, местоимение), глагол, который имеет время, но не имеет падежа, причастие, которое имеет то и другое, и наречие, которое не имеет ни того, ни другого. В середине I в. появилось первое «Грамматическое руководство» латинского языка Палемона, в котором в особую часть речи впервые выделялось междометие. Эти же части речи приводились во всех классических грамматиках средневековья, в том числе и славянских, воспринявших греческую и латинскую традиции в учении о частях речи, вплоть до грамматик Л. Зизания (XVI в.) и М. Смотрицкого (XVII в.).

М.В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» (1755) также выделяет восемь частей речи: две главные или знаменательные (имя и глагол) и шесть служебных (местоимение, причастие, наречие, предлог, союз, междометие). Восемь частей речи сохраняются и в «Русской грамматике» А.Х. Востокова (1831), уточняется лишь категория имени (из нее в качестве особой части речи выделяются прилагательные, в составе которых рассматриваются и причастия).

С развитием языкознания в XIX и XX вв. традиционная схема частей речи, страдающая логической непоследовательностью, отсутствием четких принципов выделения, перестает удовлетворять ученых. Проблема частей речи, принципов их классификации становится одной из наиболее дискуссионных проблем общего языкознания. В одной только русской лингвистике в разработке подходов к выделению частей речи существовало несколько направлений:

1) формальное (или формально-морфологическое): представители этого направления (Ф.Ф. Фортунатов и его ученики Д.Н. Ушаков, М.Н. Петерсон) предложили чисто формальную классификацию частей речи, учитывающую грамматическую структуру слова и его форм. Согласно этой классификации в языке выделялись два больших разряда: а) слова, имеющие формы словоизменения, т.е. формы падежа, числа, лица, рода (сюда включались существительные, прилагательные, числительные, местоимения, спрягаемые и склоняемые формы глагола). В дальнейшем среди этих слов выделялись слова «падежные» (типа *стол, ты, семь*), «родовые» (типа *быстрый, читающий, читал, второй, такой, мудр, взят*) и

«личные» (типа *пишу, нес*); б) слова, не имеющие форм словоизменения (наречия, деепричастия, инфинитив, безличные формы глагола, глаголы прошедшего времени, междометия, несклоняемые существительные, союзы, предлоги, частицы).

В соответствии с этим принципом классификации частей речи слова, тесно связанные между собой, оказались разорванными, помещенными в разные лексико-грамматические классы (например, глаголы прошедшего времени были оторваны от спрягаемых форм глагола настоящего времени), и наоборот, слова, разнородные по своим грамматическим свойствам и синтаксическим функциям, объединялись в рамках одного класса (например, несклоняемые существительные попадали в один разряд с наречиями и междометиями). Все это делало формальную классификацию уязвимой с научной точки зрения и мало приемлемой даже для одного языка;

2) семантическое (ярким представителем этого направления является А.А. Потебня, который главным критерием в выделении частей речи считал семантический). Согласно его точке зрения, части речи тесно связаны как с вещественным, лексическим значением слова, так и с общим, грамматическим. В соответствии с этим все слова языка он делит на две группы: а) слова вещественные или лексические – знаменательные части речи (имя существительное, куда включается и местоимение), прилагательное, глагол, наречие, т.е. слова полнзначные или знаменательные); б) слова формальные или грамматические – служебные части речи (предлоги, союзы, частицы и вспомогательные глаголы, т.е. слова служебные, незначительные). Между частями речи и членами предложения, по его мнению, существует определенный семантический параллелизм (поэтому местоимение, которое в предложении выполняет функцию подлежащего, он подводит под разряд существительных);

3) синтаксическое (учитывающее, однако, и морфологические признаки частей речи). Сторонником этого направления был акад. А.А. Шахматов. В основу классификации частей речи он предлагал положить синтаксический принцип, т.е. учитывать прежде всего различие синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в структуре предложения. В связи с этим он выделял знаменательные части речи (существительное, прилагательное, глагол и наречие, но неместоименное и нечислительное), незначительные (числительное, местоимение, местоименное прилагательное, местоименное наречие), служебные (предлог, союз, связка, префикс, частица) и отдельно междометие. В качестве особой

части речи А.А. Шахматов предлагал рассматривать причастие и деепричастие;

4) функционально-семантическое направление (основоположниками его являются академики Л.В. Щерба и В.В. Виноградов). Сторонники этого направления предложили классифицировать слова по совокупности семантических, морфологических и синтаксических признаков (В.В. Виноградов, например, к частям речи относил лишь те слова, которые являются членами предложения). Все слова языка в соответствии с этой классификацией делятся на знаменательные (или собственно части речи: имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, категория состояния) и служебные (или частицы речи: частицы, частицы-связки, предлоги, союзы); в особый структурно-семантический разряд выделялись междометия и модальные слова.

Дискуссии о частях речи, принципах их классификации продолжаются до сих пор. Наибольшее признание получил так называемый «смешанный принцип» выделения частей речи, о котором в свое время говорил Г. Пауль: «Систему разграничения частей речи... определяют три аспекта: значение самого слова, его функция в составе предложения, его особенности в области флексии и словообразования».¹ Согласно этому принципу, учитывается общее (категориальное) грамматическое значение каждого разряда слов, способность их выполнять номинативную или указательную функцию, грамматические категории, присущие словам, объединяющимся в составе одной части речи, типы формо- и словообразования, синтаксическая сочетаемость, характерные функции слова в составе предложения и в связной речи.

Набор этих признаков, их иерархия в разных лингвистических школах и, соответственно, в разных языках может меняться: в английском языке, например, выделение частей речи происходит на основании двух признаков: семантического (категориальное значение) и синтаксического (сочетаемость и функции в предложении); в русском же классификация частей речи происходит по совокупности трех признаков: семантического (общность категориального значения), морфологического (общность набора морфологических категорий) и синтаксического (общность синтаксической функции).

Традиционно на первый план выдвигаются морфологические признаки, и прежде всего наличие общего грамматического значе-

ния и общих грамматических категорий, что при классификации выражается в общности формальных примет морфологического и синтаксического свойства. Морфологический принцип лежит в основе классификации частей речи во многих языках флективного и агглютинативного типа, однако он часто проводится непоследовательно (особенно в отношении местоимений и числительных). Кроме того, этот принцип не является универсальным, так как в языках аморфного типа (например, в китайском), где отсутствует словоизменение, а противопоставление знаменательных и служебных частей речи является довольно слабым, морфологический принцип выступает в качестве дополнительного, на первый же план выдвигается синтаксический признак, поскольку в этих языках порядок слов имеет грамматическую значимость. Поэтому при типологическом подходе универсальное определение частей речи основывается прежде всего на синтаксическом принципе, тогда как морфологические и семантические свойства частей речи используются в качестве дополнительных. К одной части речи, в частности, относятся слова, обладающие общими синтаксическими функциями: в русском языке, например, противопоставление имени и глагола основано на том, что существительное и глагол различаются прежде всего своими синтаксическими функциями: существительное выступает в функции подлежащего, глагол – в функции сказуемого, и это их первичные функции, хотя существительное может выполнять функцию сказуемого (ср. *отец – учитель*), а глагол – функцию подлежащего (ср. *курить вредно*), однако в этом случае на их употребление накладываются определенные ограничения: глагол, в частности, не может выступать в функции подлежащего при сказуемом, выраженном глаголом в личной форме (ср. *курение подрывает здоровье*, но не *курить подрывает здоровье*), существительное же в функции сказуемого требует глагола-связки, что не нужно глаголу в этой функции. Противопоставление существительного и глагола основывается также и на их возможности/невозможности выступать в качестве опорного слова в атрибутивной конструкции с прилагательным (ср. *четкий шаг*, но не *четкий шагать*).

С типологической точки зрения (т.е. опираясь прежде всего на синтаксический критерий) выделение местоимений и числительных в особую часть речи является неправомерным, так как слова, входящие в них, разнородны по своим синтаксическим функциям и могут быть отнесены к разным лексико-грамматическим классам (ср. местоименные существительные – *я, ты, мы, вы* и др., место-

¹ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960, с. 415.

именные прилагательные – *мой, твой, всякий, каждый, иной* и др., местоименные числительные – *столько, несколько, сколько*), т.е. принципы выделения этих частей речи отличаются от принципов выделения других.

Хотя синтаксические признаки выделения частей речи типологически универсальны, однако в языках флективного и агглютинативного типа именно морфологические признаки, имеющие яркое языковое выражение (ср. различия в типах склонения или спряжения, родовые или числовые противопоставления и др.), являются определяющими для языкового сознания носителей этих языков.

Не менее важен и семантический признак, так как выделение частей речи во всех языках опирается на семантические характеристики слов (такие, например, как значение предметности, процессуальности, признаковости и др.). На основе именно семантических признаков происходит типологическая идентификация частей речи в разных языках (например, во вьетнамском языке так же, как и в русском, выделяется класс слов, содержащий наименования предметов, хотя определение существительных происходит прежде всего на основе синтаксических признаков).

В разных языках мира состав частей речи (их структура и объем) различен, например: в русском, французском, латинском языках среди знаменательных частей речи выделяются имя существительное, прилагательное, глагол, наречие; в ряде языков Северной Америки и Африки наречия и прилагательные не различаются. В китайском языке выделяются имя, предикатив (объединяющий глагол и прилагательное) и наречие. В некоторых языках вычленяется только имя и глагол (например, в индейском языке йума). Однако главные части речи – имя и глагол различаются во всех языках мира. Это первая граница, которую удастся провести между частями речи. Что касается прилагательного и наречия, то они нередко могут сливаться с одной из главных частей речи, вследствие чего в языке может функционировать трехчленная система частей речи (как например, в датском языке, где наречие и прилагательное совпадают в одной категории) или двухчленная в разных своих вариантах (как например, в арабском языке, где прилагательное и наречие примыкают к имени существительному; в некоторых африканских языках прилагательное и наречие примыкают к глаголу; в тюркских – прилагательное сливается с существительным, а наречие – с глаголом).

Различия прослеживаются и в объеме частей речи (например, в болгарском языке имя существительное, кроме тех грамматических категорий, которыми оно обладает и в русском языке, за исключением категории падежа, имеет также категорию определенности/неопределенности; в английском, корейском, грузинском языках имя существительное не имеет категории рода; в венгерском языке оно обладает категорией притяжательности, но не имеет категории рода, в иберийско-кавказских языках в именах существительных выделяется грамматическая категория личности и вещи, а в табасаранском языке, распространенном в Дагестане, имеется грамматический класс разумных существ и грамматический класс неразумных существ и предметов и т.д.).

Несмотря на существование различий в составе, структуре и объеме частей речи разных языков мира, наиболее постоянным в них является противопоставление имени и глагола.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Имя, включающее в себя именные части речи (существительное и прилагательное), по своим семантическим, грамматическим и синтаксическим признакам противостоит глаголу. Членение частей речи на имя и глагол, имеющее свои истоки в древнеиндийском, античном и арабском языкознании, соотносится с членением высказывания на субъект и предикат. Имя существительное – это знаменательная часть речи, объединяющая в своем составе слова с общим значением предметности. Даже обозначая свойство, качество или процесс, существительное называет их в отвлечении от носителя признака или производителя действия (ср. рус. *строгость, белизна, чтение*), более того, большинство этих имен со словообразовательной точки зрения являются производными, тогда как основная часть непродных существительных обозначает предметы. Эта закономерность и позволяет говорить о том, что общим значением имен существительных является значение предметности. Первичные синтаксические функции имени существительного – функции подлежащего и дополнения (хотя в большинстве языков мира существительное может выполнять функции, свойственные другим частям речи, а именно: сказуемого (ср. рус. *ель – хвойное дерево*), определения (ср. рус. *платье в горошек*), обстоятельства (ср. рус. *идти полев*), однако употребление его в

этих функциях связано с определенными ограничениями. С точки зрения семантики существительные во всех языках мира делятся на лексико-грамматические разряды, среди которых наиболее универсальными являются разряды имен собственных и нарицательных, конкретных и абстрактных. Семантическое ядро существительных составляют, как правило, конкретные нарицательные имена, абстрактные же (как и имена собственные) находятся на периферии. Наиболее типичными грамматическими категориями существительного являются категории числа и падежа. Категория падежа в одних языках выражается с помощью окончаний или предлогов и окончаний (восточнославянские языки), в других языках (например, в английском, французском, болгарском, македонском) она выражается аналитически, т.е. с помощью порядка слов или предлогов. Количество падежей может колебаться от двух (английский), трех (арабский), четырех (немецкий), шести (русский), до пятнадцати (эстонский) и более (ср. некоторые дагестанские и кавказские языки, в которых насчитывается до сорока падежей, а в табасаранском языке, входящем в группу лезгинских языков, представлено рекордное число падежей – 44).

Категория числа может выражаться по-разному: окончаниями (славянские языки), редупликацией (т.е. удвоением основы, армянский язык), внутренней флексией (английский, немецкий языки), ударением (русский), супплетивизмом (русский, французский), агглютинацией (языки агглютинативного типа) и другими средствами. Во многих языках мира категория числа построена на четком противопоставлении форм единственного и множественного числа, в некоторых языках (например, в словенском, литовском) имеет свое грамматическое выражение и форма двойственного числа, а в папуасских языках – форма тройственного числа.

Из других категорий имени существительного довольно широкое распространение получила категория определенности/неопределенности, которая может выражаться либо артиклем (французский, немецкий, греческий, арабский языки), либо аффиксом (болгарский, македонский, румынский, албанский языки). В русском языке этой категории нет, но значение определенности/неопределенности может передаваться или падежами (ср., например, *выпил воды* и *выпил воду*), или лексически с помощью местоимений *этот, тот, какой-то, некий* и др.

Категории рода, одушевленности/неодушевленности во многих языках мира не имеют семантических оснований для своего выде-

ления, поэтому в некоторых языках в процессе их исторического развития эти грамматические категории постепенно утратились (например, в английском, армянском, бенгальском) или находятся в стадии распада (например, в романских языках, где различается только два рода – мужской и женский) и отмирания (персидский, таджикский языки). При этом чаще всего объединяются в один род мужской и средний (как в романских, балтийских или в большинстве новоиндийских языков), реже в общем роде сливаются мужской и женский род (как в датском и шведском языках).

Имя существительное противостоит глаголу и по набору своих словообразовательных аффиксов, среди которых преобладают суффиксы (в глаголе же ведущее положение занимают префиксы).

С именем существительным тесно связано прилагательное. Эта связь сложилась исторически, когда в основе существительного и прилагательного лежало недифференцированное имя с предметно-качественным значением.

Имя прилагательное как часть речи объединяет в своем составе слова, обозначающие признак (свойство) предмета. Прилагательное всегда семантически связано с существительным. «Без существительного, явного или подразумеваемого, – говорил Л.В. Щерба, – нет прилагательного».¹ Грамматическая подчиненность прилагательного существительному проявляется в одних языках в его согласовании с существительным (в русском, например, в формах рода, числа, падежа), в других – в его синтаксической позиции в составе атрибутивной группы – перед существительным (например, в английском, кавказских, армянском, узбекском, китайском, памирских, кушитских языках) или после него (например, во французском, таджикском, семитских, некоторых индийских языках).

Первичные синтаксические функции прилагательного – функции атрибутивности и предикативности (т.е. функции определения и сказуемого, его именной части). Прилагательное может обозначать качества и свойства предмета как непосредственно воспринимаемый признак, вне его отношения к другим предметам (качественные прилагательные), так и как признак, обозначающий свойство предмета через его отношение к другому предмету (действию, обстоятельству, числу и т.д.) – относительные прилагательные. Это деление прилагательных на качественные и относительные является универсальным. Признак, обозначаемый некоторыми прилагате-

¹ Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 70.

льными, может меняться по шкале интенсивности, т.е. он может присутствовать в предмете в большей или меньшей степени (отсюда способность определенных разрядов прилагательных к образованию степеней сравнения), он может быть постоянным или временным свойством предмета (отсюда существование в прилагательных двух противопоставленных форм – полной и краткой, различающихся своими синтаксическими функциями: краткая форма обладает, как правило, лишь предикативной функцией и используется для обозначения временного признака предмета (ср. рус. *он болен*), полная – атрибутивной и предикативной (в этом случае она употребляется для обозначения постоянного признака, ср. рус. *он человек больной*). Выступая в функции сказуемого, прилагательное, в отличие от глагола, обозначает признак статический, не изменяющийся во времени.

Состав класса прилагательных в языках мира неоднороден. В русском языке, например, с точки зрения синтаксического критерия (в частности, способности прилагательного входить в атрибутивную группу) в разряд прилагательных включают местоименные прилагательные (типа *всякий, каждый, иной, любой*), порядковые числительные (типа *первый, второй, десятый* и т.д.). Во многих языках мира прилагательные не выделяются в самостоятельную часть речи, обладающую своими специфическими морфологическими или синтаксическими свойствами (например, в китайском, вьетнамском, корейском языках прилагательные объединяются в одну часть речи с глаголом, образуя категорию предикатива; в языках Северной Америки и Африки прилагательные объединяются с наречиями, в тюркских языках – с существительными, а в некоторых индейских языках они вообще отсутствуют).

В языках, где прилагательные тяготеют к имени, они склоняются, и их флексии часто бывают сходны с флексиями существительных (ср. в русском языке субстантивный тип склонения притяжательных прилагательных); в языках, где прилагательные тяготеют к глаголам, они спрягаются, имеют особые формы спряжения.

В словообразовательном отношении прилагательные часто противостоят другим частям речи, обладая особым набором словообразовательных средств (ср. в русском языке суффиксы прилагательных *-н, -ск, -ов, -лив, -чив*, отсутствующие в других частях речи).

Глагол – это знаменательная часть речи, объединяющая в своем составе слова, обозначающие действие или состояние. Это грамматическое значение глагола выражается в языках мира по-раз-

ному. Основная синтаксическая функция глагола – это функция предикативности (сказуемости), и в этой функции он противопоставлен существительному. В соответствии с этой функцией глагол в большинстве языков флективного и агглютинативного типа обладает особыми грамматическими категориями (времени, вида, наклонения, залога), во многих аморфных языках (где глагол объединяется в одну категорию с именем) он характеризуется специфическими согласовательными категориями и имеет бедный состав форм.

Глагол обозначает действие (состояние) через отношение к лицу или субъекту действия (исключение составляют лишь инфинитив и безличные глаголы). Отсюда логически оправданным является наличие у него категории лица (хотя известны языки, в которых глагол не имеет форм лица ни в одном из наклонений, кроме повелительного, ср. монгольский, китайский, вьетнамский, датский, шведский и др.). В некоторых языках категория лица глагола осложняется дополнительными социальными моментами, как, например, во французском и русском языках, где формы 2 л. мн.ч. используются как формы вежливости, а в корейском языке рядом с категорией лица (которая грамматически практически не выражена) развилась даже грамматическая категория социальной ориентации, позволяющая пятью различными глагольными «формами вежливости» передавать отношение говорящего к различным лицам (к ребенку, родственнику, другу, незнакомцу, к старшему и т.д.).

Кроме отношения к действующему лицу, глаголом может быть выражено и отношение к объекту действия, с чем связано такое его свойство, как переходность. В некоторых языках (например, картвельских, абхазско-адыгейских) лицо объекта имеет самостоятельное выражение, отличное от лица субъекта.

Действие, обозначенное глаголом, протекает во времени, отсюда логически следует наличие у него категории времени. Эта категория локализует действие во времени (чаще всего через отношение к моменту речи). Она выражается в противопоставлении трех временных форм, указывающих на одновременность, следование или предшествование моменту речи (настоящее, будущее, прошедшее время), хотя существуют языки, в которых категория времени является двучленной, выражающей противопоставление «реального времени» «гипотетическому». Причем каждое из этих времен может пониматься по-разному: в языке йоруба (распространенному в Нигерии) «реальное время» соответствует и-е настоящему и прошедшему, а «гипотетическое» – будущему, в др.-англ. языке «реальное время»

соответствовало настоящему и будущему, тогда как «гипотетическое» — прошедшему. Во многих и не языках существуют специальные «относительные времена», характеризующие действие через отношение к какой-либо иной точке отсчета, которая в свою очередь локализуется относительно момента речи (это плюсквамперфект и перфект в латинском, немецком и романских языках; типовая схема романского глагола содержит 16 временных форм, которые по-разному распределяются по четырем наклонениям: изъявительному, условному, сослагательному и повелительному). Средства и способы выражения категории времени разнообразны, даже в одном языке могут использоваться различные способы (ср. в русском языке синтетический и аналитический способ передачи будущего времени).

Категория времени тесно связана с категориями вида и наклонения. В славянских языках, например, времена дифференцируются по виду: глаголы нес.в. имеют все три формы времени, глаголы сов.в. — только две: прошедшее и будущее; в сослагательном и повелительном наклонении противопоставление времен отсутствует. В некоторых языках время, вид и наклонение выступают в глаголе нерасчлененно (например, в арабском языке).

Действие, обозначенное глаголом, может по-разному относиться к реальности: оно может быть реально-существующим, предполагаемым или произведенным по требованию другого лица. Отсюда логически вытекает категория наклонения. В большинстве языков флективного типа, в частности, в славянских, различаются три наклонения — изъявительное, сослагательное и повелительное, каждое из которых имеет свои формы выражения. Однако в некоторых южнославянских языках выделяется еще и пересказывательное наклонение (комментатив), выражающее оттенок недоверия, сомнения. В агглютинативных языках количество наклонений может колебаться от 4 (ср. в караимском языке: изъявительное, повелительное, желательное-сослагательное и условное) до 10 (ср. в нахских языках: изъявительное, повелительное, безотлагательно-повелительное, желательное, просительно-желательное, категорически-повелительное, понудительное, сослагательное, потенциальное, неопределенное).

Действие, обозначенное глаголом, может достигать или не достигать внутреннего предела, отсюда наличие у глагола категории вида. В разных языках категория вида имеет не только разное формальное выражение (синтетическое и аналитическое), но и разное содержание. В славянских языках глаголы сов.в. выражают действие, достигшее своего предела, исчерпавшее себя с его достижением

(ср. рус. *свеча догорела*); глаголы нес.в. выражают действие, не достигшее своего предела, более того, не предусматривающее предела в своем протекании (ср. рус. *я говорю*). В английском, испанском и некоторых др. языках выделяется так называемый прогрессивный вид или континуатив, передающий действие в процессе его осуществления в конкретный момент времени, и общий вид или непрогрессив. Однако есть языки (ср. немецкий), которые не имеют категории вида: видовое значение достижение/недостижение предела передается в них соотношением глаголов-сказуемых, присутствующих в предложении, или же выражается другими средствами.

Глагол может обозначать действие, по-разному направленное на субъект и объект, в связи с чем в глаголе выделяется категория залога. В залоговой системе каждого языка содержатся как минимум две формы: морфологически исходная форма активного залога (действительного), когда субъект действия занимает позицию подлежащего и выступает (как, например, в русском языке) в им.п., а объект действия занимает позицию прямого дополнения (т.е. выступает в вин.п.), ср. рус. *рабочие строят дом*; и формы пассивного (страдательного) залога, когда субъект действия занимает позицию присказуемого дополнения и выступает (как в русском языке) в тв.п., а объект действия занимает позицию подлежащего и выступает в им.п. (ср. рус. *дом строится рабочими*). Эти формы являются центральными формами категории залога. Они присутствуют во многих языках мира, хотя некоторые языки имеют более разветвленную систему залоговых форм (в якутском языке, например, их насчитывается пять: активный, страдательный, возвратный, совместно-возвратный и побудительный залог).

В языках флективного типа с богатой морфологией существует и классификация глаголов по формально-грамматическим разрядам, определяющим типы их спряжения (ср., например, в русском языке глаголы первого и второго спряжения или в германских языках — сильного и слабого спряжения), а также по лексико-грамматическим разрядам, обозначающим способ глагольного действия (ср., например, способы глагольного действия в русском языке: начинательный — *запеть*, ограничительный — *постоять*, многократный — *хаживать*, окончательный — *отзвучать* и др.).

К словам-названиям в европейской грамматической традиции относят также наречия и числительные.

Наречие — это лексико-грамматический класс неизменяемых слов, обозначающих признак признака, действия или предмета (ср.

рус. *очень близкий человек, бежать быстро, яйца всмятку*). В предложении они выступают как обстоятельства, реже как определения. Предикативная функция наречию в основном не свойственна, лишь иногда они могут выступать в роли именной части составного именного сказуемого. К основным морфологическим признакам наречия относятся: отсутствие форм словоизменения (за исключением степени сравнения, свойственной только качественным наречиям), лексическая и словообразовательная соотнесенность со знаменательными словами, наличие особых словообразовательных аффиксов, используемых при образовании наречий, ср. рус. *-о (быстро), -ски (дружески), -ому (по-доброму)* и др.; лат. *-ter (fortis 'храбрый' и fortiter 'храбро')*; англ. *-ly (warm 'теплый' и warmly 'тепло')*; франц. *-ment (particulier 'особый' и particulièrement 'особенно')* и т.д.

По своему лексическому составу наречия делятся на два лексико-грамматических разряда – качественные и обстоятельственные. Качественные наречия передают различные виды общего значения качества, свойственности, интенсивности, степени качества (ср. рус. *весело, по-лиси, весьма, едва-едва* и др.). В тех языках, где качественные наречия отсутствуют, их роль берет на себя, как правило, прилагательное. Обстоятельственные наречия выражают обстоятельственные признаки, внешние по отношению к их носителю: места (ср. рус. *близко*), времени (ср. рус. *завтра*), причины (ср. рус. *сгоряча*), цели (ср. рус. *назло*).

Числительное – это лексико-грамматический класс слов, обозначающих число, количество, меру (ср. рус. *пять, дважды, много*). Специфической грамматической чертой числительных является их сочетаемость с существительными, обозначающими считаемые предметы: в одних случаях они управляют существительными (ср. рус. *три стола*), в других – согласуются с ними (ср. *многих студентов*). Другой особенностью числительных является их отношение к числу: передавая понятие числа, числительное обычно категорией числа не обладает (ср. как исключение в русском языке числительное *один ~ одни*). В академической грамматике современного русского языка к числительным относятся количественные числительные (передающие понятие числа в чистом виде, ср. *три, пять*) и собирательные (обозначающие совокупность однородных предметов, ср. *двое, трое*), порядковые же числительные рассматриваются как относительные прилагательные.

Являясь универсальной лингвистической категорией, числительные имеют разную организацию в языках мира. Различия наблюдаются не только в классификационных видах числительных, но и в грамматических свойствах (позволяющих рассматривать их в разряде существительных, прилагательных или наречий), в способности сочетаться с другими словами, например, в нивхском языке (коренного населения о. Сахалин) имеется двадцать шесть типов числительных, неодинаково сочетающихся с названиями предметов разных классов: живых, длинных, круглых, плавающих и т.д.

Частям речи, называющим предмет, признак, процесс, количество и т.д. (т.е. существительным, прилагательным, наречиям, числительным) противостоят местоимения, не имеющие собственного предметно-логического содержания.

Местоимения – это часть речи, объединяющая в своем составе слова, указывающие на предмет, признак или количество, но не называющие их. Являясь своего рода заместительными словами, местоимения образуют свою особую систему, параллельную системе существительных, прилагательных, числительных. Одни местоимения указывают на предметы (в грамматическом смысле слова), поэтому их называют местоименными существительными (ср. рус. *я, ты, мы, вы, он, себя, кто, что, никто, ничто, некто, нечто* и др.), другие указывают на признаки предмета, поэтому их называют местоименными прилагательными (ср. рус. *мой, твой, свой, наш, ваш, этот, такой, чей, всякий* и др.), третьи указывают на обобщенное количество, поэтому их называют местоименными числительными (ср. рус. *сколько, столько, несколько*). Вместе с тем местоимения имеют и некоторые свои, отличительно характеризующие их категории: 1) лицо ~ вещь (ср. *кто – что*); 2) далекое ~ близкое (ср. *то – это*), а также синтаксические особенности, связанные с их сочетаемостью (ср. невозможность сочетания притяжательных местоимений с глаголами или личных местоимений с прилагательными-определениями).

В некоторых языках функцию слов-заместителей могут выполнять также наречия (т.н. местоименные наречия) и глаголы (т.н. местоименные глаголы). Местоименные наречия указывают на обобщенно-обстоятельственное значение (ср. рус. *где, куда, здесь, там* и др.), заместительной функцией обладают наречия, генетически связанные с местоимениями. Местоименные глаголы указывают на обобщенно-процессуальное значение (ср. монг. *ингэх тэгэх* 'делать так'). Местоименные глаголы типологически более редкий

класс слов-заместителей, однако они встречаются в татарском, монгольском, ряде европейских языков, в частности во французском, английском языках (ср. англ. глагол *to do* при замещении им глагольной группы, с которой он связан анафорически, когда в значение одного выражения входит отсылка к другому).

Местоимения, таким образом, представляют собой особую часть речи, отличительным признаком которой является указательная и заместительная функция, поэтому в грамматиках разных языков местоимения часто распределяются по другим частям речи (см., например, академическую грамматику русского языка, в которой в состав местоимений включены только местоименные существительные, замещающие лицо или предмет (типа *я, ты, мы, вы, он (она, оно, они), себя* и др.), тогда как остальные рассматриваются в разряде прилагательных, числительных и наречий).

Служебные части речи образуют свою подсистему, степень развитости которой в разных языках неодинакова (особенно высока она в языках аналитического типа). Будучи семантически пустыми, служебные части речи нагружены функционально, участвуя в образовании различных аналитических форм (вспомогательные глаголы, предлоги, послеслоги, артикли, союзы, детерминативы, частицы, указатели степени и т.д.). Уступая знаменательным словам по численности, служебные части речи превосходят их, как правило, по частотности употребления.

ПЕРЕХОДНОСТЬ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Части речи любого языка образуют взаимосвязанную систему, что находит свое выражение в явлении переходности частей речи. Особенно часто это явление прослеживается между знаменательными и служебными частями речи, объем которых в значительной степени пополняется за счет знаменательных слов. В русском языке, например, многие служебные части речи, являясь по своему происхождению производными, до сих пор находятся в живых словообразовательных связях со знаменательными частями речи (ср., например, отнаречные предлоги: *вдоль, вокруг, мимо*; отыменные предлоги и союзы: *вследствие, насчет, путем, в то время как, с тех пор как*; отглагольные предлоги, союзы, частицы: *благодаря, включая, спустя, если, хотя, пускай, вишь, давай* и др.).

Явление переходности наблюдается и между знаменательными частями речи благодаря конверсии (или морфолого-синтаксическому способу словообразования). С фонетической точки зрения новое слово не образуется, однако в результате перехода его из одной части речи в другую слово приобретает новые структурно-грамматические свойства, теряя при этом ряд своих грамматических признаков, ср. существительное *летом* (средний род, творительный падеж единственного числа) → в наречие *летом*, в котором уже отсутствуют категория рода, числа, падежа и способность склоняться. В русском языке из прилагательных в существительные перешли, например, такие слова, как *передняя, столовая, рабочий*; из причастий в существительные – *учащиеся, трудящиеся, управляющий*; из существительных в наречия – *шагом, утром, кругом* и др. Конверсия распространена во многих языках мира, связывая отношения деривации различные части речи. Во французском языке, например, где формальные границы между именем и глаголом менее заметны, чем в русском, она чрезвычайно продуктивна при образовании как глаголов, так и имен (ср. *une bâche* 'брзент' → *il bâche* 'он накрывает брезентом' или *je marche* 'я иду' → *la marche* 'ходьба').

В каждом языке существуют также факты промежуточных переходных явлений, не укладывающихся в рамки той или иной части речи. В русском языке, например, особую промежуточную группу между знаменательными и служебными словами образуют так называемые модальные слова (< лат. *modus* 'мера, способ'), выражающие оценку высказывания, реальность достоверности факта (ср. *конечно, несомненно, безусловно*), вероятность сообщаемого, предположение, сомнение в его достоверности (ср. *вероятно, наверно, кажется*), оценку его желательности или нежелательности с точки зрения говорящего (*к сожалению, к счастью*) и др.

СВОЕОБРАЗИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Распределение слов по частям речи в каждом языке подчиняется своим семантическим, грамматическим и синтаксическим закономерностям. Вследствие этого в структуре той или иной части речи, а также в самом их наборе проявляется своеобразие языков. В русском языке, например, среди знаменательных частей речи выделяются существительное, прилагательное, глагол, наречие, местоимение, числительное, в китайском – имя, предикатив (т.е. глагол и

прилагательное) и наречие, в ряде языков Северной Америки и Африки наречия и прилагательные объединяются в рамках одной части речи и т.д.

Различия прослеживаются и в наборе грамматических категорий общих частей речи. Так, если обратиться к существительному, то в болгарском языке, например, имя существительное имеет категорию определенности /неопределенности, которой нет у существительных в русском языке, в то же время здесь нет категории падежа; в английском, армянском, грузинском, корейском, узбекском, таджикском, бенгальском языках существительное, обладая общим значением предметности, не имеет категории рода; в скандинавских языках существительные имеют только два рода – общий и средний; в финно-угорских языках существительное обладает категорией притяжательности, с помощью которой выражается принадлежность кому-либо или обладание чем-либо (для чего используются особые суффиксы, включающиеся в основу слова перед падежным окончанием), а также разветвленной системой падежных форм (в венгерском языке, например, их насчитывается двадцать), кроме того, существительное здесь может изменяться по степеням, при том что категория рода у него отсутствует; сходная ситуация наблюдается в некоторых тюркских языках (например, в башкирском): имя существительное, обозначая предмет, лишено категории рода, но обладает категорией притяжательности; категорию притяжательности имеют также существительные в енисейских и дравидских языках и т.д.

Своеобразие прослеживается и в организации такой части речи как глагол: в болгарском языке, например, глагол имеет более развитую систему временных форм, чем в русском, особенно это относится к прошедшему и будущему времени (ср., например, такие формы прошедшего времени, как аорист «прошедшее совершенное», имперфект «прошедшее неопределенное», плюсквамперфект «прошедшее предварительное» или будущего: «будущее предварительное», «будущее в прошедшем» и т.д.). Еще сложнее ситуация в английском языке, где представлено двадцать шесть временных форм английского глагола, которые могут передавать отношение действия, обозначенного глаголом, не только к моменту речи, но и разграничивать определенность/неопределенность действия, законченность/незаконченность, длительность/мгновенность и т.д.; в тюркских языках глагол, кроме действительного и страдательного залога, известного во всех славянских языках, обладает также возврат-

ным, взаимным, понудительным залогами, каждый из которых (кроме действительного) имеет свои формообразующие аффиксы; кроме того, помимо изъявительного и повелительного наклонений, в тюркском глаголе выделяются желательное и условное, имеющие свое формальное выражение; в абхазско-адыгейских языках глагол обладает такими редкими морфологическими категориями, как категория союзности (с помощью которой выражается идея совершения действия с кем-либо), понудительности (каузатива), версии (передающей отношение действия к его субъекту или косвенному объекту); в лезгинском языке глагол имеет категорию времени и наклонения, но не изменяется по лицам и числам.

Таким образом, морфологическая система любого языка, наряду с универсальными элементами, имеет и свои собственные, которые формируют его своеобразие и индивидуальность.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Предложение – одна из основных грамматических категорий синтаксиса. Как единица коммуникативно-предикативная оно противопоставлено слову и словосочетанию по форме, значению и функциям. В теории языкознания не существует единого определения предложения (в науке известно около тысячи разных определений), что свидетельствует о том, что предложение (как и слово) относится к сложнейшим языковым понятиям, которые могут быть охарактеризованы с различных точек зрения. Предложение (в самом широком смысле слова) – это минимальная коммуникативная единица языка и речи. Языку предложение принадлежит как грамматически организованная модель соединения слов (или слово), как структурный тип, а речи – как речевое образование, высказывание, обладающее смысловой и интонационной законченностью. Будучи единицей общения, предложение является единицей формирования и выражения мысли, в чем проявляется единство языка и мышления.

Изучение природы предложения, его формы, значений и функций имеет давние традиции и характеризуется разными подходами. Только в отечественном языкознании можно выделить несколько направлений:

1) логическое. Представители этого направления (Ф.И. Буслав, Н.И. Греч) определяли предложение как «суждение», выраженное словами, поскольку в нем воспроизводятся логические катего-

рии и отношения. Однако предложение, хотя и соотносительно с логическим суждением, но в целом не тождественно ему, так как не всякое предложение выражает суждение (ср., например, вопросительные или побудительные предложения, которые не выражают суждений, хотя и строятся по определенной структурной модели);

2) психологическое. Странники этого направления (А.А. Потебня, Д.Н. Овсянко-Куликовский) рассматривали предложение как «психологическое суждение». Психологической основой предложения является соединение двух представлений в особом акте мышления, называемом психологической коммуникацией. Существенным признаком предложения считалось присутствие глагола в личной форме. На логико-психологической основе строил теорию предложения и акад. А.А. Шахматов, утверждавший, что предложение – это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое, которое служит для словесного выражения единицы мышления;

3) формально-грамматическое. Представители этого направления (основоположником которого явился Ф.Ф. Фортунатов) в своем определении предложения исходили из формальных признаков: интонации, наличия определенных типов форм подлежащего и сказуемого и др. Опираясь на теорию формальных классов, Ф.Ф. Фортунатов определял предложение как «вид словосочетания», включающего в себя грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое. Однако формальные признаки предложения даже в одном языке могут быть разными (в зависимости от функциональной и содержательной стороны предложения), поэтому и этот критерий не является универсальным для общего определения предложения;

4) структурно-семантическое. Основоположником этого направления, получившего наибольшее признание в отечественном языкознании, был акад. В.В. Виноградов. Развивая идеи своего учителя акад. А.А. Шахматова, он определял предложение как грамматически оформленную по законам данного языка целостную единицу речи, являющуюся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. Дифференциальными признаками этой единицы являются предикативность (под которой понимается значение отнесенности содержания предложения к действительности) и интонация сообщения.

В современной синтаксической науке прочно утвердилась тенденция к разграничению предложения как единицы языка и как

единицы речи. Предложение как единица языка представляет собой структурный тип или модель (например, подлежащее + сказуемое + дополнение или сказуемое + обстоятельство и т.д.). Предложение как единица речи – это высказывание, т.е. это лексическое наполнение данной структурной модели. Как единица языка предложение воспроизводимо (как воспроизводима любая структурная модель), как единица речи оно не может быть воспроизведено в той же форме для выражения нового значения, т.е. высказывание – это один из речевых вариантов предложения, его реализация, поскольку в речи предложение функционирует в форме высказывания. И в этом заключается одна из особенностей предложения, отличающая его от «нижестоящих» языковых единиц.

Будучи единицей речи, предложение обладает коммуникативной функцией, и в этом смысле предложение можно определить как наименьшую коммуникативную единицу языка. Оно является единицей сообщаемой и используется как средство общения людей. Как коммуникативная единица предложение обладает особой интонацией, так называемой интонацией сообщения, которая является как бы внешним проявлением коммуникативности предложения.

Грамматическая природа предложения реализуется в синтаксических категориях модальности и предикативности. Модальность позволяет передать отношение говорящего к высказываемому, его оценку сообщаемого с точки зрения соотношения с объективной действительностью: реальное оно или нереальное, возможное или невозможное, необходимое или вероятное, желательное или нежелательное и т.д. Модальность выражается грамматическими и лексическими средствами: формами наклонений, модальными словами, частицами, а также интонацией.

Категория предикативности позволяет говорящему выразить с помощью языковых средств отношение содержания высказывания к действительности. Такими языковыми средствами являются грамматическая категория времени (действия, явления, состояния, названные в предложении, протекают во времени, т.е. соотносятся с моментом речи), категория лица (действие соотносится с субъектом или объектом действия, т.е. с одним из трех лиц), категория модальности.

Коммуникативность, предикативность и модальность отличают предложение от единицы более низкого уровня – словосочетания.

Словосочетание – это синтаксическая конструкция, образуемая соединением двух или более знаменательных слов на основе

подчинительной грамматической связи (согласования, управления, примыкания). Между словосочетанием и предложением существуют глубокие внутренние различия, связанные с их формальной организацией, с характером их грамматических значений и синтаксических функций. Словосочетание является средством номинации, в отличие от предложения – средства коммуникации. Оно обозначает предмет, явление, процесс, качество, названные стержневым словом и уточняемые, конкретизируемые зависимым компонентом (ср. *синее море, любить весну, очень далеко*). Грамматическое значение словосочетания создается отношением, которое возникает между знаменательными словами, соединяющимися на основе того или иного вида подчинительной связи (согласования, управления и примыкания). Словосочетание лишено основных признаков предложения – коммуникативности, модальности, предикативности, оно не имеет соответственно ни категории времени, ни категории лица, ни интонации сообщения, поэтому словосочетания являются лишь строительным материалом предложения.

В структуре словосочетания выделяется главное и зависимое слово. Главное слово – это слово, которое своими внутренними свойствами предопределяет связь и намечает схему построения словосочетания (например, глагол *читать* в русском языке требует винительного падежа без предлога: *газету, книгу, письмо*). Зависимое слово – это слово (или словоформа), которое реализует эту связь. В зависимости от частеречной принадлежности главного слова словосочетания могут быть глагольными (ср. *копать лопатой*), именными (ср. *платье в горошек*) и наречными (ср. *очень быстро*).

Главное и зависимое слово в словосочетании связаны между собой подчинительной связью. В русском и во многих других языках различают следующие виды синтаксической связи слов в словосочетании: согласование, управление и примыкание.

Согласование – это такой вид подчинительной связи, при которой зависимое слово уподобляется главному в общих у них грамматических формах (рода, числа, падежа), ср. *нового платья*: зависимое слово *нового* уподобляется главному, повторяя те же грамматические формы, в которых выступает главное, т.е. единственное число, родительный падеж, средний род. Согласование широко представлено в языках с развитой системой флексий для выражения атрибутивных отношений.

Управление – это такой вид подчинительной связи, при которой главное слово требует употребления зависимого в определен-

ном падеже с предлогом или без предлога, ср. *гордиться отцом*: главное слово *гордиться* для реализации своего значения требует употребления зависимого слова в тв. п. без предлога. В индоевропейских языках главное слово (чаще всего глагол) управляет предложной или беспредложной словоформой имени (существительного или местоимения) в определенном косвенном падеже.

Примыкание – это такой вид подчинительной связи, при которой зависимое слово, не имея форм словоизменения, примыкает к главному (зависимость примыкающего слова выражается не изменемостью его формы, а лишь местоположением и грамматической функцией), ср. *спускаться вниз*. Примыкание особенно характерно для языков аналитического типа (в частности, тюркских, английского, вьетнамского и др.).

В некоторых языках существуют и другие виды синтаксической связи слов в рамках словосочетания, например, в иранских и тюркских языках выделяется такой тип атрибутивных конструкций, как изафет: определение здесь находится после определяемого слова и выражается либо энклитикой, присоединяемой к определяемому слову (как, например, в иранских языках), либо существительным (как в тюркских), ср.: в таджикском языке *китоб* ‘книга’ + показатель связи *и* (который восходит к местоимению *который*) + прилагательное *хуб* ‘хорошая’ – *китоб-и хуб* ‘хорошая книга’. В агглютинативных языках существует и такой вид синтаксической связи в рамках словосочетания, как инкорпорирование: компоненты соединяются в единое целое без каких-либо формальных показателей, ср.: в чукотском языке атрибутивные отношения в словосочетании «жирный олень» передаются инкорпорацией *ата- каа* (где *каа* ‘олень’, *ата* ‘жирный’) в остов слова-предложения (поскольку предложение строится как сложное слово): *ты-нмы-ркын* дословно: ‘я убив делаю’, т.е. *ты-ата-каа-нмы-ркын* ‘я жирных оленей убиваю’.

Особый вид связи существует между подлежащим и сказуемым. Это сочетание не является словосочетанием в терминологическом значении слова, предполагающем наличие главного и зависимого компонента. Между этими членами предложения существуют предикативные отношения, возникающие только в предложении. В отличие от других словосочетаний, это сочетание содержит сообщение (утверждение или отрицание) и обладает смысловой законченностью, поэтому оно является не словосочетанием, а лишь сочетанием слов, связанных между собой особым видом синтаксической связи координацией (т.е. приспособлением форм друг к другу),

построенной на основе принципа равноправия. Существуют, однако, и другие точки зрения, согласно которым связь между подлежащим и сказуемым рассматривается как подчинительная, при этом одни ученые полагают, что главным (независимым) словом в этой связи является подлежащее (Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский), поскольку во многих языках сказуемое согласуется с подлежащим, демонстрируя тем самым свою зависимость от него; а другие считают главенствующим членом сказуемое (Л. Теньер, А.А. Холодович), поскольку именно оно «задает» структурную схему предложения.

Не является словосочетанием (в терминологическом значении) и группа однородных членов, связанных между собой сочинительной связью (*ручка и тетрадь, синий и зеленый*): в этом виде связи нет «грамматического господства» одного слова над другим, оба слова равноправны, что выражается в том, что ни один из членов этого сочетания не может рассматриваться как слово, обозначающее признак другого, в связи с чем оно не допускает грамматического вопроса к другому члену сочетания, т.е. оба члена сочетания сохраняют формальную независимость друг от друга.

В современной лингвистике существует и другая точка зрения (которая восходит к Ф.Ф. Фортунатову, А.А. Шахматову, А.М. Пешковскому, М.Н. Петерсону и др.), согласно которой словосочетание определяется как любое соединение двух или более знаменательных слов, характеризуемое наличием между ними формально выраженной смысловой связи, т.е. самым главным для словосочетания при таком подходе оказывается его грамматическая организованность, оформленность. Однако в этом случае встает проблема отграничения словосочетания от фразеологизма, сложного или составного слова, а также предложения, которое можно рассматривать как сложно организованное словосочетание.

Сочинительная и подчинительная связь известны во многих языках мира, хотя в некоторых языках эти два вида синтаксической связи четко не дифференцированы. Даже в русском языке, где эта связь имеет ярко выраженный характер, наблюдаются случаи отсутствия резкой границы между сочинением и подчинением, особенно в сложных предложениях, вследствие чего наряду со сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями, возникают предложения, совмещающие в себе признаки тех и других, ср., например, сложные предложения с сопоставительными союзами *если ... то, тогда как, между тем как* и др.

Теория словосочетания разрабатывается в основном в отечественной лингвистике (см. работы В.В. Виноградова и его последователей Н.Н. Прокоповича, Н.Ю. Шведовой и др.). В зарубежной лингвистике понятие словосочетания не получило широкого распространения, ему соответствуют чаще всего термины синтагма и фраза.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ОСНОВНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ И СТРУКТУРНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Центральной грамматической единицей синтаксиса является простое предложение как элементарная единица, используемая для передачи относительно законченной информации, а также для построения сложного предложения или любого развернутого текста. Простое предложение обладает своими грамматическими признаками: будучи образовано по определенному грамматическому образцу, оно имеет значение предикативности, обладает семантической структурой, формальными характеристиками, коммуникативной установкой и интонационной оформленностью. Вместе с тем последние исследования синтаксистов показали, что эта синтаксическая единица тесно связана со словом: почти на все грамматические образцы предложения накладываются лексические ограничения, что особенно ярко проявляется в языках так называемого эргативного (< др.греч. *ergatês* 'деятель') строя (большинство кавказских, баскский, многие австралийские и чукотские языки), для синтаксиса которых характерно особое оформление предикативных конструкций, которое зависит от класса глагола (в частности, его семантики, а также переходности/непереходности).

В зависимости от коммуникативной цели сообщения простые предложения подразделяются на несколько коммуникативных типов – повествовательные, вопросительные и побудительные, каждый из которых имеет более дробную градацию. Наличие особой эмоциональной окрашенности предложений позволяет выделить восклицательные предложения.

По характеру выражаемого в предложении отношения к действительности все простые предложения делятся на утвердительные (в которых содержание предложения утверждается как реальное) и отрицательные (в которых содержание предложения утверждается как нереальное).

По наличию/отсутствию в простом предложении второстепенных членов оно может быть распространенным и нераспространенным.

Каждое простое предложение имеет свою структурную схему, т.е. элементарный образец (модель), по которому оно строится. В языках мира существуют различия в структурных схемах простого предложения: и-е языкам, например, свойственны в основном двухкомпонентные структурные схемы, состоящие из сказуемого (т.е. глагола в личной форме или формы другого слова в той же функции) и подлежащего (т.е. формы именительного падежа имени или инфинитива), хотя имеются и однокомпонентные структурные схемы, содержащие только один из главных членов. Различия наблюдаются и в порядке следования этих членов: например, в русском, иврите, латинском, греческом языках он свободный, однако имеются языки (ср. германские и романские), где он фиксированный: в английском языке, например, на первом месте стоит подлежащее, на втором – сказуемое, на третьем – дополнение, на четвертом – обстоятельство. В языках, где слабо развито склонение, твердый порядок слов является основным способом определения функции имени в предложении (ср. франц. *Le lion a tué le chasseur* 'лев убил охотника', если же переставить местами слова *le lion* 'лев' и *le chasseur* 'охотник', то смысл предложения изменится на 'охотник убил льва'). Такая же ситуация наблюдается в тюркских, корейском, папуасских языках, где существует схема «подлежащее – дополнение – сказуемое», а в некоторых алтайских и индоарийских языках второстепенные члены всегда предшествуют главным, сказуемое же находится в конце предложения.

В зависимости от структурно-семантической схемы простого предложения, наличия в нем одного или двух организующих центров во всех и-е языках различаются двухкомпонентные структурные схемы и однокомпонентные или двусоставные и односоставные предложения (последние имеют свою градацию в зависимости от частеречной принадлежности главного члена предложения, ср. глагольные и субстантивные предложения), которые подразделяются на несколько типов (ср. в рус. яз. определено-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные, номинативные). В большинстве языков мира в структурной схеме предложения присутствует глагол, однако есть языки (например, семитские), в которых широко представлена безглагольная предикация, т.е. для них характерны предложения номинативного типа.

В зависимости от реализации структурно-семантической модели простого предложения, наличия/отсутствия в нем структурно необходимых членов простые предложения делятся на полные (имеющие все структурно необходимые члены) и неполные (с отсутствующими структурно необходимыми членами, на существование которых указывает контекст).

Одним из главных признаков предложения является предикация, поэтому количество предикативных центров предложения оказывается определяющим фактором для разделения предложений по сложности, т.к. в речи простые предложения организуются в сложные. Сложное предложение – это объединение по определенным грамматическим правилам двух или более простых предложений на основе того или иного вида грамматической связи. Связь частей сложного предложения осуществляется при помощи интонации, союзов (сочинительных и подчинительных), союзных слов, особого соотношения глагольных форм, часто при поддержке лексического состава частей сложного предложения (т.е. одно из предложений имеет в своем составе слова, нуждающиеся в распространении другим предложением). Части сложного предложения, являясь по форме предложениями, не имеют самостоятельного коммуникативного значения и интонационной законченности. Будучи грамматическим аналогом простого предложения, в изолированном употреблении они не в состоянии передать общий смысл сложного предложения. Поэтому части сложного предложения составляют одно единое целое. Эта структурная и смысловая целостность сложного предложения отличает его от рядов простых самостоятельных предложений.

В зависимости от того, какие средства связи используются при объединении двух или более простых предложений в составе сложного, различают союзные (где основными средствами связи являются союзы, союзные слова и интонация) и бессоюзные предложения (где таким средством связи является прежде всего интонация). По характеру союзов и формальной зависимости/независимости частей сложного предложения, а также степени тесноты их структурной и смысловой связи, все союзные предложения подразделяются на сложносочиненные (с формально независимыми друг от друга частями, связанными сочинительными союзами) и сложноподчиненные (с формально зависимыми и тесно связанными компонентами – главной и придаточной частью, соединенными подчинительными союзами и союзными словами). Дальнейшая градация сложных союзных предложений определяется характером

формального выражения семантико-синтаксической связи частей сложного предложения (ср. в рамках сложносочиненных предложений такие типологически универсальные виды сочинительных отношений, как соединительные, противительные и разделительные или в рамках сложноподчиненных – определительные, изъяснительные, временные, причинные, следственные и др.).

Сложное предложение так же, как и простое, имеет свою структурную схему построения, и если в одних языках эта схема жесткая, допускающая постановку придаточного предложения в любую позицию, а также перестановку главного и придаточного предложений (как, например, в русском), то в других языках она довольно жесткая, предопределяющая строгий порядок следования его частей (как, например, в семитских языках, где главное предложение всегда находится перед придаточным, или в кушитских, где, наоборот, придаточное предложение предшествует главному). Существуют, однако, языки (например, тюркские, дравидские), для синтаксиса которых характерно отсутствие придаточных предложений, а различные подчинительные отношения передаются с помощью причастных и деепричастных конструкций или инфинитивных оборотов; сходная ситуация наблюдается и в абхазско-адыгейских языках, где в функции придаточных предложений выступают обстоятельственные инфинитивные формы глагола.

Каждое предложение имеет не только формальное членение, но и смысловое, поскольку коммуникативная нагрузка предложения между его членами может распределяться по-разному. С распределением этой функциональной нагрузки связано актуальное членение предложения, т.е. смысловое членение предложения на исходную часть сообщения – тему (или данное) и на то, что утверждается о ней – реме (или новое). Само слово «актуальное» указывает на то, что это членение имеет место лишь в момент общения, в актуальной речи. При этом в речи любой член предложения в зависимости от ситуации или контекста может выступать как тема или рема (ср. *Цветы* (тема) *на окне* (рема) при ответе на вопрос: «*Где цветы?*» или *На окне* (тема) *цветы* (рема) при ответе на вопрос «*Что на окне?*»). Основным средством актуального членения предложения в устной речи является порядок слов (тема обычно помещается в начале фразы, а рема – в конце), интонация (на теме она повышается, на реме – понижается) и паузация. Компоненты актуального членения могут распознаваться, таким образом, по их позиции в фразе. При изменении этого порядка происходит изменение фразового

ударения: оно в усиленной форме падает на рему (ср. *Петя Иванов* (тема) *не любил учиться* (рема) и *Не любил учиться* (рема) *Петя Иванов* (тема), т.е. одно и то же по лексическому составу, грамматическому значению и синтаксической структуре предложение может получать в речи разное актуальное членение. Исключение составляют некоторые односоставные предложения, которые не поддаются актуальному членению (ср. *Поздняя осень*). Порядок слов, однако, является не только показателем актуального членения, но и сам в определенной степени зависит от него (если, например, темой является обстоятельство, то сказуемое предшествует подлежащему, ср. *Сквозь волнистые туманы* (тема) *пробивается луна* (рема).

ЧАСТИ РЕЧИ И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Члены предложения – это структурно-семантические компоненты предложения (словоформы или словосочетания), которые различаются по своей функции и выделяются по целому комплексу формальных и смысловых признаков (функция создания предикативного центра предложения, характер формальных связей и синтаксических отношений, способ языкового выражения и др.). Каждое предложение состоит из структурирующих его членов предложения, которые связаны между собой определенными грамматическими и логическими отношениями. Теория членов предложения возникла в процессе изучения простого предложения, членения его на функциональные элементы. Сам термин «члены предложения» появился вследствие того, что было обнаружено отсутствие в языке однозначного соответствия между грамматическими классами слов и их ролью (выполняемыми ими функциями) в предложении.

Попытки построить классификацию членов предложения в соответствии с частями речи восходят к античной грамматической традиции, когда было замечено, что между частями речи и членами предложения прослеживается некоторое соответствие: каждая часть речи в своей первичной функции выступает в роли определенного члена предложения, и, наоборот, каждый член предложения имеет свой характерный способ члестеречного выражения. В отечественном языкознании этот подход к изучению членов предложения получил свою реализацию в работах А.А. Потебни, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.М. Пешковского (ср. предлагаемые А.М. Пешковским термины «согласуемое прилагательное» вместо определение или

«управляемое существительное» вместо дополнение, «примыкающее наречие» вместо обстоятельство). В современном языкознании также существовало мнение, что части речи – это морфологизированные члены предложения (см., например, работы акад. И.И. Мещанинова). Система членов предложения долгое время лежала в основе характеристики типов придаточных предложений в составе сложноподчиненного предложения (ср. придаточное подлежащее, придаточное дополнительное, придаточное обстоятельственное и сохраняющееся до сих пор придаточное определительное).

В синтаксической науке принято различать главные члены предложения (подлежащее и сказуемое) и второстепенные (определение, дополнение, обстоятельство), роль и функция которых в построении предложения и отражении в нем элементов действительности различна. Главные члены предложения являются центром структуры предложения, его ядром, поскольку именно они организуют минимальную основу предложения. Они определяют формально грамматическую организацию предложения, выражают его грамматические значения (модальность, время, лицо), выполняют логическую функцию. Второстепенные члены предложения являются распространителями остальных его членов (главных и второстепенных) или всего предложения в целом, когда потребности общения заставляют уточнять, конкретизировать, «развертывать» компоненты предложения, поэтому их функция в предложении – семантическая. При этом второстепенные члены предложения информативно могут быть существеннее главных (ср. *Воды прибывает* или *Быть грозе*).

Члены предложения выделяются, как правило, по двум основным критериям – логическому (или смысловому) и формальному (или грамматическому), хотя учитываются и другие признаки, например, коммуникативная функция предложения, позволяющая определить в нем тему и рему сообщения.

Подлежащее (калька лат. *subjectum* ‘субъект’) – это главный член предложения, указывающий на «логический субъект» (в традиционной концепции) или шире – на объект, к которому относится сказуемое. Позицию подлежащего в и-е языках обычно занимает существительное в им.п., однако в этой позиции может употребляться любая субстантивированная, а в русском языке и несубстантивированная форма (ср. *курить – вредно*), фразеологизм и даже целое предложение (ср. «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» – *главный лозунг коммунистов*). Некоторые лингвисты не исключают

возможности выражения подлежащего другими падежными формами, например, при отрицании, ср. *Церкви в деревне не было*.

Сказуемое – это главный член предложения, указывающий на действие, состояние, свойство или качество в их отношении к субъекту или шире – к объекту, выраженному подлежащим, т.е. сказуемое выражает предикативный признак подлежащего. Формально сказуемое зависит от подлежащего (формы зависимости по языкам разные), однако именно сказуемое, передающее модальность и время, образует предикативный центр предложения. Позицию сказуемого обычно занимает глагол (однако в этой позиции может употребляться и имя, а также различные обстоятельственные обороты).

Подлежащее и сказуемое связаны между собой предикативными отношениями, именно они создают предикативный минимум предложения. В коммуникативном аспекте подлежащее в большинстве случаев выступает как грамматикализованная тема, а сказуемое – как грамматикализованная рема.

К второстепенным членам предложения относятся определение, дополнение и обстоятельство, различающиеся характером синтаксической связи и выполняемых ими в предложении функций.

Определение – это второстепенный член предложения, распространяющий и поясняющий любой член предложения с предметным значением и обозначающий признак, качество или свойство предмета. Оно связано с определяемым именем (или любой другой субстантивированной частью речи) атрибутивной связью по способу согласования (ср. *зеленая лампа*), реже – по способу управления (ср. *человек с ружьем*) или примыкания (ср. *рубашка навывпуск*). Морфологизированной формой определения является прилагательное. Определение, выраженное существительным и поясняющее существительное, называется приложением. В отличие от «классического» определения, характеризующегося подчинительной связью, приложение имеет особый вид связи с определяемым словом, построенной по принципу «взаимосогласования» (ср. *юноша-воин*).

Дополнение – это второстепенный член предложения, распространяющий и поясняющий любой член предложения со значением действия, предмета или признака и обозначающий объект в его отношении к действию, предмету или признаку. Основной вид синтаксической связи – управление (ср. *читать книгу, повышение производительности труда, довольный успехом*). Морфологизированной формой дополнения является существительное в косвенном падеже. Дополнение может быть прямым (выраженным формой ви-

нительного падежа без предлога) и косвенным. Прямое дополнение, коррелирующее с подлежащим, некоторые ученые относят к главным членам предложения.

Обстоятельство – это второстепенный член предложения, распространяющий и поясняющий члены предложения со значением действия или признака или предложение в целом и обозначающий, где, когда, при каких обстоятельствах совершается действие или указывающий на условие, причину, цель его осуществления, а также меру, степень и способ его проявления. Морфологизированной формой обстоятельства является наречие, основной вид синтаксической связи – примыкание (ср. *засидеться допоздна*).

В предложении, однако, значения второстепенных членов нередко могут совмещаться (например, обстоятельственные значения с определительными и дополнительными значениями или значения косвенного приименного дополнения со значением несогласованного определения, ср. *прогулка пешком, сад перед домом, дом с мезонином*), что приводит к возможности двойной интерпретации второстепенных членов предложения, выделению смешанных типов.

Синтаксическая нагрузка частей речи в функции членов предложения не одинакова. Особенно велика она у существительных, которые могут выступать в роли любого члена предложения, и значительно меньше у прилагательных и глаголов (личные формы глагола, например, могут выступать только в функции сказуемого).

Некоторые современные синтаксические теории порождающей грамматики исключают понятие членов предложения, заменяя его понятием дерева зависимостей, в котором отражается система синтаксического подчинения, реализуемая в предложении.

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА СИСТЕМ

Элементы языка существуют не изолированно, а в тесной связи и противопоставлении друг другу, т.е. в системе. Взаимосвязь элементов языка заключается в том, что изменение или выпадение одного элемента, как правило, отражается на других элементах языка (например, падение редуцированных в древнерусском языке вызвало перестройку всей его системы консонантизма, формирование категорий глухости/звонкости и твердости/мягкости).

Структурную сложность системы языка ученые осознавали давно (о системном характере языка говорил еще В. Гумбольдт: «В

языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого»). Однако глубокое теоретическое осмысление системности языка появилось позднее, в трудах швейцарского ученого Ф. де Соссюра. «Никто столь ясно, как Соссюр, не осознал и не описал системной организации языка», – писал Э. Бенвенист.¹ Язык, по Соссюру, – «система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности».² Поэтому каждый элемент языка должен изучаться с точки зрения его роли в системе языка (ср.: в рус.яз., утратившем двойственное число, мн.ч. стало обладать иным значением, нежели в словенском, где категория двойственного числа еще сохраняется).

В языкознании долгое время термины система и структура употреблялись как синонимы. Однако в последнее десятилетие наметилась тенденция к их разграничению. Под системой понимается внутренне организованная совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом (т.е. здесь учитываются следующие базовые понятия: «совокупность», «элемент» и «функция»), а под структурой – внутренняя организация этих элементов, сеть их отношений. Именно система определяет наличие и организацию языковых элементов, поскольку каждый элемент языка существует в силу его отношений к другим элементам, т.е. система является структурообразующим фактором, ибо нет системы без структурной соотнесенности элементов (образно говоря, структуру языка можно уподобить скелету человека, а систему – совокупности его органов). В этом смысле вполне правомерно говорить о структуре системы. В отечественном языкознании, а также в ряде зарубежных школ разграничение понятий системы и структуры языка часто опирается на характер отношений их элементов: элементы структуры связаны друг с другом синтагматическими отношениями (ср. принятое в лингвистике словоупотребление *структура слова, структура предложения* и т.д.), а элементы системы связаны парадигматическими отношениями (ср. *система надежд, система гласных* и т.д.).

Идея системности языка получила развитие в разных лингвистических школах. Большую роль в разработке учения о системности языка сыграла Пражская лингвистическая школа, в которой система языка характеризуется прежде всего как система функциональная, т.е. как система средств выражения, используемых для

¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 95.

² Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 120.

определенной цели. В Пражской лингвистической школе был выдвинут и тезис о языке как системе систем. Этот тезис получил в дальнейшем разную интерпретацию: согласно одной точке зрения, система языка представляет собой систему уровней языка, каждый из которых также является системой; согласно другой – система языка – это система функциональных стилей (подъязыков), каждый из которых тоже система.

Существенный вклад в развитие идеи системности языка внесло и отечественное языкознание, развивавшее учение о единицах языка, их системных связях и функциях, разграничении в языке статики и динамики и т.д.

Современные представления о системности языка связаны прежде всего с учением о его уровнях, их единицах и отношениях, т.к. языковая система, как и любая другая, имеет свою структуру, внутреннее строение которой определяется иерархией уровней. Уровни языка – это подсистемы (ярусы) общей языковой системы, каждая из которых обладает набором своих единиц и правил их функционирования. Традиционно выделяются следующие основные уровни языка: фонемный, лексический, морфологический и синтаксический. Некоторые ученые выделяют также морфонологический, словообразовательный и фразеологический уровни. Существуют, однако, и другие точки зрения на систему уровней языка: согласно одним из них, уровневая организация языка более сложная, она состоит из таких ярусов, как гипофонемный, фонемный, морфемный, лексемный, семемный и т.д.; согласно другим – более простая, состоящая всего из трех ярусов: фонетического, лексико-грамматического и семантического, а при рассмотрении языка с точки зрения «плана выражения» и «плана содержания» – только из двух ярусов: фонологического (план выражения) и семантического (план содержания).

Каждый из уровней языка обладает своими, качественно отличными единицами, имеющими разное назначение, строение, сочетаемость и место в системе языка: в соответствии с законом структурного соотношения уровней языка единица вышележащего уровня строится из единиц нижележащего уровня (ср. морфемы из фонем), а единица нижележащего уровня реализует свои функции в единицах вышележащего уровня (ср. морфемы в словах).

В большинстве языков мира выделяются следующие единицы языка: фонема, морфема, слово, словосочетание и предложение. Кроме этих основных единиц, в каждом из уровней (ярусов) выделяется ряд единиц, различающихся степенью абстракции, сложно-

сти, например, на фонетическом ярусе – фонетический слог, фонетическое слово, речевые такты, фонетические фразы и т.д. Звуковые единицы языка являются односторонними, незначимыми. Это кратчайшие единицы языка, получаемые в результате линейного членения речевого потока. Их функция состоит в формировании и различении звуковых оболочек двусторонних единиц. Все остальные единицы языковых ярусов являются двусторонними, значимыми: все они обладают планом выражения и планом содержания.

В структурной лингвистике классификация единиц языка основана на признаке делимости/неделимости, в связи с чем выделяются предельные (далее неделимые) единицы языка (например, фонема, морфема) и непредельные (например, группофонемы, аналитические формы слова, сложные предложения).

Конкретные представители одной и той же единицы языка находятся между собой в парадигматических и синтагматических отношениях. Парадигматические отношения – это отношения в инвентаре, они позволяют отличать одну единицу данного типа от всех других, поскольку одна и та же единица языка существует в виде множества вариантов (ср. фонема/аллофон; морфема/морф/алломорф и т.д.). Синтагматические отношения – это отношения сочетаемости, устанавливающиеся между однотипными единицами в речевой цепи (например, поток речи с фонетической точки зрения состоит из фонетических фраз, фонетические фразы – из речевых тактов, речевые такты – из фонетических слов, фонетические слова – из слогов, слоги – из звуков; последовательность слов в речевой цепи иллюстрирует их синтагматику, а объединение слов в различные группы – синонимические, антонимические, лексико-семантические – является примером парадигматических отношений).

В зависимости от своего назначения, функции в языковой системе единицы языка подразделяются на номинативные, коммуникативные и строевые. Номинативные единицы языка (слово, словосочетание) служат для обозначения предметов, понятий, представлений. Коммуникативные единицы языка (предложение) используются для сообщения о чем-либо, с помощью этих единиц происходит оформление и выражение мыслей, чувств, волеизъявлений, осуществляется общение людей. Строевые единицы языка (фонемы, морфемы) служат средством построения и оформления номинативных, а через них и коммуникативных единиц.

Единицы языка связаны между собой различными видами отношений, среди которых чаще всего встречаются парадигматические,

синтагматические и иерархические, причем отношения между единицами одного яруса языка и разных ярусов коренным образом отличаются друг от друга. В парадигматические и синтагматические отношения вступают единицы, принадлежащие к одному ярусу языка, например, фонемы образуют классы функционально тождественных звуков, морфемы – классы функционально тождественных морфов и т.д., т.е. это тип парадигматических вариантно-инвариантных отношений. В то же время в линейной последовательности фонемы сочетаются с фонемами, морфемы с морфами. В современной лингвистике синтагматические отношения сравниваются часто с логическими отношениями конъюнкции (отношения *и* ~ *и*), а парадигматические – с логическими отношениями дизъюнкции (отношения *или* ~ *или*). В иерархических отношениях (типа «состоит из» или «входит в») находятся единицы разных языковых уровней, ср. фонемы входят в звуковые оболочки морфем, морфемы – в слово, слово – в предложение и, наоборот, предложения состоят из слов, слова – из морфем, морфемы – из фонем и т.д.

Уровни языка не являются изолированными ярусами, напротив, они тесно связаны между собой и определяют устройство языковой системы (ср., например, связь всех уровней языка в такой единице, как слово: разными своими сторонами оно принадлежит одновременно фонемному, морфемному, лексическому и синтаксическому уровням). Иногда в одной звуковой форме могут совпадать единицы разных уровней. Классическим примером, иллюстрирующим это положение, стал пример А.А. Реформатского из латинского языка: два римлянина поспорили, кто скажет короче фразу; один сказал: «Ео гус» ‘я еду в деревню’, а другой ответил: «I» ‘поезжай’. В этом латинском *i* совпадают предложение, слово, морфема и фонема, т.е. оно включает в себя все уровни языка.

Языковая система – это постоянно эволюционирующая система, хотя разные ее уровни развиваются с неодинаковой скоростью (морфологический уровень языка, например, в целом оказывается более консервативным, чем лексический, который быстро реагирует на изменения в жизни общества), поэтому в языковой системе выделяется центр (морфология) и периферия (лексика).

Многоярусность системы языка способствует экономии языковых средств при выражении различных понятий. Всего несколько десятков фонем служат материалом для построения морфем (корней, аффиксов); морфемы, по-разному сочетаясь друг с другом, служат средством для образования номинативных единиц языка,

т.е. слов со всеми их грамматическими формами; слова, сочетаясь друг с другом, образуют разные типы предложений и т.д. Многоярусность языковой системы позволяет языку быть гибким средством выражения коммуникативных потребностей общества.

Контрольные вопросы

1. Основные единицы грамматического строя языка.
2. Чем отличается грамматическое значение слова от лексического?
3. Что такое морфема? Что такое нулевая морфема?
4. Типы значений корневых и аффиксальных морфем.
5. Классификация аффиксальных морфем.
6. Что такое форма слова? Синтетическая и аналитическая форма.
7. Чем отличается словообразование от формообразования?
8. Какие способы словообразования существуют в языках мира?
9. Как выражаются грамматические значения?
10. Что такое опрощение и переразложение?
11. Что такое предложение как единица языка и как единица речи?
12. Что такое словосочетание?
13. Типы синтаксической связи слов в словосочетании.
14. Что такое актуальное членение предложения, тема и рема?
15. Как соотносятся части речи и члены предложения?
16. Что такое система и структура языка?

Рекомендуемая литература

1. Вопросы теории частей речи. На материале различных языков. Л., 1968.
2. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1983, гл. 5–10.
3. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
4. Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение // Очерки по лингвистике. М., 1962.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1998, гл. IV.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967, гл. IV.
7. Реформатский А.А. Очерки по морфологии, фонологии, морфонологии. М., 1978.
8. Серебренников Б.А. Части речи // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
9. Современные зарубежные грамматические теории. М., 1985.
10. Солнцева В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
11. Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972.

Глава 9

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Современная номенклатура языков мира включает до пяти тысяч языков (точнее от 2500 до 5000: такой широкий диапазон в количественном выражении связан с тем, что различие между языками и диалектами одного языка очень условно).

Одни языки распространены в узком кругу говорящих (например, племенные языки Африки, Полинезии, «одноаульные» языки Дагестана), другие представляют народность (например, дунганский язык в Киргизии), или нацию (например, чешский, болгарский языки), третьи используются несколькими нациями (например, французский язык во Франции, Бельгии, Швейцарии), четвертые функционируют как международные языки (например, английский, французский, испанский, китайский, арабский, русский). Русский язык, кроме того, является и межнациональным языком, обслуживающим народы России.

Кроме живых, активно функционирующих языков, существуют мертвые (например, латинский, галльский или готский языки). Многие мертвые языки и даже целые языковые семьи сохранились лишь в названиях мест или в виде заимствований в других языках, иные же исчезли бесследно. Однако некоторые мертвые языки находят применение и сегодня (например, латинский язык – язык католической церкви, медицины, научной терминологии).

Общее языкознание располагает пока довольно приблизительными сведениями о современных языках мира. Наряду с хорошо изученными языками (история которых благодаря наличию письменных памятников и даже теоретических описаний известна на протяжении двадцати и тридцати веков, ср., например, языки Индии), существуют языки, сохранившиеся памятники которых остаются нерасшифрованными (например, иероглифический язык Крита). Нуждается в детальной разработке и классификация языков Америки, Африки, Океании, Новой Гвинеи, Юго-Восточной Азии.

Многие языки остаются до сих пор бесписьменными (например, языки Африки, Полинезии, Австралии), у некоторых письменная традиция появилась сравнительно недавно (ср., например, позднюю письменность албанского языка, первые памятники письменности которого датируются XV в. или латышского – XVI в.), что создает свои трудности в изучении этих языков.

Современное языкознание занимается не только изучением и описанием языков мира, но и их классификацией, определением места каждого языка среди языков мира. Классификация языков – это распределение языков мира по группам на основе определенных признаков, в соответствии с принципами, лежащими в основе исследования. Существуют различные классификации языков, среди которых основными являются генеалогическая (или генетическая), типологическая (первоначально известная как морфологическая) и географическая (или ареальная). Принципы классификации языков мира у них различны.

Генеалогическая классификация базируется на понятии языкового родства. Цель ее – определить место того или иного языка в кругу родственных языков, установить его генетические связи. Основным методом исследования является сравнительно-исторический, основной классификационной категорией – семья, ветвь, группа языков (русский язык, например, по этой классификации включается в семью славянских языков, выделяемых на основе общего их источника – праславянского языка; французский язык – в семью романских языков, восходящих к общему источнику – народной латыни).

Типологическая классификация базируется на понятии сходства (формального и/или семантического) и соответственно различия языков. Она основывается прежде всего на особенностях структуры языков, в частности, на признаках морфологического строения слова, способах соединения морфем, роли флексий и аффиксов в образовании грамматических форм слова и в передаче грамматического значения слова. Цель ее – сгруппировать языки в крупные классы на основе сходства их грамматической структуры, а точнее – принципов ее организации, определить место того или иного языка с учетом формальной организации его языкового строя. Основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный, основной классификационной категорией – тип, класс языков (русский язык, например, так же, как и другие индоевропейские языки, принадлежит к языкам флективного типа, поскольку флексия, тесно связанная с основой слова, составляет устойчивый и существенный признак морфологической структуры слова).

Географическая классификация связана с местом распространения (первоначального или позднего) того или иного языка (или диалекта). Цель ее – определить ареал языка (или диалекта) с учетом границ его языковых особенностей. Основным методом исследования является лингвогеографический, основной классификационной категорией – ареал или зона (ср. ареалы взаимодействия диа-

лектов или языков в рамках языкового союза). Ареальная классификация возможна и внутри одного языка применительно к его диалектам (ср. ареальную классификацию русских диалектов, согласно которой выделяются севернорусские и южнорусские диалекты, а также переходные среднерусские говоры).

Эти классификации различаются не только своими целями, но и степенью своей устойчивости: абсолютно устойчивой является генеалогическая классификация (поскольку каждый язык изначально принадлежит к той или иной семье, группе языков и не может изменить характер этой принадлежности); типологическая классификация всегда относительна и исторически изменчива (поскольку каждый язык постоянно развивается, меняется его структура и сами теоретические осмысления этой структуры); ареальная классификация обладает большей или меньшей устойчивостью в зависимости от признаков, положенных в ее основание.

Кроме этих трех основных типов классификаций, иногда выделяют функциональную (или социальную), а также культурно-историческую классификацию. Функциональная классификация исходит из сферы функционирования языка. Она базируется на изучении актов речи и типов языковой коммуникации. В соответствии с этой классификацией языки делятся на естественные, являющиеся средством общения (устные и письменные языки) и искусственные, т.е. не воспроизводящие форм естественных языков графические языки, применяющиеся в сфере науки и техники (ср., например, языки программирования, информационные языки, логические языки и др.). Культурно-историческая классификация рассматривает языки с точки зрения их отношения к истории культуры. В соответствии с этой классификацией, учитывающей историческую последовательность развития культуры, выделяются бесписьменные, письменные языки, литературные языки народности и нации, языки межнационального общения (см. главу «Язык и культура»).

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Типологическая классификация языков – это классификация, устанавливающая сходства и различия языков в их наиболее важных свойствах грамматического строя (не зависящих от их генетического родства) с целью определения типа языка, его места среди других языков мира. В типологической классификации языки объединяются на основе общих признаков, отражающих наиболее су-

ществленные черты языковой системы, т.е. система языка является той точкой отсчета, на которой строится типологическая классификация.

Самой известной из типологических классификаций является морфологическая классификация языков, оперирующая таким понятием, как способ соединения морфем, выражающих то или иное грамматическое значение. Согласно этой классификации, языки мира делятся на три основных типа:

1) изолирующие (или аморфные) языки: для них характерно отсутствие форм словоизменения и соответственно формообразующих аффиксов. Слово в них «равно корню», поэтому такие языки иногда называют корневыми языками. Связь между словами менее грамматична, но грамматически значим порядок слов и их семантика (например, китайское слово *хао* в различном положении в предложении может выступать в функции разных частей речи и иметь разные значения, ср. *хао жень* ‘хороший человек’, *жень хао* ‘человек любит меня’, *сию хао* ‘делать добро’, *хао дагвих* ‘очень дорогой’, т.е. оно может выступать в функции прилагательного, глагола, существительного, наречия, не являясь морфологически ни одной из этих частей речи). Слова, лишённые аффиксальных морфем, как бы изолированы друг от друга в составе высказывания, поэтому эти языки называют изолирующими (к ним относятся китайский, вьетнамский, языки Юго-Восточной Азии и др.). В синтаксической структуре предложения таких языков чрезвычайно важен порядок слов: подлежащее всегда стоит перед сказуемым, определение – перед определяемым словом, прямое дополнение – после глагола (ср. в китайском языке: *гао шань* ‘высокие горы’, но *шань гао* – ‘горы высоки’);

2) аффиксирующие языки, в грамматическом строе которых важную роль играют аффиксы. Связь между словами более грамматична, слова имеют аффиксы формообразования. Однако характер связи между аффиксом и корнем и характер передаваемого аффиксом значения в этих языках может быть разным. В связи с чем в аффиксирующих языках выделяют языки флективного и агглютинативного типа:

а) флективные языки (< лат. *flexio* ‘сгибание’, т.е. языки гибкого типа) – это языки, для которых характерна полифункциональность аффиксальных морфем (ср. в русском языке флексия *-а* может передавать в системе склонения существительных грамматические значения числа: ед.ч. *стена* и мн.ч. *города*; падежа: им.п.ед.ч. *страна*, род.п. *города*, вин.п. *вола* и рода: *супруг* – *супруга*); нали-

чие явления фузии, т.е. взаимопроникновения морфем, при котором проведение границы между корнем и аффиксом становится невозможным (ср. *мужик* + *-ск* → *мужицкий*); «внутренняя флексия», указывающая на грамматическую форму слова (ср. нем. *Bruder* 'брат' – *Brüder* 'братья'); большое число фонетически и семантически не мотивированных типов склонения и спряжения. К флективным языкам относятся все индоевропейские языки;

б) агглютинативные языки (< лат. *agglutinare* 'приклеивать', т.е. склеивающие) – это языки, являющиеся своеобразным антиподом флективных языков, т.к. в них нет внутренней флексии, нет фузии, поэтому в составе слов легко вычленяются морфемы, формативы передают по одному грамматическому значению, и в каждой части речи представлен лишь один тип словоизменения. Для агглютинативных языков характерна развитая система словоизменительной и словообразовательной аффиксации, при которой аффиксы характеризуются грамматической однозначностью: последовательно «приклеиваясь» к корню, они выражают одно грамматическое значение (например, в узбекском и грузинском языках число и падеж выражается двумя разными аффиксами, ср. дат.п. мн.ч. существительного 'девушка' в узбекском языке *киз-лар-га* 'девушкам', где аффикс *-лар-* передает значение множественного числа, а суффикс *-га* – значение дательного падежа, в русском же языке одна флексия *-ам* передает оба этих значения; то же и в грузинском языке: ср. словоформу 'домам' *сахлэбс*, где аффикс *-эб* – показатель множественного числа, а флексия *-с* – дательного падежа), поэтому в таких языках наблюдается единый тип склонения и спряжения. К агглютинативным языкам относятся финно-угорские, тюркские, тунгусо-маньчжурские, японский, корейский и др. языки;

3) инкорпорирующие (или полисинтетические) языки (< лат. *in* 'в', *corpus* род.п. от *corporis* 'тело', т.е. 'внедрение, включение чего-либо в тело', *incorporo* 'вставлять') – это языки, для которых характерна незавершенность морфологической структуры слова, позволяющая включение в один член предложения других его членов (например, в состав глагола-сказуемого может быть включено прямое дополнение). Слово «приобретает структуру» только в составе предложения, т.е. здесь наблюдается особое взаимоотношение слова и предложения: вне предложения нет слова в нашем понимании, предложения составляют основную единицу речи, в которую «включаются» слова (ср. чукотское слово-предложение *мыт-купрэ-гын-рит-ыр-кын* 'сети сохраняем', в которое инкорпорируется определение «новые» *тур*: *мыт-тур-купрэ-гын-рит-ыр-кын* 'новые

сети сохраняем'). В этих словах-предложениях содержится указание не только на действие, но и на объект и даже его признак. К инкорпорирующим языкам относятся языки индейцев Северной Америки, чукотско-камчатские и др.

Многие языки по шкале морфологической классификации совмещают в себе признаки разных типов языков, например, русский язык относится к языкам флективного типа, однако ему не чужда и агглютинация, ср. формы *чита-л*, *чита-л-а*, *чита-л-и*, в которых суффикс *-л* устойчиво передает значение прошедшего времени, а значение рода и числа выражается флексиями; или китайский язык, являющийся классическим образцом изолирующего языка, однако и в нем встречаются элементы агглютинации, особенно при образовании сложных слов, строящихся по определенным словообразовательным моделям. В связи с этим еще В. Гумбольдт указывал на отсутствие «чистых» представителей того или иного типа языка как идеальной классификационной модели.

Одним из существенных критериев типологической классификации языков, на который обратил внимание в свое время А. Шлейхер, является аналитичность и синтетичность грамматического строя языка. В зависимости от того, как передаются в языке грамматические значения и выражаются отношения, он выделял в каждом из типологических классов синтетические и аналитические подтипы. Синтетические языки – это языки, для структуры которых характерно объединение в пределах одного слова морфем разного типа – лексических, словообразовательных, словоизменительных, т.е. грамматическое значение, соединяясь с лексическим и словообразовательным, как бы синтезируется в пределах слова. В знаменательных словах этих языков имеются формальные показатели (флексии или формообразующие аффиксы), которые указывают на грамматическое значение слова (например, в русском языке значение лица может быть передано глагольным окончанием *-у*, *-ешь*, *-ет*, *-ем* и т.д., тогда как во французском – только местоимением, т.е. аналитически, ср. *je perds* 'я теряю', *tu perds* 'ты теряешь'). В языках синтетического типа преобладают синтетические формы, для них характерна большая длина слова (ср., например, глагольную форму узбекского языка *таништиролмадингиз* 'вы не смогли бы познакомить', в которой *тани-* 'знать', *-и-* – суффикс возвратности, *-тир-* – суффикс каузатива, т.е. глагола со значением 'заставить кого-то сделать что-то', *-ол-* – суффикс возможности, *-ма-* – суффикс отрицания, *-ди-* – суффикс прошедшего времени, *-нг-* – суффикс 2 лица, *-из-* – суффикс множественного числа). Одна-

ко в синтетических языках такие длинные слова встречаются довольно редко, в русском слове, например, среднее количество морфем = 2,4 единицы.

Аналитические языки — это языки, для структуры которых характерно раздельное выражение основного (лексического) и сопутствующих (словообразовательного и грамматического) значений слова, т.е. грамматическое и словообразовательное значения слова находятся за его пределами, отдельно от него. В этих языках в морфологической структуре знаменательных слов отсутствуют какие-либо показатели связи одного слова с другим, для этого используются служебные слова, сопровождающие знаменательное слово (предлоги, артикли), ср. во французском языке значение падежа передается специальными предлогами *du livre* род.п. «книги», *au livre* дат.п. «книге». Аналитизм этих языков проявляется в морфологической неизменяемости слова и в наличии сложных (аналитических) конструкций, включающих наряду со знаменательными словами служебные или другие полнозначные слова (ср. образование степеней сравнения во французском языке, где с этой целью используются наречия *plus* 'более' и *moins* 'менее': *long* 'длинный' — *plus long* 'более длинный' и в русском, где употребляются специальные аффиксы: *длинный* — *длиннее*), т.е. в аналитических языках грамматическое или словообразовательное значение выражается расчлененными аналитическими формами слова, а иногда и порядком слов. Наиболее аналитическими языками считаются агглютинативные языки, в меньшей степени флективные и изолирующие. Слабая степень синтеза (в среднем 1-2 морфемы на слово) наблюдается, например, в китайском, вьетнамском, английском, французском языках.

После работы американского лингвиста Э. Сепира «Язык», в которой он доказывал необходимость различения грамматических типов языков по степени их синтетичности, т.е. по количеству морфем в слове, передающих разные грамматические значения, в современной лингвистике начали выделяться полисинтетические языки. Классическим примером такого языка является эскимосский язык, в котором в рамках одного слова разные суффиксы могут передавать целый комплекс грамматических значений, ср. глагол *anisaxtuxtəfkaRatapixnaqagjaRaqa*, имеющий значение 'я хотел было заставить его много раз ходить за снегом', который включает следующие морфемы: *ani-* корень 'снег', *-sax-* суффикс с идеей 'посылать', *-tux-* суффикс многократности, *-təfka-* суффикс каузатива, *-Rata-* суффикс переходности, *-pix-* суффикс интенсивно-

сти действия, *-naqag-* суффикс намерения, *-ja-* суффикс желания, *-Ra* — суффикс перфекта, *-qa-* — 'суффикс 1 лица субъекта и 3 лица объекта'.

В чистом виде аналитизм и синтетизм не представлен ни в одном языке мира, поскольку в каждом языке имеются элементы аналитизма и синтетизма, хотя соотношение их может быть разным (ср. в русском языке наряду с преобладанием синтетизма, имеются ярко выраженные черты аналитизма, ср. выражение категории лица у глаголов прошедшего времени, образование форм будущего времени глаголов несовершенного вида, аналитические формы сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий и т.д.).

Общие закономерности развития языков пока еще не изучены, хотя определенные тенденции в их эволюции прослеживаются. Многие языки в своей истории демонстрируют переход от синтетического строя к аналитическому (например, романские языки, ряд германских, иранские). Но их языковое развитие на этом не останавливается, и очень часто служебные слова и части речи, агглютинируясь с основой знаменательного слова, вновь создают синтетические формы. В этом отношении чрезвычайно интересна грамматическая судьба бенгальского языка: от флективного синтетического типа он постепенно перешел к аналитическому типу (исчезло старое склонение, а с ним и грамматическая категория падежа, числа, грамматический род, внутренняя флексия, зато получили широкое распространение аналитические формы), однако благодаря стяжению аналитических форм имени и глагола стали возникать новые синтетические формы с агглютинативными аффиксами (ср. глагольную форму *korčhilam* 'я делал', в которой *kor-* 'корень' *-čhi-* — морфема, которая восходит к служебному глаголу со значением 'быть' *-l-* — суффикс прошедшего времени, *-am* — флексия 1 лица'), появилось даже новое склонение из четырех падежей. История языков свидетельствует, что нередко в грамматической системе одного и того же языка синтетические конструкции могут вытесняться аналитическими (например, падежные формы предложно-падежными и далее предложными при отсутствии склонения, как, например, в болгарском) или на базе аналитических конструкций могут образовываться синтетические вследствие утраты служебного элемента (ср. в др.-рус. языке формы прошедшего времени *късмь ходилъ* и в современном русском *ходил*). Синтетические и аналитические формы могут сосуществовать даже в пределах одной парадигмы (ср. рус. *никто, ни у кого*). Более того, в языках постоянно формируются образования аналитического типа, поскольку сочетания слов яв-

ляются наиболее простым, мотивированным способом обозначения предметов и явлений внешнего мира. Однако в дальнейшем эти образования могут трансформироваться в синтетические формы (ср. обозначение черники в русском языке: *черная ягода* → *черника*).

В XX в. типологическая классификация языков стала дополняться другими классификациями, учитывающими не только морфологический, но и фонетический, словообразовательный, синтаксический и даже лексический критерии (см., например, работы В.М. Чекмана, Т.И. Вендиной, А.Ф. Журавлева). Из морфологической классификации она постепенно превращается в общеграмматическую, в которой в качестве релевантных выступают такие признаки, как массивность и фрагментность структуры слова, наличие морфонологических изменений на стыках морфем, функционирование формально-грамматических элементов разных уровней языка, синтагматика и т.д.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Генеалогическая классификация (< греч. *genealogia* 'родословная') – это классификация языков по принципу родства, т.е. на основе их родственных связей и общего происхождения из предполагаемого праязыка. Языки, объединенные общностью происхождения, образуют семью родственных языков. Генеалогическая классификация языков является, таким образом, классификацией языков по семьям. В соответствии с этой классификацией выделяют, в частности, индоевропейскую, афразийскую, дравидскую, уральскую, алтайскую и др. семьи языков.

Каждая семья языков происходит из разошедшихся друг с другом диалектов одного языка (праязыка) этой семьи. Праязык и является языком-основой исторической общности родственных языков (для славянских языков – это праславянский язык, для романских – народная латынь, для иранских – праиранский и т.д.). В пределах одной семьи языков выделяются, как правило, сравнительно небольшие группы языков, находящихся между собой в более тесных связях, чем с другими языками той же семьи (например, в пределах и-е семьи языков выделяются романские, славянские, германские, кельтские, балтийские и др. группы языков). Такие группы более близких друг к другу языков часто называют «ветвью языков» той или иной семьи. «Ветви языков» в свою очередь подразделяются на более мелкие группы, где связь между языками еще теснее

(например, славянские языки делятся на восточнославянские, куда входят русский, украинский и белорусский языки; западнославянские: польский с кашубским диалектом, сохранившим определенную генетическую самостоятельность, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкие; южнославянские: словенский, сербский, хорватский, македонский, болгарский). Каждая ступень дробления языков объединяет языки, находящиеся между собой в более тесных отношениях, чем с языками предшествующей ступени.

Для определения места языка в генеалогической классификации его необходимо сопоставить с другими языками той же семьи и с праязыком. Праязык обычно восстанавливается путем реконструкции, осуществляемой при помощи сравнительно-исторического метода. Чем дальше отстоит во времени реконструируемый праязык от письменных и устных языков-потомков, тем менее надежна и более условна его реконструкция, и, наоборот, чем ближе он к письменным свидетельствам, тем более он достоверен (ср., например, праславянский язык, верхнюю границу которого некоторые ученые датируют X–XII вв.). Сравнение родственных языков помогает воссоздать их историю, пути развития от праязыка до самостоятельного существования в качестве отдельного языка. Наиболее достоверными являются морфологические показатели родства языков. Это объясняется тем, что морфологический уровень языка наиболее консервативен и, как правило, мало проницаем для заимствований; кроме того, в каждом языке существует сравнительно небольшой набор грамматических значений, отличающихся исключительной устойчивостью; наконец, ограниченный состав фонем, представленных в окончаниях, облегчает установление соответствий между языками, особенно в тех случаях, когда формы образованы от общего корня и соответствие наблюдается во всех словоформах (ср. старославянское *късь*, древнеиндийское *ásmi*, хеттское *ešmi* из индоевропейского **esmi*), поскольку сходство не только в корнях, но и словоформах не может быть случайным.

Кроме морфологических показателей, при определении закономерностей исторического развития родственных языков привлекаются данные фонетико-фонологического уровня, позволяющие проследить цепь исторических изменений реконструируемого элемента и установить соответствие звука «х» в одном языке звуку «у» в другом, родственном ему (так, например, звуковые соответствия славянских языков в словах типа старославянского *свѣща*, болгарского *свещ*, сербского *свећа*, чешского *svíce*, польского *świeca*, русского *свеча* из праславянского **světja* позволили А.Х. Востоко-

ву проследить судьбу сочетания *tj в славянских языках и доказать важность закона звуковых соответствий при реконструкции праславянского языка). Наличие регулярных фонетических соответствий при существовании частичных расхождений является надежным критерием родства языков.

Менее надежны словарные соответствия, поскольку при определенных условиях существования двух неродственных языков (наличие длительного контакта, численная ограниченность языкового коллектива, образование смешанных браков и т.д.) возникают заимствования из одного языка в другой (даже в сфере наиболее употребительной лексики, связанной с терминами родства, с названиями флоры и фауны), что затрудняет отнесение языка к той или иной языковой группе. Заимствованные слова, сохраняя фонетическое оформление, могут, однако, дать материал для реконструкции их древнего облика, поскольку в языке, заимствовавшем данное слово, не происходило фонетических изменений, имевших место в языке, из которого произошло заимствование (ср. венгерское *szalma* 'солома', заимствованное из языка восточных славян, которое подтверждает правильность реконструкции русского *солома* как **solma* с последующим преобразованием в полногласное сочетание).

Заимствования могут происходить и между родственными языками, однако факты вторичного интенсивного смешения, как правило, устраняются с помощью методов сравнительно-исторической фонетики, которые позволяют выявить эти более поздние словарные заимствования и отделить их от исходно унаследованного запаса родственных слов.

Построение генеалогической классификации языков, как свидетельствует история языкознания, происходило на разных основаниях. Наибольшее распространение получил принцип «родословного древа», впервые использованный А. Шлейхером в генеалогической классификации индоевропейских языков. Согласно этому принципу, каждый общий язык (праязык) распадался на два (или более) языка, которые в свою очередь также распадались на два (или более) языка, из которых развились известные языки. Так, например, все славянские языки выводятся из праславянского через посредство трех промежуточных языков: празападнославянского, правосточнославянского, праюжнославянского (западно- и южнославянские языки могли при этом иметь еще и промежуточные праязыки). Общая схема «родословного древа» славянских языков выглядит следующим образом: праславянский (или общеславянский) распадается на празападнославянский, праюжнославянский и правосточ-

нославянский; из празападнославянского выделились пралужицкие, пралехитские и прачешско-словацкие диалекты, которые в свою очередь дали жизнь следующим языкам: верхнелужицкому, нижнелужицкому, польскому, полабскому, кашубскому, чешскому и словацкому; праюжнославянская группа распалась на празападную и правосточную группу диалектов, из которых впоследствии образовались словенский, сербский, хорватский, македонский и болгарский языки; правосточнославянская группа положила начало русскому, украинскому и белорусскому языкам.

Принцип «родословного древа» является удобным схематическим упрощением, хотя и не отражает (или отражает лишь в малой степени) реальные генетические процессы развития языков. Так, например, в истории южнославянских языков, как показали новейшие исследования в области сравнительной грамматики славянских языков, не было промежуточного праюжнославянского звена, введение его в схему родословного древа было вызвано необходимостью обозначить те славянские диалекты, которые после переселения носителей венгерского языка на территорию современной Венгрии в конце I тысячелетия до н.э. оказались отрезанными от остальных славянских диалектов и в дальнейшем развивались в контакте с балканскими языками). В связи с этим и сегодня ведутся поиски более совершенных схем исторического развития языков, отвечающих достижениям лингвистической географии. В современном языкознании снова возрождается интерес к «теории волн» И. Шмидта, оспорившего само понятие «родословного древа» и указавшего на важность такого фактора, как географическая смежность языков. Согласно теории И. Шмидта, каждое новое явление имеет свой очаг возникновения, откуда оно распространяется затухающими волнами. Поэтому родственные языки (и соответственно диалекты) постепенно переходят друг в друга через ряд промежуточных диалектов, представляющих собой сочетание таких волн. По мнению И. Шмидта, следует говорить не о промежуточных праязыках, а о непрерывной сети переходов от одного языка к другому (от индийских, в частности, к иранским, от иранских к славянским, от славянских к балтийским и т.д.). При исчезновении промежуточных диалектов различия между родственными языками становятся более ощутимыми.

Общая картина генеалогической классификации языков, продолжающей по-прежнему уточняться, выглядит следующим образом:

I. Индоевропейская семья языков, одна из наиболее крупных семей языков Евразии. В нее включаются более десяти групп («вет-

вей») языков, среди которых представлены как живые, так и мертвые языки:

1) хеттско-лувийская или анатолийская группа (в Малой Азии), в нее входят языки двух хронологических периодов: XVIII – XIII вв. до н.э. (хеттский, лувийский, палайский) и VII – IV вв. до н.э. (лидийский, ликийский, карийский и др.), все языки мертвые, некоторые тексты их еще не дешифрованы и принадлежность ряда языков к той или иной группе еще не установлена; основным языком этой группы – хеттский, который является самым древним из засвидетельствованных индоевропейских языков, на нем сохранились тексты XVIII – XIII вв. до н.э., записанные на глиняных табличках вавилонской клинописью;

2) индийская или индоарийская группа (северная половина Индийского субконтинента, о. Ланка): в нее входят языки трех хронологических периодов: древнего (II – I вв. до н.э.): ведийский, санскрит; среднего (I – IV вв. н.э.): пракриты; новый период: хинди, бенгали, бихари, маратхи, сингальский, синдхи, панджаби, бхили, пахари, цыганский и др.; классический санскрит, строгие нормы которого были изложены в грамматике Панини, до самого последнего времени оставался литературным языком индийцев, его грамматические формы соответствуют живому языку начала I тыс. до н.э., поскольку они с тех пор мало изменились, поэтому именно формы санскрита часто используются лингвистами в сравнительно-исторических языковых реконструкциях; ведийский язык – это язык вед, собрания религиозных текстов (гимнов богам, песнопений, заклинаний: самым архаичным является сборник «Ригведа», т.е. «Веда гимнов», появившийся еще во II тыс. до н.э.), который со временем стал исключительно языком религии и перестал развиваться;

3) иранская группа, объединяющая языки трех хронологических периодов: древнего (XIV в. до н.э. – IV в. до н.э.): авестийский, древнеперсидский, скифский и др.; среднего (IV – III вв. до н.э. – VIII – IX вв. н.э.): пехлеви, парфянский, хорезмийский, сакский и др.; нового: персидский, таджикский, курдский, осетинский, памирские языки и др.; древнейший текст на иранских языках – Авеста (первая половина I тыс. до н.э.), представляющий собой собрание поэтических проповедей и откровений легендарного религиозного реформатора Заратуштры, дает самые архаичные образцы авестийского языка;

4) тохарская группа, объединяющая восточно-тохарский и западно-тохарский языки который были распространены на севере Восточного Туркестана (V – VIII вв. н.э.), оба языка мертвые;

5) иллирийская группа (северо-западная часть Балкан и юго-восток Италии), включающая иллирийский и мессапский мертвые языки (VI – I вв. до н.э.); письменные памятники не засвидетельствованы, следы их восстанавливаются по ономастике;

6) греческая группа, объединяющая языки трех хронологических периодов: древнего (XV – IV вв. до н.э.): древнегреческий, язык поэм Гомера; среднего до XV в. н.э.: среднегреческий или византийский; нового: новогреческий в двух вариантах – книжном и разговорном;

7) италийская группа (Апеннинский п-ов), объединяющая языки нескольких хронологических периодов: древнего XVI в. до н.э. – I в. н.э.: латинский, фалискский, оскский, умбрский (все языки мертвые); среднего: народная латынь и формирующиеся на ее основе романские диалекты; нового: романские языки, которые делятся на пять подгрупп: галло-романскую (французский и провансальский языки), иберо-романскую (испанский, каталанский, галисийский, португальский), итало-романскую (итальянский, сардинский, самый архаичный из романских языков, и мертвый далматинский язык, на котором говорили до XIX в. на восточных берегах Адриатического моря), рето-романскую (руманшский, один из государственных языков Швейцарии, фриульский на северо-востоке Италии), балкано-романскую (румынский, молдавский, арумунский) и др.;

8) кельтская группа (на крайнем западе Европы – от Ирландии и Шотландии на Севере до Пиренейского п-ова на юге), в которой выделяется три подгруппы: а) галльская: галльский язык; б) бриттская: валлийский, бретонский и корнский языки; в) гойдельская: ирландский, шотландский и др.;

9) германская группа, в которой выделяются три подгруппы: а) восточногерманская: готский, бургундский, вандальский, гепидский, герульский – все языки мертвые; б) западногерманская: немецкий, английский, идиш (или новоеврейский на основе верхненемецких диалектов с элементами древнееврейского, славянских и др. языков), нидерландский, люксембургский, фризский (север Нидерландов), африкаанс (один из официальных языков ЮАР); в) северногерманская или скандинавская: исландский, фарерский (распространен на Фарерских островах, автономная область Дании), шведский, норвежский, датский и др.;

10) балтийская группа, в которой выделяются две подгруппы: а) западнобалтийская: прусский, ятвяжский, куршский, голядский языки – все языки мертвые; б) восточнобалтийская: литовский, латышский, латгальский;

11) славянская группа, в которой вычленяют три подгруппы: а) южнославянскую: старославянский (мертвый), болгарский, македонский, сербский, хорватский, словенский языки; б) западнославянскую: чешский, словацкий, польский с кашубским диалектом, верхнелужицкий, нижнелужицкий, полабский (мертвый) языки; в) восточнославянскую: русский, украинский, белорусский языки.

К индоевропейской семье языков относятся и языки, находящиеся «вне групповой классификации», т.е. не имеющие других близкородственных языков. Это армянский (древнейшие памятники которого датируются V в. н.э., однако первое упоминание об Армении встречается в хеттских надписях XVI в. до н.э.), фригийский (в северо-западной части Малой Азии, древнефригийские надписи относятся к VIII – III вв. до н.э.), фракийский (в восточной части Балкан и на северо-западе Малой Азии, древнейшие надписи датируются VI – III вв. до н.э.), венецианский в северо-восточной Италии и прилегающих к ней областях Словении и Австрии (древнейшие надписи VI–I вв. до н.э.), албанский (первые памятники с XV в.).

Вопрос о хронологических рамках индоевропейского праязыка и его локализации в истории языкознания не имеет однозначного решения. Наиболее распространенная в индоевропеистике точка зрения, что область первоначальной локализации индоевропейского языка (или точнее его диалектов) лежала в полосе от центральной Европы и Северных Балкан до Причерноморья (южнорусских степей). Вместе с тем в последнее время после фундаментального исследования Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова («Индоевропейский язык и индоевропейцы». М., 1984) все больше утверждается мнение, согласно которому центр иррадиации индоевропейского языка находился на Ближнем Востоке (в пределах Восточной Анатолии, Южного Кавказа и северной Месопотамии) в соседстве с носителями картвельских, афразийских (семито-хамитских) и, вероятно, дравидских и урало-алтайских языков.

II. Уральская семья языков, включающая две группы:

1) финно-угорскую, куда входят: а) прибалтийско-финские языки: финский, ижорский, карельский, вепсский, составляющие северную группу, и эстонский, ливский, водский языки, образующие южную группу; б) волжские языки: марийский и мордовские языки (эрзянский и мокшанский); в) пермские: удмуртский, коми-зырянский, коми-пермяцкий языки; г) угорские: венгерский, хантыйский, мансийский языки; д) саамский;

2) самодийскую: ненецкий, энецкий, нганасанский и практически исчезнувший селькупский (юг Красноярского края) языки;

III. Афразийская (или афро-азиатская) семья, объединяющая пять групп языков:

1) семитские языки (Зап. Азия и Африка, севернее Сахары) включают в себя несколько групп: *северно-восточную*, куда входит мертвый аккадский язык (древнейшие надписи на котором, выполненные шумерской клинописью, относятся к XXV в. до н.э.); *северо-западную*, куда входят мертвые угаритский, эблаитский, аморейский, древнееврейский (или ханаанейский), сохранившийся в книгах Библии (Ветхий Завет XII–III вв. до н.э.), а также в надписях на глиняных черепках в Палестине VIII в. до н.э.– II в. н.э., финикийско-пунический и арамейский (бывший своеобразным международным языком Палестины, Сирии и Месопотамии), а также живые иврит и ассирийский; *центральную*, куда входит арабский со множеством диалектов и мальтийский; *южную*, включающую бесписьменные языки мехри, шахри и сокотри, а также джиббали, тиграи, амхарский, харари и мертвые языки минейский, сабейский, катабанский, эфиопский, гафат);

2) египетские языки: мертвый с V в. древнеегипетский (язык-долгожитель, непрерывную историю его можно проследить на протяжении 47 веков, первые памятники письменности его относятся к концу четвертого – началу третьего тысячелетия); развившийся на его основе в III в. коптский язык, который просуществовал до XVII в., уступив место арабскому, в настоящее время коптский язык остается церковным языком египетских христиан;

3) берберо-ливийские (многочисленные языки и диалекты берберских народов Северной Африки и Сахары);

4) чадские, куда входят более ста пятидесяти языков и диалектов, распространенных в центральном Судане, в районах, примыкающих к озеру Чад на территории Северной Нигерии, Северного Камеруна, республики Чад; крупнейший из них – хауса, широко используемый в качестве средства межэтнического общения;

5) кушитские: эту группу языков представляют языки северо-восточной части Африки – от тропика до экватора: Судана, Эфиопии, Сомали, Джибути, Кении, Танзании; крупнейшие из них – сомали и оромо;

IV. Кавказские языки, объединяющие в своем составе три семьи языков:

западнокавказскую семью (на территории Абхазии, Карачаево-Черкессии, Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Турции): абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский и убыхский язык (в Турции), все языки младописьменные;

восточнокавказскую семью (на территории Чечни, Ингушетии, Дагестана, Грузии и на севере Азербайджана), которая распадается на пять групп: нахскую (чеченский, ингушский и бацбийский язык в Грузии); аварскую (аварский, андийский, цезский); лакскую (лакский язык в Дагестане); даргинскую (даргинский язык в Дагестане); лезгинскую (лезгинский и табасаранский языки);

южнокавказскую (картвельскую) семью (на территории Грузии, частично в Турции, Иране), в которую входят: грузинский, занский с чанским (в Турции) и мегрельским диалектами, лазский (на северо-востоке Турции), сванский языки.

Генетически изолированные языки Ближнего Востока и Средиземноморья:

шумерский язык (на юге Месопотамии, территория современно-го Ирака) – вымер к началу второго тысячелетия до н.э. Родство шумерского языка с другими языками не установлено. Шумеры были первыми, кто создал свою письменность, первые клинописные тексты относятся к XXIX в. до н.э.;

хурритский язык (в северной Сирии и Месопотамии), вымер к началу первого тысячелетия до н.э., единого мнения о его генетических связях нет, хотя делаются попытки связать хурритский и урартский языки с кавказскими языками. Древнейшие памятники письменности датируются XXV в. до н.э.;

урартский язык (на территории Армянского нагорья, у оз. Ван), мертвый язык, клинописные памятники относятся к IX в. до н.э.;

этрусский язык (на территории Апеннинского п-ова), мертвый язык, генетическая принадлежность которого окончательно не выяснена, первые памятники письменности (некоторые из которых до сих пор не дешифрованы) относятся к VII в. до н.э.;

баскский язык (на севере Испании и юго-западе Франции), один из двух официальных языков страны Басков (автономная провинция Испании), отличается высокой диалектной вариативностью (количество говоров практически равно количеству поселений);

бурушаский язык (на севере Кашмира) бесписьменный.

У. Дравидская семья языков (на территории Индийского субконтинента, распространена главным образом в южных штатах Индии, в Пакистане, в Южном Афганистане, в Восточном Иране, частично в Шри-Ланке, в странах Юго-Восточной Азии, в Южной Африке). В нее входят языки телугу, тамильские, каннада, малаялам и др. Генеалогическая классификация этих языков окончательно не разработана. В настоящее время доказано родство дравидских языков с эламским (некогда существовавшим в южной части

Иранского нагорья, известным по клинописным табличкам XXIII – IV вв. до н.э.).

VI. Юкагиро-чуванская семья языков (на территории северо-восточной Якутии, частично Магаданской области). Исчезнувшая семья близкородственных языков, ассимилированных эвенками, якутами, чукчами и русскими. Единственный представитель этой семьи языков юкагирский язык в бассейнах рек Колыма и Алазея. Сохранились также диалекты колымский и тундренный, отличающиеся рядом фонетических, морфологических и лексических черт. Предполагают генеалогическую связь этих языков с уральскими и алтайскими языками.

VII. Алтайская семья. Макросемья языков, объединяющая на основе предполагаемой генетической сопринадлежности:

1) тюркскую группу, куда входят языки: чувашский, татарский, башкирский, киргизский, узбекский, кумыкский, карачаево-балкарский, крымско-татарский, караимский, ногайский, каракалпакский, казахский, якутский, долганский, алтайский, хакасский, тувинский, тофаларский, шорский, чулымский, камасинский, уйгурский, туркменский, турецкий, азербайджанский, гагаузский, а также мертвые бугарский, печенежский, половецкий, хазарский и др. языки;

2) монгольскую группу, объединяющую монгольский, бурятский, калмыцкий, дагурский, могольский, дунсянский и др. языки;

3) тунгусо-маньчжурскую группу (группа близкородственных языков Дальнего Востока и Сибири: эвенкийский, эвенский, удэгейский, нанайский, маньчжурский и др.).

В эту семью языков включают также изолированные корейский и японский языки (хотя попытки доказать родство японского языка с алтайскими языками пока не дали окончательных результатов).

VIII. Чукотско-камчатская семья языков (на которых говорит коренное население Чукотки и Камчатки), объединяющая чукотский, корякский, алюторский, ительменский и др. языки.

IX. Енисейская семья языков (распространенная по берегам Енисея и его притоков), включающая живые кетский и сымский языки, а также мертвые коттский, аринский, ассанский языки.

Генетически изолированные языки Сибири и Дальнего Востока: нивхский (распространен в устье Амура и на севере о. Сахалин); айнский (на о. Хоккайдо и Хонсю) под натиском японского языка в настоящее время вышел из живого употребления.

X. Китайско-тибетская семья языков, одна из крупнейших языковых семей мира, насчитывающая более ста языков от племенных до национальных. Традиционно выделяют две ветви:

1) восточную, объединяющую китайский и дунганский языки; иногда в эту группу включают каренские языки, распространенные на границе Таиланда и Бирмы; древнейшие памятники письменности китайского языка относятся к XIII в. до н.э.;

2) западную (тибето-бирманские языки: тибетский, невари, трипури, манипури, низо, качинский язык, бирманский).

В настоящее время среди языков Восточной Азии наметилась тенденция выделять в самостоятельную семью языков группу малоизученных родственных языков мяо-яо, известных главным образом в провинции Хунань, а также таи-чжуанскую группу, объединяющую тайский язык (официальный язык Таиланда), чжуанский (китайская провинция Гуанси), лаосский (официальный язык Лаоса), шанский (распространен в Шанском нагорье, на северо-востоке Бирмы) и др. языки.

XI. Австроазиатская семья, в которой выделяются восемь языковых групп, каждая из которых представлена многочисленными диалектами. На Андаманских островах лингвистами зафиксирован генетически изолированный андаманский язык, генеалогические корни которого изучаются.

XII. Австронезийская семья языков Индийского и Тихого океанов, куда входят четыре группы языков:

1) индонезийская (включающая более трехсот языков, среди которых индонезийский, филиппинские, тагальский, мальгашский, малайско-яванские языки и др.);

2) полинезийская (тонганские, маорийский, самоанский, таитянский, гавайский и ядерно-полинезийские языки);

3) меланезийская (объединяющая более четырехсот языков: языки фиджи, ротума, Соломоновых островов, Новой Каледонии);

4) микронезийская (языки науру, кирибати, понапе, маршалльские и др.).

Микронезийские, полинезийские и меланезийские языки образуют группу океанийских языков.

XIII. Папуасская семья, объединяющая около тысячи многочисленных и генеалогически неоднотипных языков Новой Гвинеи и близлежащих островов Тихого Океана.

Генеалогическая классификация языков продолжает развиваться и уточняться (особенно в связи с изучением индейских языков, объединяющих крупные семьи языков Северной, Центральной и Южной Америки).

Сложная в языковом отношении картина представлена и в Африке (к югу от Сахары), отсутствие старых письменных текстов, ис-

торических сведений о миграциях и контактах народов, плохая документированность сотен малочисленных языков затрудняет их изучение, однако общие контуры генеалогической классификации этих языков постепенно вырисовываются. Самыми крупными языковыми семьями языков Африки является две – конго-сахарская макросемья и нило-сахарская, а также обособленно стоящая койсанская семья языков.

Общая картина генеалогической классификации языков еще далека от завершения. Она не гарантирует пока точности деления семей на группы и подгруппы, особенно происходящих из промежуточных праязыков. Дальнейшее уточнение генеалогической классификации достигается путем изучения ареальных связей контактирующих языков и диалектов, а также выяснения древних отношений между «макросемьями» в связи с проблемой объединения отдельных языковых семей в макросемью ностратических (< лат. *poster* 'наш') языков, включающую индоевропейские, афразийские, картвельские, уральские, дравидские, алтайские языки.

Существующие генеалогические и типологические классификации языков, построенные на разных основаниях, не перекрывают друг друга и далеко не совпадают. Языки одного и того же морфологического типа могут иметь различное происхождение и принадлежать разным семьям (например, грузинский и казахский языки являются агглютинативными языками, однако они принадлежат разным языковым семьям: грузинский – к картвельской, а казахский – к алтайской), и, наоборот, в пределах одной и той же семьи языков могут оказаться языки разного морфологического строя (например, русский и английский языки входят в индоевропейскую семью языков, однако русский язык – это язык, обладающий богатой морфологией, т.е. язык флективного синтетического типа, а в английском языке форм словоизменения почти нет, т.е. это язык ярко выраженного аналитического строя).

Рекомендуемая литература

1. *Иванов В.В.* Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. М., 1954.
2. *Иванов В.В.* Языки мира //Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. *Кузнецов П.С.* Морфологическая классификация языков. М., 1954.
4. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1967, гл. VI.
5. *Шайкевич А.Я.* Введение в лингвистику. М., 1995, гл. VI.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббревиация 211
 Абсолютные универсалии 5
 Австроазиатская семья 278
 Австронезийская семья 278
 Агглютинативные языки 264
 Агглютинация 212
 Адстрат 48
 Аккомодация 85 ✓
 Активная лексика 166
 Актуальное членение 250
 Алломорфы 200
 Аллофоны 92
 Алтайская семья 277
 Алфавитное письмо 103
 Альвеолярные согласные 74
 Аморфные языки 263
 Аналитическая форма слова 207
 Аналитические языки 266
 Аналогия 218
 Антонимы 158
 Апикальные согласные 72
 Апокопа 88
 Арготизмы 163
 Ареальная лингвистика 20
 Архаизмы 168
 Архисема 117
 Ассимиляция 85 ✓
 Ассоциативное поле 155
 Аспектные словари 182
 Афразийская семья 275
 Аффиксальные морфемы 196
 Аффикация 210, 212
 Аффиксирующие языки 263
 Аффиксоид 205
 Аффрикатy 73

 Безаффиксный способ словообразования 210
 Боковые согласные 73

 Валентность морфемы 203
 Варианты 93, 208
 Вариации 92
 Взрывные согласные 73

 Внутренняя флексия 214
 Внутренняя форма слова 126
 Восходяще-нисходящий дифтонг 70
 Восходящий дифтонг 70
 Выдержка 67

 Гаплогогия 86
 Генеалогическая классификация 15, 261, 268
 Географическая классификация 261
 Глагол 232
 Гласные 68
 Глухие согласные 71
 Говор 26
 Грамматическая категория 219
 Грамматическая форма 194
 Грамматическое значение слова 129, 192
 Грамматическое поле 155
 Графика 107
 Губные согласные 72

 Двусоставные предложения 248
 Двуязычные словари 184
 Делимитативная функция фонемы 94
 Денотат 125
 Денотативное значение слова 132
 Дентальные согласные 74
 Дезимологизация 176
 Диалект 26
 Диалектизмы 163
 Диахронное языкознание 5
 Дивергенция 41
 Дизъюнкция 96
 Диспозитивная норма 60
 Диссимиляция 86
 Дистактные изменения звуков 87
 Дифтонг 70
 Дифтонгоид 70
 Дифференциация языков 41
 Дизреза 86
 Дополнение 253
 Дорсальные согласные 72
 Дравидская семья 276
 Дрожащие согласные 73

- Енисейская семья языков 277

 Заднебные согласные 74
 Заднеязычные согласные 72
 Закон восходящей звучности 77
 Законы языкового развития 40
 Закрытый слог 76
 Залог 235
 Звонкие согласные 71
 Звук 66
 Знаменательные слова 115
 Значение аффиксов 193, 194
 Значение слова 121
 Зональный язык 62
 Зубные согласные 74

 Идеографическое письмо 101
 Идиолект 26
 Изафет 245
 Изолирующие языки 263
 Императивная норма 60
 Имплзивные согласные 73
 Индоевропейская семья 271
 Инкорпорация 245, 264
 Инкорпорирующие языки 264
 Интерфикс 201
 Интонация 83
 Интеграция языков 41
 Интенсивность речи 84
 Инфикс 201
 Искусственные языки 62
 Историзмы 168
 Исторические изменения словарного состава языка 165
 Исторические чередования звуков 89
 Исторический принцип орфографии 110

 Кавказские языки 275
 Какуминальные согласные 72
 Картвельская семья 276
 Качественная редукция 88
 Квазисинонимы 156
 Кириллица 106
 Китайско-тибетская семья 277

- Классификационная морфологическая категория 220
 Классификация морфем 200
 Классификация языков 260
 Книжная лексика 164
 Койне 42
 Количественная редукция 87
 Комбинаторные изменения звуков 85
 Коммуникативные единицы 257
 Конвергенция 41
 Конверсия 212
 Конструктивно-обусловленное значение 136
 Контактные изменения звуков 87
 Конфикс 201
 Координация 245
 Корень 196
 Корреляция 96
 Критерии разграничения омонимии и полисемии 142
 Культурно-историческая классификация языков 56, 262
 Культурно-языковые союзы 46

 Лабиализованные гласные 69
 Ларингальные согласные 72
 Лекса 117
 Лексема 117
 Лексико-грамматическая категория 221
 Лексикография 114, 181
 Лексикология 6, 112
 Лексико-семантическая группа 152
 Лексико-семантическая система 146
 Лексико-семантические варианты 147
 Лексико-синтаксический способ словообразования 212
 Лексические неологизмы 169
 Лексическое значение слова 121, 130, 191
 Линкос 64
 Литературный язык 26, 56
 Логическое ударение 83
 Логосическая теория происхождения языка 32

 Мелодика речи 83

Местоимение 237
Метатеза 86
Метафора 138
Метонимия 139
Многозначность слова 136
Монофтонг 70
Морф 199
Морфема 189, 195
Морфема-операция 214
Морфологическая грамматическая категория 220
Морфологический принцип орфографии 109
Морфологический способ словообразования 210
Морфология 7, 187
Морфонология 6
Морфосемантическое поле 155
Московская фонологическая школа 95
Мотивированность слова 126
Мягкие согласные 73

Наречие 235
Народная этимология 176
Нейтральная лексика 161
Нелабелизованные гласные 69
Ненормативные словари 182
Неологизмы 169
Неподвижное ударение 81
Непозиционные чередования звуков 88
Неполные предложения 249
Неприкрытый слог 76
Непродуктивные аффиксы 203
Непроизводная основа слова 197
Нерегулярный аффикс 202
Нисходящий дифтонг 70
Номинативные единицы 257
Норма 60
Нормативные словари 182
Носовые гласные 69
Носовые согласные 73
Нулевая морфема 1945

Обстоятельство 254

Общая предметная отнесенность слова 125
Общее языкознание 4
Общепринятая лексика 162
Односоставные предложения 248
Одноязычные словари 181
Окказионализмы 170
Оксюморон 159
Омографы 141
Омонимия 140
Омонимы 141
Омофоны 141
Омоформы 141
Ономасиология 7, 113
Ономастика 113, 177
Определение 253
Опрощение 217
Орфография 108
Основа слова 197
Основное лексическое значение 134
Основные единицы грамматического строя языка 189
Открытый слог 76
Отрицательные предложения 247

Папуасская семья 278
Парадигма 194
Паразитические звуки 79
Паронимы 160
Парономазы 160
Пассивная лексика 167
Переднеязычные согласные 74
Переднеязычные согласные 72
Переразложение 217
Переходность частей речи 238
Перспективы развития языков в будущем 61
Перцептивная функция фонемы 93
Петербургская фонологическая школа 95
Пиктография 100
Письмо 100
Побочное ударение 82
Подвижное ударение 81
Подлежащее 252
Подъем гласных 68
Позиционные изменения звуков 87

Позиционные чередования звуков 88
Позиция 91
Полисемия 136
Полисинтетические языки 266
Полные предложения 249
Полные омонимы 141
Полные синонимы 156
Понятие 122
Постфикс 201
Правила слогораздела 77
Практическая транскрипция 98
Празык 268
Предложение 191, 241, 247
Предметная отнесенность слова 125
Префикс 201
Префиксоид 205
Признаки слова 120
Приложение 253
Прилагательное 231
Прикрытый слог 76
Примыкание 245
Прогрессивные комбинаторные изменения звуков 86
Продуктивный аффикс 203
Производная основа слова 197
Производящая основа слова 197
Происхождение языка 32
Проклитики 82
Просторечная лексика 162
Протеза 80
Профессионализмы 163
Психолингвистика 20
Пути образования национальных языков 52

Разговорно-бытовая лексика 161
Разговорно-литературная лексика 162
Различительная функция фонемы 93
Регрессивные комбинаторные изменения 87
Регулярные аффиксы 202
Редукция 87
Редупликация 215
Рекурсия 67
Рема 250
Ретрофлексные согласные 72
Ритм речи 83

Родословное древо 14, 270
Родство языков 43
Ртовые гласные 69
Ртовые согласные 73
Ряд гласных 69

Свободное лексическое значение 135
Свободное ударение 81
Свободные морфемы 199
Своеобразие частей речи 239
Связанное ударение 81
Связанные морфемы 199
Сема 117
Семантико-стилистические синонимы 157
Семантическая структура слова 129
Семантическая трапеция 124
Семантические неологизмы 169
Семантические синонимы 157
Семантический способ словообразования 211
Семантический треугольник 121
Семантическое поле 153
Семасиология 7, 113
Семема 117
Семья языков 44
Сигнификативная функция фонемы 94
Сигнификативное значение слова 132
Силлабическое письмо 103
Сильная позиция 91
Сингармонизм 86
Синекдоха 140
Синкопа 88
Синонимический ряд 158
Синонимы 155
Синтагматические отношения в лексике 148
Синтагматическое поле 155
Синтагматическое ударение 83
Синтаксическая грамматическая категория 221
Синтетическая форма слова 207
Синтаксически обусловленное значение 135
Синтетические языки 265
Синтаксический уровень 7
Синхронное языкознание 5

Система языка 146, 255
Сказуемое 253
Слабая позиция 91
Сленг 162
Словари 181
Словарный состав языка 160
Словесно-слоговой тип письма 102
Слово 114, 118, 189
Словоизменительная морфологическая категория 220
Словообразование 7, 209
Словообразовательное значение слова 130, 193
Словообразующий аффикс 202
Словосочетание 190, 243
Словоформа 205
Словоформообразующий аффикс 202
Слог 75
Слогораздел 77
Сложение 211
Сложное предложение 249
Служебные слова 115, 238
Смычные согласные 73
Согласные 71
Согласование 244
Сонорные согласные 71
Социальная теория происхождения языка 35
Способы выражения грамматических значений 212
Способы словообразования 209
Срединные согласные 73
Среднеязычные согласные 74
Среднеязычные согласные 72
Статистические универсалии 5
Стилистические синонимы 157
Стилистическое расслоение словарного состава языка 160
Строевые единицы 257
Структура языка 255
Структурное значение слова 133
Субморф 200
Субстрат 47
Суперстрат 48
Супплетивизм 214
Суффикс 201

Суффиксальный способ словообразования 210
Суффиксоид 205
Существительное 229
Сущность языка 22

Твердые согласные 74
Тема 250
Тематическая группа 153
Тембр речи 84
Темп речи 84
Теория волн 15, 271
Теория общественного договора происхождения языка 33
Типологическая классификация 261, 262
Типы лексических значений 132
Типы лингвистических словарей 181
Транскрипция 97
Транслитерация 98

Увулярные согласные 72
Ударение 80
Унификсы 202
Управление 244
Уральская семья 274
Уровни языка 6, 256
Усечение 211
Устаревшие слова 167
Утвердительные предложения 247
Утрата внутренней формы слова 128

Фарингальные согласные 72
Флексия 201
Флективность 213
Флективные языки 263
Фонема 89
Фонематическая транскрипция 98
Фонематический принцип орфографии 109
Фонемные оппозиции 96
Фонетика 6, 66
Фонетическая синтагма 79
Фонетическая система языка 6, 96
Фонетическая транскрипция 97
Фонетический принцип орфографии 109

Фонетическое слово 79
Фонологическая система языка 96
Фонология 6
Форма слова 205
Форматив 207
Формообразующая основа 206
Формообразующий аффикс 202, 206
Фраза 79
Фразеологизмы 143
Фразеологические выражения 145
Фразеологические единства 145
Фразеологические сочетания 145
Фразеологические сращения 144
Фразеологически связанное значение 135
Фразеология 113
Фразовое ударение 83
Фузия 213
Функции интонации 84
Функции ударения 82
Функции фонемы 93
Функции языка 23
Функциональная классификация языков 26

Характеристика основных частей речи 229

Части речи 223
Части речи и члены предложения 251
Частичные омонимы 141
Частичные синонимы 156
Частная предметная отнесенность слова 125
Частное языкознание 5
Чередование 214
Чередования звуков 88
Числительное 236
Члены предложения 251
Чукотско-камчатская семья языков 277

Шумные согласные 71

Щелевые согласные 73

Эволюционная теория происхождения языка 34

Экскурсия 67
Элизия 80
Эмотивное значение слова 133
Энантисемия 160
Энклитики 82
Эпентеза 80
Эпидигматические отношения в лексике 150
Эпитеза 80
Эсперанто 63
Этимология 113, 174
Этимон 176
Этнолингвистика 19
Юкагиро-чуванская семья 277

Язык и культура 54
Язык и мышление 28
Язык и общество 25
Язык и речь 27
Язык как система 254
Язык народности 26, 51
Язык нации 26, 51
Языковая политика 26
Языковой союз 45
Язычные согласные 72

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>англ.</i>	– английский язык	<i>мн. ч.</i>	– множественное число
<i>араб.</i>	– арабский язык	<i>монг.</i>	– монгольский язык
<i>блг.</i>	– болгарский язык	<i>муж.р.</i>	– мужской род
<i>блр.</i>	– белорусский язык	<i>наст.вр.</i>	– настоящее время
<i>венг.</i>	– венгерский язык	<i>нем.</i>	– немецкий язык
<i>вин.п.</i>	– винительный падеж	<i>нес.в.</i>	– несовершенный вид
<i>вьетн.</i>	– вьетнамский язык	<i>плс.</i>	– польский язык
<i>герм.</i>	– германский	<i>предл.п.</i>	– предложный падеж
<i>греч.</i>	– греческий язык	<i>род.п.</i>	– родительный падеж
<i>дат.п.</i>	– дательный падеж	<i>рус.</i>	– русский язык
<i>диал.</i>	– диалектное	<i>санскр.</i>	– санскрит
<i>др.-англ.</i>	– древнеанглийский	<i>сев.-рус.</i>	– севернорусское
<i>др.-греч.</i>	– древнегреческий	<i>серб.</i>	– сербский язык
<i>др.-рус.</i>	– древнерусский	<i>слн.</i>	– словенский язык
<i>ед.ч.</i>	– единственное число	<i>слц.</i>	– словацкий язык
<i>жарг.</i>	– жаргонное слово	<i>сов.в.</i>	– совершенный вид
<i>иврит.</i>	– язык иврит	<i>суф.</i>	– суффикс
<i>и-е</i>	– индоевропейский	<i>тв.п.</i>	– творительный падеж
<i>им.п.</i>	– именительный падеж	<i>укр.</i>	– украинский язык
<i>лат.</i>	– латинский язык	<i>фин.</i>	– финский язык
<i>лит.</i>	– литературный термин	<i>хорв.</i>	– хорватский язык
<i>литов.</i>	– литовский язык	<i>франц.</i>	– французский язык
<i>л.</i>	– лицо	<i>чеш.</i>	– чешский язык
<i>мак.</i>	– македонский язык	<i>юж.-рус.</i>	– южнорусское

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Языкознание как наука (4). Место языкознания в системе наук (7)	
Глава 1	9
Из истории языкознания (9).	
Глава 2	22
Сущность языка (22). Язык как общественное явление (25). Язык и речь (27). Язык и мышление (28).	
Глава 3	32
Происхождение языка (32).	
Глава 4	38
Закономерности исторического развития языка (38). Интеграция и дифференциация как основные процессы развития и формы взаимодействия языков (41). Родство языков и языковые союзы (43). Субстрат, суперстрат, адстрат (47). Язык народности и национальные языки (49). Пути образования национальных языков (52). Язык и культура (54). Литературный язык (56). Литературно-языковая норма, ее кодификация и распространение (59). Перспективы развития языков в будущем (61). Искусственные международные языки, эсперанто (62).	
Глава 5	66
Фонетика (66). Принципы классификации звуков речи (68). Слог как артикуляционно-акустическая единица (75). Паразитические звуки (79). Ударение и его виды (80). Интонация и ее элементы (83). Взаимодействие звуков в речевом потоке (85). Фонема как единица языка (89). Транскрипция (97).	
Глава 6	100
Основные этапы развития письма (100). Графика (107). Орфография (108).	
Глава 7	111
Лексикология (112). Слово как предмет лексикологии (114). Слово как единство звуковой формы, морфемного строения и значения (118). Лексическое значение слова и понятие (121). Слово и	

предмет (125). Мотивированность слова (126). Семантическая структура слова (129). Типы лексических значений слова (132). Многозначность слова (136). Омонимия (140). Фразеологизмы (143). Понятие о лексико-семантической системе языка (146). Понятие о лексико-семантических, тематических группах и семантических полях (151). Синонимы и синонимические ряды (155). Антонимы (158). Паронимы (160). Стилистическое расслоение словарного состава языка (160). Исторические изменения словарного состава языка (165). Активная и пассивная лексика (166). Устаревшие слова (167). Неологизмы (169). Пути обогащения словарного состава языка (170). Историческая лексикология и этимология (174). Ономастика (177). Основные типы лингвистических словарей (181).

Глава 8 187

Грамматика (187). Основные единицы грамматического строя языка (189). Лексическое и грамматическое значение (191). Морфема как мельчайшая значимая единица языка и как часть слова (195). Классификация морфем (200). Понятие формы слова (205). Синтетические и аналитические формы слова (207). Способы словообразования (209). Способы выражения грамматических значений (212). Опрощение, перерасположение, изменение по аналогии (216). Грамматическая категория (219). Части речи как лексико-грамматические классы слов (223). Характеристика основных частей речи (229). Переходность частей речи (238). Своеобразие частей речи в разных языках (239). Предложение и словосочетание (241). Предложение как основная коммуникативная и структурная синтаксическая единица языка (247). Части речи и члены предложения (251). Язык как система систем (254).

*Медерса
7, 187*

Глава 9 260

Классификация языков (260). Типологическая классификация языков (262). Генеалогическая классификация языков (268).

Терминологический указатель	280
Условные сокращения	286